

Российский государственный профессионально-педагогический университет

Судьбой хранима

Воспоминания Г. М. Лисовской

2-е издание,
дополненное

Екатеринбург
2004

Судьбой хранима: Воспоминания Г. М. Лисовской / Лит. обраб., коммент. и предисл. Ю. В. Казарина; Рос. гос. проф.-пед. ун-т. – 2-е изд., доп. – Екатеринбург, 2004. – 121 с.

«Судьбой хранима» – это второе расширенное издание книги о Галине Михайловне Лисовской – нашем современнике, удивительном человеке и ученом, сложная и многогранная жизнь которого не перестает восхищать всех, кто знал ее, работал с ней, учился у нее, а также всех, для кого Галина Михайловна была и остается нравственным идеалом.

Сложная и многогранная жизнь этой удивительной женщины восхищает окружающих: здесь и детство – в Средней Азии, юность – в период Великой Отечественной войны, где она была непосредственным участником – хирургом эвакуопункта, зрелость – на передовых позициях медицинской науки.

Книга будет интересна не только тем, кто лично знаком с Галиной Михайловной, но и всем, кому безразлична наша история.

Ответственный редактор член-корреспондент Российской академии образования, профессор, доктор педагогических наук, ректор Российского государственного профессионально-педагогического университета Г. М. Романцев.

© Российский государственный
профессионально-педагогический
университет, 2004

К читателю

Дорогой читатель! Перед Вами книга, которую можно отнести к серии «Жизнь замечательных людей». В ней рассказано о *Галине Михайловне Лисовской* – профессоре Российского государственного профессионально-педагогического университета.

Формальным поводом для издания этой книги стала очередная годовщина (шестидесятая) Победы над фашистской Германией, а о неформальном я попытаюсь сказать ниже.

Конечно, каждый человек уникален, но далеко не каждому дано прожить жизнь яркую, трудную, интересную, честную, успешную, долгую, жизнь – подвиг, жизнь – пример для подражания и восхищения. Более того, должно сильно посчастливиться, чтобы не разминуться с таким человеком, а, повстречав, разглядеть его, не пропустить.

Мне повезло в этом. На протяжении 10 лет я был коллегой Галины Михайловны по работе. Сейчас, когда я уже многое знаю о ней и когда написана эта книга, я не перестаю удивляться тому, как ей удавалось за скромностью, тактом, сдержанностью, женственностью, хрупкостью, какой-то «обычностью» прятать свою волю, силу духа, мужественность, героизм, подвижничество, ум, проницательность, стойкость, мудрость, выносливость, жертвенность и еще многие качества, каждое из которых надо было бы писать с большой буквы.

Узнавая факты ее биографии, все время ловлю себя на мысли: «А как я поступил бы в той или иной ситуации, а хватило бы силы, порядочности, а достало бы мудрости?!» Безусловно, фортуна была всю жизнь на ее стороне: она выжила в страшной войне, она состоялась в профессиях, в личной жизни, состоялась как мать, хирург, педагог, руководитель...

Все это так. Но, думается, что фортуна, судьба дает человеку только шанс, а использовать его, развить, реализовать могут не столько избранные богом, сколько достигшие этого трудом всей жизни.

Я давно заметил, что долгожителями становятся не спортсмены, не физически тренированные люди, а те, кто развит духовно, кто ведет жизнь творческую; именно они быстро достигают высот профессионализма и намного дольше других сохраняют физический и интеллектуальный тонус.

Никогда не забуду, как в начале 90-х гг. в Ташкенте мы с Галиной Михайловной бегом бежали на регистрацию, опаздывая на самолет. В на-

ших руках было по два ящика фруктов, подаренных гостеприимными узбекскими преподавателями, плюс багаж с личными вещами. Поразительно, но я, хотя и моложе на 30 лет Галины Михайловны, чуть не проиграл ей этот кросс. При этом на «финише» она выглядела свежее меня.

Вот так она удивляла окружающих всю свою жизнь. Только в 1999 г. под ее руководством 8 человек защитили кандидатские диссертации. Это был абсолютный рекорд университета; она стала лауреатом университетского конкурса на звание «Лучший преподаватель» – и ведь все это в 80 лет!

К сожалению, сейчас, когда выходит эта книга, Галины Михайловны уже нет с нами, но по большому счету это ничего не меняет.

Дорогой читатель! Познакомьтесь с жизнью *Галины Михайловны Лисовской*, прикоснитесь к истокам душевности и духовной глубины одного из самых замечательных современников. Может быть, и Вас это тоже чему-нибудь научит.

Г. М. Романцев

Предисловие

Есть книги, которые появляются на свет так, как растут деревья – не приметно и неудержимо, мощно и легко: они необходимы и неизбежны, как воздух и свет. Такие книги Борис Пастернак назвал «кусками дымящейся совести». Книга воспоминаний Галины Михайловны Лисовской – это не мемуары и не суд над состоявшейся жизнью. Эта книга – сама жизнь, жизнь замечательного человека, прекрасного ученого, опытейшего преподавателя, красивой женщины, дочери, матери и жены; книга человека, способного строго, трезво и непредвзято взглянуть себе в глаза, отразившиеся вместе с душой в глубоком зеркале русской речи.

«Судьбой хранима» – это книга жизни одновременно простого и выдающегося, сильного и необыкновенно доброго человека, поэтому в ней присутствуют воспоминания друзей, соратников и коллег Г. М. Лисовской.

Первому изданию книги предшествовала наша встреча весной 2000 г., почти на пороге двадцать первого века и третьего тысячелетия...

...Ранняя уральская весна. Весна, похожая на осень, когда неопределенное состояние погоды подтверждается, прежде всего, землей, на которой уже нет снега, но и трава еще глубоко – спит под комьями то ли городского чернозема, то ли торфа, напоминающего нам о том, что где-то там, за границами огромного Екатеринбурга, есть леса, горы, реки и болота, что именно там начинается основная работа весны. Мы сидим на кафедре современного русского языка в Уральском университете – две красивые женщины и я. Нас окружают старые книги о русском языке, и я начинаю понимать, что вот – еще одно совпадение – наш язык переживает свою очередную весну: на рубеже веков и тысячелетий, потому что за окном двухтысячный год и жизнь сегодня совсем иная, не такая уже, как 10, 20, 30, 40 и 50 лет тому назад.

Обе женщины немного смущены. Они очень похожи друг на друга; Валентина Александровна Метаева заметно волнуется, знакомя нас – своего любимого учителя, Галину Михайловну Лисовскую, и своего старинного и доброго друга, то бишь меня, и глаза у нее тревожные, но любящие («Кого больше?» – думаю я. И понимаю, что любовь к учителю и другу – это и есть, видимо, максимальное проявление души, душевной привязанности к чужому по крови человеку, ставшему родным).

Галина Михайловна Лисовская удивляет меня своей ровной, какой-то основательной взволнованностью – может быть, она всегда такая? Потом уже Валентина Александровна подтверждает мою догадку: эмоционально-психологический склад характера и натуры Галины Михайловны именно таков – он основывается на замечательно мощном и плодотворном противоречии и взаимодействии – одновременно – чувств и ума, это свойство ее как личности на протяжении всей ее долгой жизни (и пока еще все-таки короткой-короткой для человека такого ума, такого таланта, такого дара Божьего быть человеком для людей и просто женщиной); это качество ее жизни – женщины, жены, матери, врача, воина и ученого – ставило Галину Михайловну в самый центр и быта, и бытия.

Глаза Галины Михайловны прекрасны: они одновременно и веселые, и печальные (народ о таких глазах говорит: они с огоньком, но мне в них видятся и огонь, ровный и сильный, и отсветы пламени нашего доброго и страшного русского времени, наших необъятных, раскаленных и ледяных пространств). Но главное в них то, что они и мудрые, и молодые. И я чувствую, что эта женщина тоже переживает свою, по-своему яркую, весну и понимает это, и ей нравится это ее состояние.

Совпадение весен – явление редкое и счастливое. Солнце бьет в огромные кафедральные окна, и я чувствую, как все мы – и Галина Михайловна, и Валентина Александровна, и я – рады нашей общей весне, потому что это не «осенняя весна», а настоящая, с особым состоянием света и воздуха, в их мощном единстве, – с их прохладой и теплом, с их удивительной силой, которая отражается в чашках с красным чаем, в фотографиях, разложенных на столе, и, каким-то чудесным образом, в смущении Галины Михайловны («Ну, что мы все обо мне да обо мне!»), в счастливой торопливости Валентины Александровны и в моей задумчивости, выглядящей, видимо, со стороны нерешительностью. А я думаю о красоте: о красоте женских рук, перебирающих фотографии, о красоте тусклого золота на книжных переплетах, о могучей красоте весеннего воздуха-света, который проник всюду (в помещении нет ни одного темного местечка), о зрелой красоте Вали, об удивительной красоте Галины Михайловны. Ее красота – особая, крепкая, ровная и сильная, красота, возможная лишь тогда, когда свершается истинная гармония формы и содержания, облика и души, гармония мира и взгляда на него. И меня осеняет: глаза Галины Михайловны лучше и точнее определяет прекрасное старое русское слово «очи». Женские глаза становятся очами тогда, когда соединяется красота телесная с красотой духовной.

явились на свет многие выдающиеся люди XX века, ученые и писатели, врачи и политики, имена которых навсегда остались в хрониках отечественной культуры и истории (среди них Д. С. Лихачев, В. В. Набоков, А. А. Ахматова и многие другие).

В 1917 г. Клавдия Семеновна становится «сестрой милосердия военного времени» (так указано в удостоверении сестры милосердия Российского общества Красного Креста) и назначается в распоряжение главного врача 113-го Сводного эвакуационного госпиталя в Перми. Поэтому выбор профессии для Галины Михайловны был предreshен еще за два года до ее рождения, ибо «стезя милосердия к ближним и дальним нашим» для русской женщины всегда была и остается самой благородной и необходимой.

В 1942 г., во время самой страшной войны в истории человечества, Клавдия Семеновна работает в осажденном Сталинграде и заведует отделом учета Зернотреста; после войны работает старшим экономистом на свердловском заводе «Вторчермет».

Отец Галины Михайловны, Михаил Иванович, родился в 1893 г. Был участником Гражданской войны, а после демобилизации в 1922 г., до своего незаконного ареста в 1937 г., работал экономистом в Пятигорске.

Впрочем, в 1938 г. произошло чудо: Михаила Ивановича освобождают, реабилитируют и назначают экономистом планового отдела завода «Красный Октябрь» в Сталинграде.

Галина Михайловна вспоминала своих родителей с любовью и гордостью, понимая, что ее страстный интерес к медицине и экономике, к науке вообще, к жизни и к людям во многом унаследован от матери с отцом – от Клавдии Семеновны и Михаила Ивановича Лисовских.

Вот как сама Галина Михайловна рассказывала о своем детстве, девичестве и юности:

1919 год. Гражданская война. Мои родители, Михаил Иванович Лисовский и Клавдия Семеновна, урожденная Макарова, – ее участники.

Отец родился в Вильнюсе в многодетной семье, которая была разделена войной. Отец, младший брат и одна из сестер оказались в России, где и прожили всю жизнь, остальные восемь сестер и родители отца в тот период остались в Вильнюсе, отошедшем к Литве, и никаких сведений в течение всей своей жизни отец о них не имел. Брат отца, Александр Иванович Лисовский, большую часть жизни провел в Ялте, работая главным прокурором города. Сестра, Мария Ивановна, всю жизнь прожила в Ленинграде, в том числе и во время блокады в период Великой Отечествен-

ной войны. Отец в Гражданскую войну был призван в Красную армию и прослужил до окончания войны.

Мама родилась на Урале в городе Верхняя Тура. Окончила пермскую Александровскую женскую гимназию, а затем, чтобы быть вместе с отцом, окончила организованные пермским губернским комитетом Всероссийского земского союза краткосрочные курсы для братьев и сестер милосердия по уходу за больными и ранеными воинами.

Отец мамы погиб в Гражданскую войну, и моя бабушка, не имея возможности воспитать оставшихся без отца четырех детей, вынуждена была младшую дочь, мою маму, отдать на воспитание родственникам. Две мамы сестры – Капитолина и Мария – всю жизнь работали сельскими учительницами в Пермской области, и обе были за свой пятидесятилетний труд награждены орденами В. И. Ленина. Я родилась 18 апреля 1919 г., по рассказам родителей, в поезде, когда части Красной армии проезжали через Куйбышев. На остановке маме была оказана медицинская помощь.

После окончания Гражданской войны отца направили в Среднюю Азию. Первый город моего детства – Ташкент. В Средней Азии семья жила 15 лет, и в моей памяти осталась масса ярких впечатлений. Отцу пришлось работать в Ташкенте, Турт-Куле и Сталинабаде, куда вынуждены были переезжать и мы с мамой.

Из детских воспоминаний наиболее ярко запечатлелись в памяти мое желание и стремление обучаться музыке и свобода в своих действиях. Я много времени была предоставлена себе, особенно тогда, когда папа был в отъезде.

Мама работала медицинской сестрой, и ее режим работы был такой, что она сутки дежурила и трое суток отдыхала. Когда мама дежурила, она просила соседей за мной присматривать, однако я чувствовала себя свободной. Я с большим удовольствием лазала с мальчишками по деревьям. В нашем дворе было посажено немало фруктовых деревьев. Особенно большое удовольствие пребывание на дереве доставляло тогда, когда созревали фрукты.

Я любила бултыхаться в купальне, которая была сооружена в нашем дворе. Вода там была проточная, проходила через специальные фильтры. И каким же удовольствием было поплавать в воде, когда летом в Ташкенте стояла жара!

Свободу я ощущала и тогда, когда, несмотря на запрет, выходила за калитку нашего двора. Рядом с калиткой был подъезд в квартиру, которую занимали три женщины: пожилая дама и две ее дочери. Ступеньки к входу

в квартиру всегда были чисто вымытыми. Я располагалась на этих ступеньках, раскладывала свои игрушки и книжки и занимала себя сама. В один из дней кто-то из проживающих в квартире женщин обратил на меня внимание и пригласил в дом. Обстановка в квартире для меня была необычной. Я еще не видела такой красивой старинной мебели. Посреди комнаты располагался рояль. Меня усадили в удобное кресло, угостили вкусными конфетами и сказали: «Слушай!». И молодые женщины по очереди начали играть. Я не помню, что они играли, но музыка на меня произвела огромное впечатление. После этого посещения, когда я шла играть на лесенки подъезда, я уже не брала игрушек, я брала только книжки, раскладывала их, как были разложены на рояле ноты, и изображала на лесенке игру именно так, как мои новые знакомые играли на рояле. Приглашения в дом были довольно частыми, я была счастлива и рассказала о своем новом знакомстве маме. Я помню, как я волновалась, когда мама сказала, что и ей надо познакомиться с этими женщинами и поблагодарить за внимание ко мне.

О своем желании учиться музыке я часто говорила, однако так и не удалось осуществить свою мечту ни мне, ни моим детям.

Когда из Ташкента мы переехали в Сталинград, то в один из дней, к моему удивлению, папа привез в дом пианино и сказал, что это для меня. Я была очень удивлена этому, так как жили мы бедно, жили в одной комнате, в которой не было даже деревянного пола – его мазали глиной. И я помню, как папа старался, приспособливая под пианино какие-то подставки. Однако в этот период я уже заболела тропической малярией, и врачи сказали, что только смена климата может спасти меня, и мы переехали на Кавказ.

В Ташкенте жили в небольшой квартире на улице Пушкина, в «новом городе». Двор был прекрасным: много зелени, цветов, цементированная купальня с проточной водой, плодоносящие деревья. Мне не забыть замечательное дерево – грецкий орех. Когда орехи созревали, от каждой квартиры (а их было во дворе 15) делегировался представитель, и с одного дерева всем хватало плодов по целому мешку. Ребята с большим удовольствием лезли на дерево, сбивали и стряхивали орехи. Было ощущение праздника. Помню, мне родители сказали о том, что в жизни каждый человек должен посадить хоть одно дерево. Я дерево посадила. Хотела посадить орех, но посадила абрикос, и когда мы уезжали из Узбекистана, это деревце стало давать плоды. Кто знает, возможно, сейчас это, уже старое, дерево доставляет радость теперь живущим детям.

Помню узбеков, ехавших на арбах с огромными колесами и распевających во весь голос; у них под тюбетейками обязательно были цветы. Тюльпаны и фиалки под тюбетейками узбеков всегда свидетельствовали о наступлении весны. Весна в Средней Азии, когда еще нет жары, но бурно пробуждается природа, – самый прекрасный период года. А какую радость ребятам доставляло время варки варенья! Все хозяйки пятнадцати квартир нашего двора варили варенье на воздухе, а ребята бегали по двору с кусками хлеба, на которые хозяйки большим слоем мазали фруктовые пенки. Это были пенки от клубники, вишни, айвы, абрикоса, орехов, и казалось, что варенье варится из всех фруктов, существующих на Земле.

Большое впечатление на меня производили петушинные бои. Один из жильцов нашего двора специально разводил, содержал и дрессировал петухов, которых затем использовал в петушинных боях. Мне эти «куры-мужики» не нравились – они были большими, уже во внешнем их виде ощущалась агрессия. А после одного эпизода я этих птиц просто возненавидела и очень боялась.

Дело в том, что на меня один из таких петухов напал, и только по счастливой случайности не выклевал глаза. Их специально дрессируют для того, чтобы нападающий у другого петуха повредил глаза, тогда ему легче достичь полной победы. Я помню, что мама мне сшила новое пальто из плотной буклированной ткани достаточно яркой расцветки, которая и привлекла внимание петуха, а буклированные узелки на ткани петух, видимо, принял за зернышки. Так или иначе, он неожиданно взлетел мне на плечо и начал меня клевать. Я с криком бегала по двору, из нового пальто был выдеран большой клочок, и только выскочившие из своих квартир соседи меня спасли (надо сказать, с большим трудом) от этого налетчика.

Моим родителям и мне было удивительно, что бои этих птиц, которые обычно заканчиваются смертью одной из них, доставляли людям такое удовольствие и вызывали столь бурные эмоции. А то, что петух свое внимание направил на ткань моего пальто, а не на глаза, обсуждалось многими свидетелями этого эпизода и теми, кто помог мне избавиться от птицы. Я хорошо помню их слова. Кто-то из присутствующих четко и определенно сказал: «Это Судьба Гали». Вопрос о судьбе и о том, что она хранит меня, возникал не раз. В моей долгой жизни много было различных экстремальных ситуаций, которые для меня разрешались благополучно, и, став взрослой, пытаясь анализировать этот вопрос, я так и не нашла определенного ответа.

Переезд из г. Ташкента (Узбекистан) в Турт-Куль (Каракалпакия)

Отец отправился на работу раньше, и я ехала с мамой. Плыли на барже по реке Амударья, по которой перевозили не только грузы, но и людей. Река Амударья коварная, она очень часто, как говорили знающие люди, меняет свое русло. По течению реки очень много различных островков и мелей, представлявших большие затруднения для капитанов судов и барж. Именно поэтому в одну из ночей, а дорога от г. Чарджоу до г. Турт-Куль длилась более трех суток, предложили спать не на барже, а на берегу. Все расположились на различных подстилках на теплом песке; ночи на юге очень теплые, все были уже утомлены переездом из Ташкента до Чарджоу и поэтому быстро успокоились и заснули. Разбудил всех резкий свист сирены ранним утром. Запомнилось огромное черное облако, которое возникло в ответ на свист сирены. Сначала это «облако» все восприняли как обыкновенную тучу, предвещавшую ливень. А оказалось, что это «облако» образовано огромной стаей черных птиц, которые вылетели из своих укрытий или гнезд в горах, протянувшихся вдоль берегов Амударьи. Когда разобрались, что «облако» не угрожает ливнем, паника среди пассажиров баржи продолжалась. Однако причина этой паники оказалась в другом. Один из пассажиров не мог найти один из сапог, которые снял на ночь и поставил возле себя. А в другом обнаружил маленького спящего шакаленка. Потерянный сапог, как потом выяснилось, съели шакалы. Капитан баржи посетовал на то, что не подумал и не предупредил всех о том, что такие инциденты уже бывали; оказывается, шакалы очень любят кожу, и не раз пассажиры приезжали в город босыми или, в лучшем случае, в город выходили в тапочках.

Из детских событий подобного рода мне вспоминается случай, память о котором также осталась на всю жизнь. Случилось это тогда, когда мы жили в Турт-Куле. Я училась в 5-м классе. Русских в городе было мало, но мы с большим удовольствием развлекались вместе с местными ребятами. Эти развлечения заключались в том, что мы катались на лошадях, ослах и верблюдах. И вот в один из дней, когда не было школьных занятий, я и подружка решили поездить на лошади вдвоем. Я села в седло, а она, держась за меня, сидела сзади на крупе лошади. И когда мы проезжали мимо школы, местные мальчишки, увидев нас, выскочили на улицу, сняли свои шапки, набрали в них с дороги пыли, а надо сказать, что в этом городе на дорогах слой пыли был почти до колена, и бросили ее в глаза лошади. Лошадь, естественно, взбунтовалась, сначала встала на дыбы,

а затем понеслась галопом по улицам города. Моя подружка сразу же упала с лошади и сидела в пыли, а я упасть-то упала, однако одна нога у меня застряла в стремях, и лошадь меня несла галопом вниз головой до тех пор, пока люди, увидевшие это, не взялись за руки и, преградив путь, не остановили лошадь. Вокруг себя я слышала взволнованные голоса людей: «Голова, как ее голова, смотрите, разбита или нет голова?» Голова оказалась целой. Все удивлялись, ахали и охали.

Еще мне вспоминается один случай, связанный с ездой на ослике. В Турт-Куле мы жили в центре города, а русская школа, в которой я училась, располагалась далеко за городом. У меня, впрочем, как и у многих других ребят, которые жили далеко от школы, были «персональные ослы». При школе было специальное для них помещение, где они находились, пока шли занятия, а затем мы уезжали на них домой. Путь до школы был достаточно долгим, и по дороге мне надо было проезжать через парк, в котором протекал большой широкий арык с перекинутым через него узким мостиком. Обычно, подъехав к этому мосту, я сходила с осла и вела его под уздцы. Но однажды мне почему-то не захотелось сойти с осла, и я решила, что и так проеду на ослике через мост, поскольку ослик был достаточно послушным. И вот, дойдя до середины моста, мой осел остановился и не захотел идти дальше. Как я ни старалась «уговорить» осла, используя специальную деревянную палку с острым концом, которой обычно погоняют ослов, он мне не подчинился. Вот когда до меня дошел смысл народного изречения «упрямый как осел». Я боялась делать резкие движения, так как мост был узким и сойти на него я не могла, а арык глубокий и наполнен водой до самых краев. Мне было страшно и обидно. На занятия я опоздала. Сидела я на своем осле и редела около часа, до тех пор пока меня не увидел проходивший по этому парку туркмен, который за уздцы перевел моего упряма через мост.

Турт-Куль. Каракалпакия. В моей памяти осталось много воспоминаний об этом периоде жизни конца 20-х – начала 30-х гг. Помню, ехали из Ташкента сначала до Чарджоу, а затем до Турт-Куля по реке Амударья. Пассажиры предупредили о том, что путь небезопасный, так как в районах на реке было много мест, которые пароход должен обходить: это и участки мели, и небольшие островки. Рассказ об одном из таких островков произвел на меня большое впечатление. Очень зеленый островок, на котором, как нам рассказывали, поселилась пара влюбленных, и до сих пор на нем изолированно, вдалеке от города, живет одна большая семья. Когда мы близко проезжали мимо этого островка, действительно, видели

там людей. Множество других больших и малых островков на реке Амударья были очень красивы, но по каким-то причинам людей на них не было. Страшно было тогда, когда нашему судну приходилось приближаться к берегу. На берегу вдоль реки проводились какие-то земляные работы, и как только туркмены замечали наше судно, они бросали свои инструменты и толпами, выкрикивая что-то на своем языке, бежали за нами вдоль берега. А когда кто-нибудь бросал на берег коробок спичек, конфету или сигарету, среди них начиналось что-то невообразимое. Они все кидались друг на друга, образуя «кучу малу». Зрелище было впечатляющим еще и потому, что все они были одеты в свои национальные одежды, а на головах – огромные черные меховые шапки, несмотря на жуткую жару. Казалось, что если бы в такой момент наша баржа остановилась, эта толпа людей могла бы всех нас растерзать.

Подобные мысли возникали и потому, что в тот период в Средней Азии жизнь была очень беспокойной. На город нападали басмачи. Отец часто находился на казарменном положении, несмотря на то, что уже был демобилизован. Басмачи свирепствовали. Слухи о жестоких пытках, которые они чинили, особенно над русскими, заставляли всех жить в страхе. Помню о нашумевшем в то время случае. Басмачи подступали к городу. Все мужчины в своих учреждениях, по месту работы, были на казарменном положении. Мы с мамой были в ужасе, так как казалось, что вот-вот басмачи захватят город и никого в живых не оставят. И вот вокруг все успокоилось, басмачи от города отступили. Помню рассказ отца о происшедшем.

К Турт-Кулю приближалось по Амударье судно с продовольствием, подавая при этом сигнал-сирену. Сигналы эти повторялись, второй, третий, не помню точно сколько еще раз. А дело было в том, что, в связи с трудностью прохождения судна по реке, от него вновь и вновь отрывалась баржа, судно возвращалось за ней и, подходя к городу, каждый раз подавало сирену. Наступающие же на город басмачи, как тогда говорили, решили, что в город прибыло большое количество войск, и это заставило их отступить.

Вспоминая Среднюю Азию, не могу не сказать о впечатлении, которое на меня произвел в Турт-Куле рынок. И не просто рынок, так как, в общем, он был, как и в других среднеазиатских городах, шумным, наполненным огромным количеством живности, фруктами и овощами. На меня огромное впечатление произвели продавцы и особенно продажа яиц. Сначала мы с мамой не могли понять того, что если лежит одно яйцо на земле,

то это означает, что где-то рядом находится и продавец яиц. Как сейчас помню, яйцо стоило «баш танга», что равнялось 20 копейкам. И вот, когда мы даем понять продавцу, что покупаем яйца, он встает с земли, расправляет длинный рукав своего национального халата и начинает из него выкапывать яйца; при этом многие яйца разбиты, из рукава течет «яичница», и из этой сырой гущи продавец выбирает для нас нужное количество яиц. Когда мы с мамой рассказали об этом соседям, они нам объяснили, что таким образом продавец доказывает, что продает яйца куриные, а не черепаши. Дело в том, что куры в Турт-Куле почему-то несли очень мелкие яйца, и считалось, что по неопытности многие русские хозяйки домой приносили черепаши яйца, которые нечестные продавцы в большом количестве собирали в равнинах между гор, где обитали черепахи.

Уже через много лет, после того как закончилась Великая Отечественная война, мне пришлось побывать в нескольких городах Средней Азии. Я всегда поражалась огромным изменениям в социальной и культурной жизни, которые произошли за эти годы, и думала о той большой роли, которую сыграли русские люди в развитии этих городов и людей, в них живущих.

После гражданской войны, когда в Среднюю Азию приехали русские, было принято при назначении на какие-либо должности обязательно учитывать национальность. Начальником на любую руководящую должность в обязательном порядке назначался коренной житель, но его заместителем, как правило, был русский работяга. Так и мой отец все эти годы был заместителем того или иного начальника. Помню, что к отцу узбеки, туркмены и таджики относились хорошо и с большим уважением. Отец этим гордился, так как в общей массе местные жители русских не любили и часто обзывали, как им казалось, самым обидным словом: «Ух, ты, Самара!». Отцу оказывали всякие почести, одну из которых он воспринимал очень болезненно. Заключалась эта почесть в том, что у узбеков было принято, чтобы хозяин особо почитаемому гостю положил плов – их любимое национальное кушанье – в рот своими руками. Отец был очень брезглив и не мог оценить этот обычай. Однако я должна сказать, что при приготовлении пищи узбеки очень чистоплотны и, особенно когда готовят национальную пищу, руки моют по локоть, почти как хирурги.

Я помню и то, как мы, школьники, под руководством учителей выполняли так называемую общественную работу, которая заключалась в том, что мы ехали в «старый город» (в Ташкенте) и уговаривали женщин снять паранджу.

После двух лет пребывания в Каракалпакии моя семья переехала из Турт-Куля в Сталинабад, где мы прожили до 1934 г. Особо ярких впечатлений за этот период у меня не было; единственное, что я хорошо помню, это Ворзобское ущелье и, конечно, сам Сталинабад, нынешний Душанбе, окруженный горами, покрытыми белым, белым снегом, который искрится на солнце, а внизу жара под 40 и более градусов. Заниматься и работать в дневные часы в Сталинабаде было невозможно. Активная жизнь обычно начиналась тогда, когда спадала жара. Поэтому учились и работали до 12 часов, затем был перерыв, и возобновлялась работа в 17 или 18 часов. Помню комнату, в которой мы жили, где полы не мыли, а мазали глиной, так как дерево было в Таджикистане большим дефицитом, и только очень зажиточные люди могли позволить себе деревянные полы. В зимнее время печи топили саксаулом: это своеобразное растение, растущее как кустарник.

В Сталинабаде я тяжело заболела «однодневной» тропической малярией. Каждый день в 12 часов у меня начинала повышаться температура, появлялся такой озноб, что меня подкидывало на койке. Температура, дойдя до 40 и выше градусов, начинала снижаться; на следующий день утром температура была нормальной, а в 12 часов следующего дня опять все повторялось вновь! Буквально через неделю у меня было полное истощение сил, чему способствовало и то, что за полгода до этого заболевания я перенесла брюшной тиф (в Сталинабаде была эпидемия). Никакие лекарства мне не помогали, и врачи, собрав консилиум, сказали родителям: «Если хотите спасти свою дочь, переезжайте, меняйте климат».

После этого мы переехали на Кавказ, сначала в Ессентуки, где я поступила в 7-й класс школы, а затем в Пятигорск, там я и завершила в 1937 г. среднее образование. Школа № 1 им. М. Ю. Лермонтова в Пятигорске была замечательная. Здесь работали опытные и чуткие учителя.

У меня в Пятигорске была верная и добрая подруга Ирочка Емельянова (кстати, наша дружба продолжается и сейчас, когда нам уже около 80 лет, и Ирочка, уже Ирина Григорьевна Тараненко, врач, сейчас на пенсии). Был еще школьный друг «Винтик», который каждый день провожал меня из Ессентуков, где первый год после приезда из Средней Азии я училась (квартиру папа получил в Пятигорске). Чтобы школьники, и особенно моя подружка Женя Майорова, не замечали отношения «Винтика» ко мне, ему приходилось садиться в другой вагон электрички, а по дороге переходить в тот вагон, в котором ехала я. Я даже не подозревала о глубине

чувств Вити, об этом я узнала лишь из писем, которые получала из бухты Угольная, куда он уехал после окончания школы.

Одно из этих писем каким-то образом у меня сохранилось. Последнее письмо я получила от него в 1941 г., когда началась Великая Отечественная война. Я очень сожалею о том, что в памяти у меня не осталась фамилии этого, как я думаю, замечательного человека.

Мне нравился и город. Наш дом был расположен у подножья горы Машук. Воля, мой верный друг из соседнего дома, каждый раз в мой день рождения с утра на велосипеде отправлялся на Машук и привозил первые фиалки, которые заполняли всю нашу комнату. Я вспоминаю мальчика, с которым в пятигорской школе сидела за одной партой и которому учительница по химии делала замечание, вводившее меня в краску: «Березовский, перестань смотреть на Лисовскую». Помню также и то, как однажды этот мальчик пришел домой и взволнованно сказал: «Галя, я не боюсь мальчишек, ты только скажи, будешь ли дружить со мной». На что я ему ответила: «Как тебе не стыдно, ты ведь комсомолец!».

Жизнь в этот период была очень тяжелой. На Кавказе свирепствовал нарком внутренних дел Ежов. Каждый день узнавали, что кто-то из известных в городе людей, либо кто-то из знакомых арестован. Люди боялись общаться, смотреть в глаза друг другу. Арестовали начальника учреждения, в котором служила моя мама, затем стали арестовывать других работников. Я слышала взволнованные вопросы: что же это делается, ведь такие хорошие и преданные делу партии люди? Папа всегда успокаивал меня и маму – разберутся, не дураки же там. Сам отец никогда не состоял в рядах КПСС, однако был очень предан идеям коммунизма. Он говорил мне всегда: «Я беспартийный коммунист». И, тем не менее, беда не обошла нашу семью. Как сейчас помню день, когда я с папой ходила в цирк, приехавший в Пятигорск на гастроли. Настроение было отличное, прекрасная программа, я чувствовала себя счастливой, думала о поступлении в высшее учебное заведение. После цирка мы делились с мамой впечатлениями. Кстати, в Пятигорске мы жили в одной из комнат трехкомнатной квартиры в стандартном доме на улице Подвальной. Наш сосед по фамилии Куцый занимал с женой две другие комнаты. С ними у нас были нормальные, как я считала, очень хорошие и добрые отношения. Когда мы пришли из цирка, они не спали, и на кухне я с воодушевлением рассказала им о замечательном цирковом представлении. Ложились мы спать вполне счастливыми людьми.

И вдруг ночью стук в дверь. Заходят люди, предъявляют какие-то бумаги, просят папу быстро собраться, взять самое необходимое и следовать за ними. Папа успокаивает нас с мамой: «Вы не беспокойтесь, я уверен, что это недоразумение, все выяснится, завтра же я буду дома». Вижу, что маме плохо, у нее на работе были уже подобные случаи.

Так началась черная полоса нашей жизни. Маму на следующий же день уволили с работы как жену врага народа. Мне теперь приходилось думать о том, как зарабатывать деньги и как жить. И вдруг учитель математики приглашает меня и говорит, что хотел бы, чтобы я позанималась с учениками, которые отстают по его предмету, и что их родители мне за это заплатят. В первый момент я растерялась, так как не считала себя сильной в математике. Но у меня не было другого выхода, и я согласилась. Как мне тогда помогли моя подруга Ирочка и ее брат Юра, которые решали со мной задачи, после чего я шла учить своих учеников. Время шло. О папе не было никаких известий. Настал день, когда пришли и предупредили меня с мамой о том, что мы должны будем освободить комнату, в которой живем. Под вечер этого дня мы с мамой обошли все дома, все постройки, в том числе и сараи, в надежде найти место, куда можно было бы переехать. Кроме моих доходов с занятий, какую-то сумму денег мы с мамой зарабатывали тем, что мой друг Воля рисовал красивые воротнички, а мы вышивали шелковыми нитками, и мама на базаре продавала их. Таким образом, хотя мы практически голодали, у нас скопилась какая-то сумма денег, которую мы могли потратить на передачу папе продуктов и на билет до Урала, где жили мамины сестры. Мы написали о нашей беде, и нам ответили, что нас ждут.

Мама узнала, что папу отправили в Ставрополь. Продав все, что только у нас было, а вещей у нас было немного, купив билет до Верхней Туры, где в тот период жила мамина сестра, мама решила съездить в Ставрополь, чтобы как-то передать папе посылку и сообщить о нашем отъезде. Перед поездкой мама мне сообщила о том, что одна из ее знакомых, зная о нашей беде, посоветовала сходить к знакомой ей гадалке. Мои родители, хотя и были крещеными, верующими себя не считали и никогда не выполняли никаких обрядов, связанных с верой. Мама не знала, как поступить: ни в какие гадания она не верила. Однако я, для того чтобы как-то отвлечь маму от ее ужасных мыслей, посоветовала сходить к гадалке, вреда не будет. Мама согласилась, но сказала, что сходит к ней только после того, как съездит в Ставрополь.

Из Ставрополя мама приехала в угнетенном состоянии. Посылку приняли с трудом; те люди, которые уже сталкивались с нашей правоохранительной системой, говорили маме о том, что, если и возьмут посылку, вряд ли доставят ее по назначению. Но самое страшное заключалось в том, что папу отправляли на Север и свидание с ним невозможно. С этим мама и вернулась в Пятигорск. На следующий день я настояла, чтобы мама сходила к той гадалке, с которой была уже договоренность. До нашего отъезда на Урал оставалось несколько дней. От гадалки мама пришла еще более удрученной, сказав, что жалеет, что ходила к ней, так как только зря потратила деньги: гадалка сообщила, как сказала мама, какую-то несусразицу. Она сказала, что «король», на которого мама гадала, совсем близко у порога маминого дома.

До нашего отъезда оставалось три дня, когда в шесть часов утра кто-то позвонил в дверь, мама открыла – это был мой папа. Что это? Судьба? Я не знаю. Этот вопрос не дает мне покоя до сих пор.

Что же случилось? А случилось то, что Ежова, который на Кавказе уничтожил столько людей, самого посадили, и затем он был расстрелян. Перед папой извинились, выдали какую-то небольшую сумму денег на дорогу и документы о реабилитации. Просидел он в заключении 8 месяцев, вышел из тюрьмы практически инвалидом, оглохшим из-за побоев и полностью потерявшим оптимизм, который был ему присущ.

В день, когда вернулся папа, арестовали нашего соседа Куцего. Папа рассказал причину своего ареста. Сосед написал на папу донос, в котором заявлял о том, что папа – литовец, что он ночами осуществляет связь с иностранными государствами и вообще является шпионом и врагом народа. Куцего арестовали, а затем и расстреляли за то, что он писал доносы, по которым были арестованы более 30 человек, около половины из которых были расстреляны. От папы следственные органы добивались побоями и изуверскими истязаниями признания в том, что он шпион и имеет связь с другими государствами. Что же побудило этого черного человека написать донос на папу? Этот вопрос мучил меня. В документах у папы на самом деле значилось, что его отец литовец, а мать – полька. Но связи, к сожалению, у него с родителями никакой не было; что касается связи с иностранными государствами – незадолго до этих трагических событий мои родители смогли, с большим трудом накопив денег, купить радиоприемник, которому папа был безмерно рад. И он иногда, особенно первое время, чуть ли не до полуночи ловил разные станции, слушая и наслаждаясь музыкой. Этого было достаточно для Куцего, с которым, я считала,

были добрые соседские отношения. Всех, на кого этот черный человек писал доносы, либо реабилитировали посмертно, либо освободили, как и моего папу.

Начинался следующий период в моей жизни. Я и моя подружка Ирочка (она была на класс младше меня и поэтому только что закончила школу; у меня же прошел год, когда я как «дочь врага народа» не могла никуда поступать учиться) стали готовиться к поступлению в вуз. На Урал мы не поехали, так как папа и мама не представляли себе жизни в сельской местности. Билеты мама сдала, и родители задумались о том, куда переехать на постоянное жительство. Оставаться в Пятигорске после всех событий было тяжело, и мы с Ирочкой стали думать, в какой вуз будем поступать. Выбрали. Первый Ленинградский медицинский институт им. И. П. Павлова. Родители решили ехать в Сталинград. Им казалось, что в этом городе они смогут устроиться на работу. Так я разъехалась со своими родителями.

Моя подружка блестяще сдала экзамены, она была умницей и очень способным человеком, а я не смогла набрать нужного количества баллов. Я очень тяжело перенесла это поражение, тем более что не могла еще отойти от пережитой психологической травмы, связанной с арестом папы. Хорошо, что это оказался Ленинград – город, в котором было три медицинских вуза. С моими оценками в 1938 г. я была принята в Ленинградский государственный педиатрический медицинский институт и была счастлива. Училась с большим удовольствием, а родители мне писали, что счастливы тем, что я учусь в таком прекрасном городе. Этот период моей жизни закончился с началом Великой Отечественной войны».

Воспоминания Галины Михайловны Лисовской в меру взволнованы и кратки. Меня удивляет в них необыкновенная точность – точность фактическая, эмоциональная и психологическая. Когда читаешь текст воспоминаний, сразу начинаешь понимать, что написан он человеком незаурядным, крупным: в каждой фразе чувствуется ответственное отношение к фактам своей жизни и судьбы; это отношение ученого, когда ему удается и передать в словесной форме свое внутреннее состояние (ребенка, девушки) и, как бы наблюдая за собой со стороны, дать одновременно эмоциональную и рациональную оценку событиям, произошедшим много десятилетий назад.

Эмоциональный тон записок Галины Михайловны можно было бы определить по-пушкински: светлая печаль. В этом чувстве соединились

и счастье, и горечь за отца, и своего рода благодарность удаче, сопутствовавшей судьбе семьи Лисовских.

Так, в 1938 г. медицина становится традиционной профессией Лисовских, поскольку и дочь Галины Михайловны Татьяна станет потом врачом... защитив докторскую диссертацию по медицине. Другая профессиональная сфера Лисовских – экономика. «Отцовская» линия будет продолжена дочерью Викторией, кандидатом экономических наук. Но это все еще впереди. А сейчас – о Великой Отечественной войне. В канун своего восьмидесятилетия Галина Михайловна написала свои воспоминания о войне, оставившей глубокий след в душе каждого человека, жившего в то время и живущего сейчас в нашей многострадальной и все-таки счастливой стране. Записки Галины Михайловны – это документ эпохи, документ фактов и событий военного времени, документ памяти, а главное – документ ее светлой души, которая, по словам поэта, обязана трудиться и день, и ночь, и день, и ночь.

Итак, записки Галины Михайловны Лисовской о войне.

Сороковые, роковые...

*Посвящаю молодежи с пожеланием
здоровья, оптимизма, творческих
успехов, любви, благополучия и мира*

1941 год. Я, Лисовская Галя, студентка 3-го курса Ленинградского педиатрического медицинского института. Конец учебного года, последние экзамены. Июнь месяц.

Сообщение Информбюро о том, что немецкие войска перешли границу Советского Союза, как гром среди ясного неба. Все пришло в необыкновенное движение. В это время я была дома. Институт снимал маленькую комнату, так как мест в общежитии не хватало. Я жила на квартире с сокурсницей Наташей Черновой – рослой, статной, синеглазой русской красавицей. Она работала воспитателем детского сада, ее родители жили в Коломне, помогать материально Наташе не могли. Наташа тут же собралась и поехала к своим воспитанникам, а я поехала в институт на Литовскую улицу, 2. В институте почти все были в сборе. Для всех студенток предпоследнего и последнего курсов уже были заготовлены документы на эвакуацию в медицинские вузы других городов, которые были далеко от фронта военных действий. Мальчики получили повестки в военкомат. Мои документы были оформлены в Сталинградский медицинский институт. В институте все пробыли до позднего вечера. Ленинград погрузился во мрак, как в период финской войны 1939 г., – светомаскировка. Я с трудом добралась до дома. Наташа уже приехала и, обессиленная, спала. Был слышен артиллерийский обстрел города. Заснуть я не могла. Глубокая ночь. Вдруг стук в окно – жили мы на первом этаже. Приехали мои друзья, студенты – выпускники военной электротехнической академии – Вася Афонин и Боря Брунов. Сбивчиво рассказали о том, что им стало известно: Ленинград окружен, и железнодорожные составы уже не подходят к городу. Принесли свой паек – «палку» колбасы и буханку хлеба, предложили срочно собраться и ехать на вокзал. Наташа отказалась, так как не могла оставить своих питомцев. Как я узнала уже после окончания войны, эта замечательная девушка, человек, даривший людям только добро, умерла от голода в осажденном Ленинграде.

Добравшись до Московского вокзала, я и мои друзья узнали, что готовятся к отправке последние эшелоны, которые находятся в нескольких

километрах от вокзала. Пошли по шпалам и увидели, что действительно на расстоянии 2 или 3 километров от города отправляются эшелоны. Еле успели меня посадить в последний из них, в котором эвакуировали из Ленинграда коров. В вагоне было много людей, которые, как и я, имели документы на эвакуацию в различные города страны. До Сталинграда добиралась различными видами транспорта почти в течение месяца. От Казани ехала теплоходом. На пристань Сталинграда самостоятельно выйти уже не могла из-за развившейся у меня дистрофии. Добрые люди помогли добраться до дома, где я предполагала встретить родителей, которые снимали комнату в частном доме. Оказалось, что дома только его хозяйка – Нина Арефьевна. Мой отец уже две недели не выходил с завода «Красный Октябрь», где он работал экономистом, – все работники завода были на казарменном положении. Мама месяц тому назад эвакуировалась в район вместе с учреждением, где она работала статистиком.

Почему мама, которая, как говорят в народе, была от бога сестрой милосердия, ушла из медицины и последующие годы работала статистиком, а затем, когда набралась опыта, и экономистом?

Мама столкнулась со страшным явлением – наркоманией в Узбекистане, о которой в России еще и не было слышно. Вот один из эпизодов, который врезался мне в память и который послужил толчком для смены профессии мамы. Она работала в тот период старшей сестрой в железнодорожной больнице Ташкента. Мы жили в маленькой квартирке, и когда разговаривали родители, то я, будучи девочкой, нередко прислушивалась к их разговорам, так как мне было интересно. Я помню, как мама рассказывала о том, что к ним в поликлинику, которая находилась при больнице, приходила женщина с дочкой, маленькой девочкой, которая по описанию мамы походила на маленького ангелочка. Эта женщина была женой какого-то крупного начальника. По описанию мамы, она была очень красивой, и в моем воображении я ее сравнивала с Анной Карениной. Мама рассказывала папе, как она ее жалела, как предпринимала все, чтобы помочь этой женщине освободиться от той страшной наркологической зависимости, от которой она страдала. Женщина была морфинисткой. Мама рассказывала, что ни разговоры, ни психотерапия, ни медикаментозные средства, которые ей предлагали и которые она использовала, не помогали. Я помню, с какой горечью мама говорила, что эта женщина ценой денег, унижений добывала порцию морфия и без промедления, зайдя в туалет поликлиники, делала себе укол. Когда мама разговаривала с сестрами, которые помогали этой женщине достать порцию морфия, они говорили

о том, что делают это только из жалости к ней, так как видят, как она страдает от болей, которые начинает испытывать человек при отсутствии наркотика в организме. Кроме этого она испытывала угрызения совести, так как осознала, что обманывает мужа, который не знает о ее пагубном пристрастии. У нее было чувство вины перед людьми, которые шли на противоправные поступки, перед своей дочуркой, которую она вынуждена была брать с собой, так как оставлять одних таких хорошеньких детей в тот период в Узбекистане было небезопасно – рассказывали о многих случаях воровства детей, особенно русских.

В память врезался еще один из эпизодов этого периода, который, видимо, сыграл определенную роль в решении мамы оставить медицинскую профессию.

Помню, как в одну из ночей к нам в квартиру постучал врач-хирург, который работал вместе с мамой. Не только родители, но и я, естественно, проснулись, и я слышала все разговоры, которые велись мамой и этим врачом, а затем мамой и папой. Хирург был, как говорила мама, прекрасным человеком, хорошим семьянином и профессионалом с золотыми руками! На следующий день после его ночного прихода к нам у него была назначена сложнейшая операция молодому человеку, спасти которого мог только талант этого хирурга. Однако оперировать в том состоянии, в котором он находился, хирург не мог. У него тряслись руки, и в мыслях было только одно желание – получить дозу наркотика. Хирург был наркоманом-кокаинистом. Я помню, в каком смятении была мама, так как она не знала, как поступить. Из разговора с папой я поняла, что если она ему не даст этой дозы наркотика, который был в ее ведении, погибнет молодой человек, ожидающий операцию и подготовленный к ней. Я помню, как рассуждал папа. Он говорил о том, что, если погибнет молодой человек, маму будет мучить совесть, а этот хирург – человек, погубивший себя сам. От кокаиновой зависимости, как было известно в то время, еще никто не излечивался. И вот мама и папа оделись и пошли в больницу с этим хирургом, оставив меня одну и сказав, чтобы я никому не открывала и спокойно их дожидалась. Естественно, спать я уже не могла. Впечатление на меня все эти разговоры произвели неизгладимое. Именно поэтому во время Великой Отечественной войны, когда я работала хирургом, я была чрезвычайно бдительна в отношении назначения любых наркотических и обезболивающих средств. И мне удалось выявить ряд случаев, когда сестры уступали раненым в их просьбах и давали нюхать эфир. Я очень резко пресекала эти действия, проводила специальные разъяснения того, что

это может явиться началом конца жизни этих ребят, выживших в страшной, жестокой, кровавой войне.

Когда мама и папа возвратились, я помню, как мама плакала, она говорила, что она так и не знает, правильно ли она поступила, дав хирургу-наркоману наркотики. Папа успокаивал ее, и помню, он сказал о том, что, если она так переживает из-за больных, ей надо переходить на другую работу. Действительно, мамины переживания были очень тягостными, и я думаю, что именно этот случай послужил толчком к тому, что мама ушла из медицины. В дальнейшем я слышала о том, что молодой человек, которого прооперировал хирург-наркоман, выписался из больницы здоровым, и это в какой-то мере маму успокоило. Но она долго корила себя за свой поступок, так как знала, что выдавать сильнодействующий наркотик она не имела права.

Нина Арефьевна за мной ухаживала, как за родной дочерью. Через несколько дней я смогла пойти в институт. Немецкие войска в этот период были еще далеко от Ростова-на-Дону, и в Сталинграде не было даже светомаскировки. В институте проходили занятия, как в обычное мирное время. Студенты меня приняли в свою среду как родного человека. Каждый входил в мое положение – положение эвакуированной – и в тактической форме пытался помочь. Год прошел незаметно. Несколько раз за это время на заводе виделась с отцом, однако однажды узнала, что завод и работающие на нем люди эвакуированы. В какой город – неизвестно.

Мальчиков из группы проводили на фронт, каждому из них был выдан документ – «Врач военного времени». Девочки сдавали государственные экзамены. 22 июня 1942 г. в торжественной обстановке (насколько это было возможно) нам были выданы удостоверения об окончании медицинского института и направления на работу (диплом об окончании медицинского института я по запросу получила из Москвы в 1952 г., когда защищала кандидатскую диссертацию).

По распределению я поступила на работу врачом 4-го оборонного участка под Сталинградом. В этот период немцы захватили Ростов-на-Дону и двигались к Сталинграду. Жители Сталинграда вокруг города копали окопы. Мне была выделена землянка, которая была оборудована, служила жильем, приемным пунктом для больных, травмированных, раненых, а также бомбоубежищем. С первых чисел августа 1942 г. немцы пытались прорвать зенитную оборону и многократно в течение суток сбрасывали бомбы на оборонные рубежи. Было много раненых. Работать приходилось сутками. Мне прислали из города помощницу. Однако 23 августа немцам

удалось прорвать зенитную оборону города. С оборонных рубежей по военному приказу стали отступать к городу. Налеты немецких самолетов на Сталинград были практически непрерывными: каждые 15 минут – новый массированный налет.

До дома Нины Арефьевны я добиралась двое суток и, к моей неописуемой радости, там встретила маму: вместе с учреждением из района, который заняли немцы, они отступили в Сталинград. В то время случился эпизод, заставивший меня в дальнейшем задуматься о явлениях, которые академик Н. Бехтерев называет «зазеркальем», необычных и пока непознанных наукой, поэтому непонятных. В данном случае я имею в виду Судьбу человека. Из-за встречи с мамой мы трое – я, мама и Нина Арефьевна – не успели укрыться в бомбоубежище, которое было во дворе дома и которое считалось одним из лучших в городе по своему оборудованию и оснащенности. Мы трое остались в доме, который был охвачен огнем, так как в очередной налет немецких самолетов в него было прямое попадание бомбы. Рядом с домом упала еще одна бомба весом в три тонны; бомбы такого веса, как тогда говорили военные, немцы впервые использовали в Сталинграде. От ее взрыва образовалась воронка огромных размеров. В дальнейшем эта воронка была использована как братская могила. В страхе и ужасе выбравшись из-под обломков дома, мы кинулись в бомбоубежище, и перед нами предстала ужасная картина – в бомбоубежище лежало 15 трупов, в том числе и дети. Картина ужасала тем, что они были все как живые, так как смерть наступила от разрыва внутренних органов в результате удара воздушной волны, попавшей в убежище через вход, который был выполнен непрофессионально.

За три дня Сталинград, этот огромный и красивый город на Волге, был практически полностью разрушен бомбардировками с воздуха – немцы в этот период находились на окраине города в районе заводов Тракторный и «Красный Октябрь». Горели подземные запасы нефти: прямое попадание в нефтесиндикат произошло 24 августа 1942 г. Город был освещен, как днем, огненное пламя уходило в необозримую небесную высь. Мы обнаружили многочисленные объявления военного штаба города с указаниями, куда должны прибыть различные категории населения. Я распрошлась с мамой, Ниной Арефьевной и двинулась на сборный пункт медиков, который располагался за рекой Царицей. Пробираться надо было практически через весь город. Артиллерийский обстрел и бомбардировки стали более редкими. Из бомбоубежищ и «щелей», которые оказались более надежными, чем бомбоубежища, выходили люди и двигались по городу

в направлении указанных пунктов. Однако дойти до пункта сбора мне не довелось, так как в очередной налет немецких самолетов меня настигла воздушная волна, которая пронесла меня целый квартал. Лучевая и локтевая кости предплечья моей правой руки вышли из суставов, осколок попал в голову, и я потеряла сознание. Мне была оказана медицинская помощь; в сознание я пришла лишь на берегу Волги, куда меня, не знаю как и кто, доставили. На баржах эвакуировали раненых. Немецкие самолеты просто-напросто гонялись за каждой баржей, расстреливая ее. Места переправ менялись через каждые 25–30 минут. Вода в Волге была красная. Масса раненых.

Я была эвакуирована в село Ильинское Свердловской области, однако мое состояние все ухудшалось. Потребовалась срочная операция, которую не могли провести в сельской больнице, и меня отправили в город Свердловск. После выписки из больницы я была направлена на работу ординатором в Свердловский эвакогоспиталь. Оперировала вместе с квалифицированными хирургами, выхаживала больных после тяжелейших операций, так называемых «пальцев Крубенгерга», которые проводили раненым, в основном – минометчикам, после ампутаций кистей рук и предплечий. Через 3 месяца работы получила повестку, призывающую в действующую армию. Опять Судьба.

Надо упомянуть, что мои розыски родителей увенчались успехом. Они оказались в Свердловске. Отец был эвакуирован с заводом, а мама, несколько позднее, со своим учреждением тоже была эвакуирована в Свердловск. Радость, однако, была недолгой. Сборный пункт для призывников из Свердловска располагался в Москве, и я, не успев насладиться родительским теплом, выехала в Москву. Один из моих пациентов, тяжело раненный начальник медсанбата, которому были ампутированы обе ноги, просил передать в Москве письмо своему учителю, известному академику-физиологу Леону Абгаровичу Орбели.

Письмо в Москве я передала по назначению и при этом узнала, что в нем была просьба оставить меня работать в Москве, куда из Ленинграда переехала Академия медицинских наук. В письме сообщалось о ранениях, которые я уже получила в Сталинграде, и о том, что я имею склонность к научной работе. Академик просил перезвонить ему на следующий день. Однако я не допускала никакой возможности оставаться в Москве и на пункте сбора призывников оформила документы в действующую армию. Пока я ездила передавать письмо академику, призывники помимо документов получили и военное обмундирование; мне же пришлось с военны-

ми документами и далеко не военным внешним видом (без волос, которые еще не отросли после проведенных на голове операций) на попутном транспорте добираться до воинской части, в которую была назначена. В документах значился район г. Шахты Ростовской области, военный комендант которого должен был уточнить место ее нахождения.

До города Шахты я добралась с большим трудом, так как ни у кого не было времени рассматривать мои документы, и попасть на платформу состава, который двигался в нужном мне направлении, у меня не было возможности. Выручил машинист паровоза – вошел в мое положение, взял на паровоз. Так я доехала до города Шахты, затем добралась попутными машинами до поселка Красный Дон, где располагалась моя часть ГОПЭП № 30.

Встретили меня без радости. После того, как я передала документы и за начальником госпиталя закрылась дверь, я услышала его раздраженный голос: «Вы что делаете? Завтра у меня наплыв раненых, а вы мне присылаете детский сад! Мне нужны не малолетки, а работники». Эта обида долго меня мучила, но, с другой стороны, заставляла со всей ответственностью относиться к своей работе. Наплыв раненых, действительно, был колоссальным. В штате ГОПЭПа имелся только один хирург, и я была назначена ординатором-хирургом. Остальные врачи выполняли другие функции, связанные с эвакуацией раненых, оказанием им первой медицинской помощи и подготовкой к эвакуации с передовых позиций в армейские или фронтовые госпитали.

Военное обмундирование я получила сразу же в день прибытия, однако были затруднения с сапогами, так как мне выдали кирзовые сапоги 40-го размера, а не 35-го, который я носила. Испытывала я трудности и с использованием портянок.

Работа в условиях повышенной опасности быстро сблизила меня со всем коллективом госпиталя. А коллектив был необычен по своему составу: оказалось то, что ГОПЭП был сформирован в городе Баку. Коллектив состоял из армян, грузин, азербайджанцев, евреев, русских. Под свою отеческую опеку меня взяли врачи – муж и жена Фаина Матвеевна Шляхова и Борис Абрамович Шефель, которые были намного старше меня. У этой супружеской пары детей не было; когда Фаину Матвеевну призвали в армию, муж добровольцем поехал на фронт вместе с ней. Ко мне они относились, как к дочери. После эвакуации раненых был приказ свернуть госпиталь и передислоцироваться. Особенно тяжело было медикам во время боев на озере Сиваш. В течение одной ночи надо было развернуть эвако-

свидетельство того, что жили здесь интеллигентные люди, а возможно, и крупные ученые. Ни у кого из нас не было даже поползновения дотронуться до этих вещей, как-то ужасно тяжело было на душе, щемило сердце. (К тому же действовал строжайший приказ о мародерстве, позволяющий нарушителя убивать на месте.) В Бахчисарае так и не приступили к работе: госпиталь свернули, мы ждали нового приказа. Приказ пришел через несколько дней – передислоцироваться в Прибалтику. Ехали несколько дней на машинах, нагруженных хирургическим инвентарем и другим госпитальным скарбом; чтобы не упасть с высоты в несколько метров, привязывались веревками. Первая остановка – в лесу под Плунгиянами. Приказ о дислокации ждали неделю. Спали на раскладушках. Осень, холодно, выдали спальные мешки. Подъем в 6 часов утра, строевые занятия, изучение оружия. Пришел приказ – направить врачей для профилактического осмотра в воинских частях и выявления венерических заболеваний.

Венеролог нашего госпиталя майор Баграмян проводит семинар. Мне выделяют медицинскую сестру, выдают тулуп, инструкции, повозку с двумя лошадьми, и я отправляюсь в нелегкую и ответственную поездку по воинским частям. Друзья из госпиталя сочувствуют, некоторые подтрунивают над моей необычной миссией. В воинских частях мой приезд воспринимался также по-разному. Мне пришлось собрать всю силу воли, чтобы не реагировать в ряде случаев на непристойные высказывания солдат и провести медицинский осмотр со всей серьезностью. Было выявлено немало случаев венерических заболеваний. Немцы, уходя из наших городов в конце войны, нередко оставляли диверсионные группы женщин, зараженных (иногда даже всеми) венерическими заболеваниями; так было в городе Красный Дон, так было и здесь, в Прибалтике. В Красном Дону, после того как мы эвакуировали раненых по приказу высшего военного начальства, в течение месяца мы выполняли функцию эваковенерологического госпиталя. Никогда не забыть первого пациента: красавец, статный полковник. Диагноз – все 4 венерические болезни: твердый и мягкий шанкр, сифилис, гонорея. Плакал, кляня себя и свою судьбу. Дома – хорошая семья, дети...

Размышления о нравственности, патриотизме и взаимоотношениях людей
во время войны и послевоенный период

Во время войны в воинских частях строго следили за тем, чтобы военнослужащие не допускали «неуставных взаимоотношений» между мужчинами и женщинами. За настроениями, в том числе и в этом отношении,

следил наш парторг Ламсадзе. Ламсадзе был грузином, плохо говорил по-русски, о его обязанностях я лично узнала, например, только тогда, когда в первый раз в нашу часть приехали из вышестоящих военных организаций для оформления приема в партию. В связи с тем, что в госпитале было только два оперирующих врача, майор Н. А. Нерсесьян и я, а госпиталь был развернут, и у меня не было возможности хотя бы на минутку отвлечься от работы, тем более у нас были сложности с содержанием рук в стерильном состоянии.

Мой отец не был членом партии, но он глубоко верил сам и мне привил веру в то, что партия – это ум, честь и совесть народа. И несмотря на то, что отцу пришлось незаслуженно пережить страдания и лишения в связи с незаконным арестом в 1938 г., он искренне верил в то, что это осуществляли враги народа: Ежова в Пятигорске, где был и папа арестован, самого арестовали и расстреляли так же, как расстреляли нашего соседа по квартире, который писал доносы на честных, порядочных и преданных делу партии людей.

Ламсадзе нам говорил о том, что будут проводить экзамен и выяснять, насколько политически подготовлены люди, которых будут принимать в партию.

Ретроспективно я думаю о том, насколько же я в то время была наивна, насколько я верила в непогрешимость всего того, о чем говорилось. Себя я считала политически незрелой, я не знала, вернее, не помнила, когда и какие были съезды партии, какие решения принимались на этих съездах, и я думаю, что, если бы у меня и была бы возможность освободиться от работы, я не рискнула бы подать заявление в партию именно из соображения своей неподготовленности. Насколько я была действительно наивной в данном, да и, по-видимому, во многих других жизненных вопросах в последующий период жизни, я убедилась тогда, когда после войны решила, что уже готова к тому, чтобы быть членом КПСС. В этот послевоенный период я уже была доктором наук, занимала должность, которую считала своим «потолком», и думала, что в этот период ни один человек не может надумать и осудить меня за то, что свое заявление о принятии меня в партию я подаю из-за каких-то корыстных целей. Подробней об этой «эпопее», видимо, мне стоит написать, так как она меня потрясла, я чуть не погибла как специалист. А спасла меня от гибели в профессиональном плане опять же Судьба, в которую я просто не могу не верить после всего того, что со мной происходило в жизни. Итак, закончила я службу в армии, оставшись беспартийной, что, по-видимому, вызывало многие вопросы у свердловского НИИ ОММ, где я работала более 20 лет.

Несколько слов о «неуставных отношениях» между мужчинами и женщинами во время войны. Я должна сказать о том, что меня мужчины не обделяли своим вниманием. Более того, начальник госпиталя майор М. в конце войны сделал мне серьезное предложение: выйти за него замуж. Ему я сказала о том, что решить этот вопрос смогу лишь после окончания войны и после знакомства его с моей мамой. На это он мне ответил: «Что ж, будем ждать окончания войны».

Это был очень умный, серьезный человек, кандидат биохимических наук, в начале войны переживший ужасную моральную травму. Он работал в Днепропетровске, и когда город был захвачен немцами, расстреливали всех евреев. Расстреляли и его семью: жену, дочку и кого-то из родственников. Я об этом, естественно, с ним никогда не говорила, а рассказала мне обо всем врач Фаина Матвеевна Шляхова, которая знала о его глубоких переживаниях. Начальник госпиталя был на много лет старше меня, я к нему относилась с уважением и сочувствием. Я видела и чувствовала его хорошее отношение ко мне, однако он мне казался слишком суровым, строгим, его в госпитале все побаивались, он очень скрупулезно соблюдал все законы и предписания военного времени. Кстати, только благодаря его организованности, дисциплинированности и четкости в работе наша часть справлялась со всеми трудностями и, в частности, смогла избежать плена, который, казалось, был неминуем, так как немцы, которые оставили один из городов в Прибалтике, снова захватили окраину города, когда мы практически уже развернули госпиталь для работы по приему раненых.

...Вскоре после окончания войны он действительно из Днепропетровска приехал в Свердловск знакомиться с мамой. Когда он с мамой разговаривал, он сказал, что это такой вопрос, который Галя должна решить самостоятельно. Были продолжительные разговоры, в результате которых я дала согласие переехать с мамой в Днепропетровск. Мой бывший начальник в очень хорошем настроении уехал решать непростые жизненные вопросы. Вопросы касались квартиры, которую, пока он служил в армии и был на фронте, заняли другие люди, и работы на гражданской службе, так как мы решили, что он будет увольняться из армии и займется научной работой по биохимии. У нас была довольно интенсивная переписка до тех пор, пока на моем жизненном горизонте не появился В. М. Г., тот раненый, который был в нашем госпитале уже в конце войны и с которым так случайно мы встретились в Доме офицеров Свердловска. К тому же оказалось и то, что мы с ним работали на кафедрах университета. Кстати, когда я ему сказала, что собираюсь переезжать в Днепропетровск, так как

выхожу замуж, его ухаживания стали еще более активными. В. М. Г. меня буквально не оставлял без внимания ни на минуту, а когда был занят, он присылал своего друга, который говорил о том, какой Валя хороший и как он меня любит. У меня при этом не было той восторженности, которую я испытывала, когда мне было 18 лет, однако с ним мне было легко и интересно. Видимо, это и повлияло на то, что в один из дней я набралась духа, сил и сообщила своему начальнику о том, что у меня изменились обстоятельства и я не могу приехать к нему в Днепропетровск. После этого какой-то период времени я получала от него письма, различные по содержанию. На письма, которые мне были неприятны, я не обижалась, так как чувствовала себя виноватой перед человеком, искренне и серьезно ко мне относившимся...

Я гораздо проще чувствовала себя под опекой заместителя госпиталя по хозяйственной части. Он же был на много, как мне казалось, лет старше меня, имел семью, двоих детей. Он мне оказывал всяческие знаки внимания, говорил о любви ко мне. Делился своими мыслями и чувствами с Фаиней Матвеевной. В части из врачей я была самой молодой, и, видимо, более старшие мои товарищи видели, насколько я была наивной и неопытной. В одном из писем маме, которая была в Свердловске после эвакуации из Сталинграда, я написала об отношении ко мне Я. С. В ответном письме мне на фронт мама тонко и в тактичной форме написала, по существу, предупреждение о том, что я не имею права разрушать сложившуюся семью, в которой двое детей. Она писала, что дети ждут своего отца с фронта, что у меня это может быть только увлечением и благодарностью за внимание, которое мне оказывают. А после одного эпизода, который случился со мной в этот период времени, я поняла, что, действительно, ни о какой любви в данном случае с моей стороны не приходится говорить. А дело было в один из периодов, когда в госпитале ожидался приказ о работе. Сам госпиталь был свернут, нас занимали лишь на строевых занятиях и политучебе. Видимо, в таком же состоянии ожидания был и госпиталь, который довольно часто дислоцировался поблизости с нашим ГОПЭПом, и мы все были знакомы с начальником этого госпиталя, майором медицинской службы Н. Он был остроумным человеком, легким в общении. Он родился и жил в Ленинграде и, как мне казалось, был очень интеллигентным человеком; такими в те времена славился Ленинград.

И вот в один из дней этот человек пригласил меня послушать музыку, сказав, что там, где расположился его госпиталь, обнаружился патефон и много хороших пластинок. Я доложила своему начальству и приняла это

предложение. Мне было интересно с этим человеком, он мне показался необыкновенным. А когда он пригласил меня потанцевать с ним, я испытала такое ощущение, как будто через меня был пропущен электрический ток, при этом я почувствовала с его стороны ответную реакцию. Ничего подобного при общении ни с одним из моих поклонников из моего госпиталя я не чувствовала. Мне казалось, что я теряю голову. И как же я потом была благодарна этому человеку, что он не воспользовался моей слабостью, я видела, как ему трудно держать себя в соответствующих рамках приличия, но мы с честью вышли из создавшейся ситуации.

Мне эта встреча пошла на пользу: я поняла, что серьезных чувств к своим поклонникам из моего госпиталя я не испытывала. Правильно оценить сложившиеся отношения помог мне этот случай, участницей которого мне пришлось быть и который произвел на меня потрясающее впечатление.

Также вспоминается моя влюбленность в раненого, который лежал в госпитале в Сталинграде, где мы – студенты последнего курса вуза – проходили практику по хирургии. Фамилия раненого была Галочкин. И вот мне почудилось, что именно он, этот голубоглазый молодой мужчина, есть моя половина и он мне предназначен Судьбой. Он был благодарен мне за то, что я, не считаясь со временем, оказывала ему всяческую помощь. У него было ранение в правое плечо, наложен гипс в виде так называемого самолета, который создает много неудобств. Этот гипс ему несколько раз приходилось перекладывать, раненый плохо спал, его мучили боли, и я, как могла, старалась облегчить его состояние. Весна в Сталинграде, когда пробуждается природа, – замечательное время года. Немцы в тот период только подходили к Ростову-на-Дону, в Сталинграде было спокойно, не очень ощущалось приближение вражеских войск, а я уже отошла от тяжелых переживаний во время эвакуации из Ленинграда. Однажды в один из весенних дней 1942 г. я договорилась с лечащим врачом моего подопечного раненого, чтобы ему разрешили со мной побыть на воздухе. Врач разрешила, и мы с моим Галочкиным несколько часов были на природе, казалось, разговорам не будет конца. И вдруг Галочкин меня поцеловал. Мне казалось, что этого уже достаточно для того, чтобы я была убеждена в его любви ко мне. Домой я пришла с дежурства в возбужденном состоянии. Мама уже спала, я ее разбудила и сказала, что мне надо с ней очень серьезно поговорить. Первое, что я сказала маме: «Мама, я выхожу замуж». Какая же была у моей мамы выдержка – она не показала мне вида, насколько она взволнована таким сообщением. Мама начала

расспрашивать меня о моем избраннике. Однако, кроме того, какие у него фамилия, имя, отчество, и, кажется, возраст, я ничего о нем не знала, а когда сказала, что у него есть семья и двое детей, маму это сообщение повергло в шоковое состояние. Видимо, действительно, Судьба хранила меня: когда я пришла на дежурство, мне сообщили о том, что курировать я должна другого раненого, так как Галочкина эвакуировали в тыловой госпиталь, а в какой – мне никто сообщить не мог. Ночной разговор с мамой меня отрезвил, и я не очень тяжело переживала случившееся.

Один случай во многом определил мои взгляды на любовь, влюбленность и вообще на отношения между мужчиной и женщиной. По-видимому, я после этого стала более взрослым человеком. Этот случай произошел в период, когда наш госпиталь дислоцировался в Прибалтике. Раненых не было, все ожидали соответствующего приказа о работе. В этот период недалеко от нашего госпиталя располагалась патологоанатомическая лаборатория, которая входила в группу усиления, то есть специалистов из этой группы вызывали в тот или иной госпиталь по необходимости.

Заведовал этой лабораторией подполковник П. из Москвы, человек в возрасте, по-видимому, хороший специалист, так как в группе усиления все работники имели те или иные ученые звания и степени. Этот человек часто бывал в нашем госпитале, так как обычно его лаборатория территориально близко располагалась к нашему госпиталю. Я обращала внимание на то, что каждый раз, когда он был в нашем госпитале, то интересовался тем, как я живу, как работаю. На эти вопросы я не обращала внимания, поскольку воспринимала их как обычный интерес взрослого человека к молодому начинающему свою работу человеку. В один из приездов в наш госпиталь подполковник пригласил нашего начальника и врачей к себе на ужин. Он сказал, что его лаборатория располагается в живописном месте, в очень красивом особняке, и ему у населения удалось приобрести продукты. В нашем госпитале с продуктами было очень плохо, и недаром мы говорили о меню как о ППС, что означало «постоянный пшенный суп».

Наш начальник приглашение принял, и мы отправились в гости, что в условиях военного времени было необычным. Все были в хорошем настроении; подполковник, действительно, оказался хорошим кулинаром, веселым собеседником и организатором. Поздно вечером стали собираться к отъезду в свой госпиталь, уселись в машину, а мне не хватило места, на что П. сказал моему начальнику: «Ты не беспокойся, я уже вызвал шофера, и я провожу капитана (то есть меня) до госпиталя». Мне такой вари-

ант не очень понравился, однако за меня решали старшие и по званию, и по возрасту товарищи. Все разъехались, и П. мне предложил отдохнуть в одной из комнат особняка. Обставлена эта комната была богато и красиво. Я сразу обратила внимание на то, что комната была спальней: стояла шикарная кровать, заправленная красивым бельем, около кровати стояла ваза с фруктами и хорошими конфетами, которых на ужине не было. Ждала я приезда шофера в одиночестве, и лишь изредка, несколько раз, заходил подполковник, говорил о том, чтобы я не волновалась, отдыхала и ела бы вкусные вещи. А я с каждым его приходом стала волноваться все больше и больше, особенно тогда, когда он стал меня уговаривать, чтобы я чувствовала себя как дома, раздевалась и ложилась бы спать, а отвезти в госпиталь он сможет меня и утром.

А уже глубокой ночью, когда зашел в комнату подполковник, мне было ясно, что до утра он меня не отвезет. Особенно я почувствовала это тогда, когда он стал говорить о своем отношении ко мне. Меня охватили отчаяние, обида за коварство и такая ненависть к этому человеку, что, если бы у меня было личное оружие, мне думается, я могла бы в него выстрелить, как только он приблизился бы ко мне. И опять Судьба, о которой, естественно, я тогда не думала. Я услышала шум подъехавшей к особняку машины. Оказалось, начальник нашего госпиталя решил проверить ночью, все ли в госпитале в порядке, все ли на месте, и тут ему Фаина Матвеевна, с которой я жила, сказала, что она обеспокоена тем, что меня нет на месте, несмотря на то, что устроитель ужина ей говорил, что сам меня будет сопровождать и вслед за всеми меня доставит до госпиталя. Да, это был наш начальник. Как же я ему была благодарна! У мужчин состоялся какой-то разговор, содержание которого мне неизвестно; я пулей выскочила из злополучного дома и почувствовала себя вне опасности. Больше этого подполковника в нашем госпитале я не видела, при необходимости вызывали специалиста из другой «группы усиления».

Мы в госпитале знали, что в тылу, особенно среди жен фронтовиков, бытовало нелестное мнение о женщинах-фронтовичках. Причиной такого мнения, по-видимому, было то, что нередко при наступлении беременности женщин тут же отправляли с фронта в тыл. Нам были известны случаи, когда женщины специально беременели, чтобы таким образом избежать не только тяжелой работы, но и страха остаться калекой – фронтовые госпитали все время попадали под обстрелы.

С негативным отношением к женщинам, служившим в армии во время войны, я встретилась и после ее окончания. Мне не забыть обиду, кото-

рую я испытала, когда одна из жен друга моего мужа, очень хорошая женщина, работник райкома партии в Свердловске, не знаю почему, называла женщин-фронтовичек «шкурками». Мне было обидно это слышать, несмотря на то, что она всегда прибавляла «кроме тебя». А это было на самом деле совсем не так.

Война длилась годы. Условия работы способствовали возникновению дружбы, взаимовыручки, и не только среди мужчин. Да, действительно, иногда возникали и более глубокие чувства. Обычно в коллективе это было известно, и, несмотря на строгости, какие были в армии по поводу «неуставных отношений», им разрешалось, в зависимости от условий, когда не было приказа о казарменном положении всего состава госпиталя, поселяться вместе. У нас в госпитале тоже была такая пара по-настоящему влюбленных друг в друга людей – это была заведующая аптекой и начальник штаба. Заведующая аптекой пришла в армию одинокой молодой женщиной, начальник же штаба имел семью и двоих детей. В конце войны мы нередко задавались вопросом, как же они поступят, когда кончится война и нужно будет разъезжаться в разные города. Через несколько лет после войны моя фронтовая подруга, которая специально собирала сведения о судьбе наших товарищей – фронтовиков, сообщила, что после окончания войны эта пара разъехалась по своим домам, начальник штаба вернулся в семью. Однако через несколько лет он оставил семью и переехал к женщине, которую полюбил на фронте и оформил с ней официальные отношения. Что ж, трудно осуждать такие отношения: чувства были глубоки, и тут, видимо, никакие уставы и запреты не могли над ними властвовать. Однако обидно мне было слушать о несправедливых суждениях, обобщавших единичные негативные случаи, которые становились известны в тылу.

Мне же никогда не забыть тех замечательных, добрых, мужественных, преданных своему делу женщин, с которыми меня свела фронтовая судьба. Я не могу забыть, например, старшую операционную сестру старшего лейтенанта медицинской службы Нефедову. К сожалению, в армии не принято было обращаться по имени и отчеству, и в моей памяти ее имя не сохранилось. Она была по возрасту старше других женщин, служивших в нашей части. В армии она служила с начала войны, пошла добровольно. Всю жизнь я ей благодарна за то, что она меня поддерживала в работе, а я в этой поддержке очень нуждалась. Мне не забыть случай, когда при огромном наплыве раненых мне пришлось не ассистировать нашему ведущему хирургу Н. А. Нерсесьяну, а встать за отдельный хирургический

стол и самостоятельно произвести ампутацию голени у молодого бойца. Я сказала хирургу, что очень обеспокоена тем, что самостоятельно не справлюсь с этой непростой задачей, так как знала, что надо так провести операцию, чтобы затем у молодого человека не возникло затруднений при протезировании ноги. На это Николай Арутюнович ответил: «Тебе же будет ассистировать Нефедова». И действительно, во время этой моей первой операции не я своему ассистенту говорила, какой подать инструмент, как это положено, а она сама мне давала тот инструмент, какой требовался в данный момент. А когда операция была благополучно закончена, и санитар бросил в таз ампутированную ногу, от этого звука, который, мне кажется, я слышу и теперь, вспоминая этот эпизод, я почувствовала, что теряю сознание. Однако внимание, чуткость, воля и энергия моего дорогого ассистента помогли мне справиться с моей слабостью. Она поддержала меня морально, по-видимому, передав мне свою уверенность, энергию и волю.

А какими замечательными женщинами были медицинские сестры! О перевязочной сестре Варе Шептун раненые говорили, что когда она делает перевязки, они не чувствуют боли. Мы же, врачи, знали, что Варя так любила свою работу, с такой нежностью и чуткостью относилась к раненым, все время им что-то нашептывала во время перевязки на украинском языке, и мы полагали, что они при перевязках находились в каком-то покойном гипнотическом состоянии. Таких же похвал заслуживают и многие другие женщины, служившие на фронте.

На мое ускоренное взросление повлиял еще один случай, который мне пришлось пережить. Ко мне обратилась врач, с которой я была в хороших и даже, я бы сказала, дружеских отношениях, с просьбой, которая меня повергла в шок. Подруга поведала мне о том, что у нее наступила беременность от человека, которого она полюбила, работая еще до нашего госпиталя в другой части. А я слышала о том, что в нашу часть приезжал из другой части на один день капитан и что с ним врач встречалась, так как поступления раненых в наш госпиталь в этот период не было. Наш госпиталь располагался в это время в одном из городов Прибалтики. Прошло время, и врач мне сказала, что ей необходима акушерская помощь. Удалось найти врача-акушера-гинеколога, который согласился за какую-то сумму денег сделать женщине аборт. При этом он поставил несколько условий. Одним из условий было то, чтобы его пациентка пришла не одна, а с человеком, который сможет ему ассистировать. Другим условием было то, чтобы сразу же после операции женщина удалилась из его квартиры. Условием также было и то, что она не должна была издать

ни одного стога, а операция должна производиться без обезболивания. После этого разговора я была в полном смятении. Во-первых, я понимала, что при согласии ассистировать я не только иду на противоправные действия, но и, во-вторых, я просто не была уверена, справлюсь ли с той задачей, которая передо мной была поставлена. Я понимала, что должна быть полная конспирация, при этом теоретически знала, что могут быть серьезные осложнения, стоящие, возможно, и жизни человеку, если, скажем, откроется кровотечение. С другой стороны, я понимала и то, что с такой просьбой моя фронтовая подруга ни к кому другому обратиться не может, и у меня не хватало духа отказать ей. Я понимала, что иду на риск, который мне может стоить всей профессиональной карьеры. К счастью, все обошлось благополучно. Правда, мне казалось, что начальник госпиталя догадался о причине нашего отсутствия, но никаких разговоров на этот счет не было.

В Прибалтике неоднократно приходилось разворачивать госпиталь для работы, а затем его сворачивать, двигаться дальше. Видимо, работу по эвакуации раненых выполняли и другие воинские части. В одном из населенных пунктов сложилась ситуация, когда только благодаря случаю наш госпиталь не попал в окружение и не был захвачен немцами. По приказу госпиталь был развернут, офицерский состав распределен по квартирам, санитары и солдаты – на казарменное положение. С утра ждали наплыва раненых. Однако в связи с тем, что немецкие войска после отступления повторно захватили город, поступил новый приказ – срочно госпиталь свернуть, весь личный состав с оборудованием вывезти на расстояние не менее 20 км от города; госпиталь в этот период располагал лишь одной полутонной грузовой машиной. Приказ начальника госпиталя майора Манзона: в первую очередь грузить хирургический инвентарь, отвезти его на 20 км от города, затем, вернувшись, эвакуировать женщин, после чего вернуться за остальными. Немцы рядом, бои на соседних улицах. Вот когда проявились у каждого все человеческие качества. Помню, как наш парторг Ламсадзе, обезумев от страха, рвался сесть в машину первого рейса, нагруженную хирургическим инвентарем. И только настойчивость, воля и организованность начальника госпиталя позволили предотвратить панику и провести отступление по намеченному плану. Все мужчины и женщины поднимали и грузили в машину такие грузы, которые в обычных условиях каждый не мог не только поднять, но и даже оторвать от земли. Вот когда сказывались и проявлялись резервные возможности человека, связанные с эмоциональным и моральным настроем.

эвакуировали все немецкие госпитали через 3 дня. Этот случай из моей военной жизни послужил для меня хорошим уроком, который я запомнила и часто впоследствии пыталась передать своим ученикам.

Война закончилась. Опять Судьба. 51-я армия, к которой относился наш госпиталь, получила приказ расформировываться в городе Свердловске, где оказалась после эвакуации из Сталинграда и моя мама (папа погиб в 1944 г.). Настало время прощаться с друзьями. Те, кто был призван в армию в других городах, получили разрешение не ехать в Свердловск. Фаина Матвеевна с мужем уехали в Киев, Гумбатов, Али-Баба, Палиес – в Баку, Ламсадзе – в Тбилиси, Баграмян – в Ереван, а другие – в различные города страны. Расставаться было тяжело, многое вместе было пережито за эти годы. Госпиталь опустел. Раненые эвакуированы. В госпитале остался лишь один майор – Валентин Михайлович Готлобер, у которого был перелом костей голени после падения с лошади и которого просили не эвакуировать из штаба армии, так как у него уже было назначение на работу в штаб УралВО (Свердловск).

В Свердловске я получила назначение на работу в государственный университет на военную кафедру преподавателем хирургии. Кафедра готовила медицинских сестер. Заведующий кафедрой – майор, маленький, полный, краснощекий человек, недавно окончивший какое-то техническое военное заведение, был очень далек от медицины. Создавалось впечатление, что коллектив преподавателей – сам по себе, а заведующий кафедрой преследует свои задачи. И эти задачи в основном сводились к тому, чтобы каждый преподаватель умел по всем военным правилам приветствовать военных людей различных званий. Особенно удручающее впечатление на меня производили попытки этого военного обучить нас приветствовать высшие военные чины и, в первую очередь, генералов. Он добивался того, чтобы были точно учтены и рассчитаны расстояния, с которых надо идти шагом на вытянутую ногу, как должны быть оттянуты стопы, приложена рука к головному убору и т. д. Я на кафедре была единственной, прошедшей войну, и, возможно, поэтому мне эти бесконечные строевые занятия казались совершенно никчемными и ненужными. Особенно мне стала тяжела военная служба после эпизода, который случился со мной в городе, когда я торопилась на занятия в университет и не поприветствовала проходящего мимо меня майора. Он меня, как младшего по чину, остановил и стал читать нотации. Когда же я сказала, что не могу с ним разговаривать, так как спешу на работу, где меня ждут студенты, ему мой тон показался неуважительным, и он отвел меня в военную комендатуру, находив-

шуюся неподалеку на улице Ленина. Там был составлен протокол, и мне пришлось два часа маршировать под присмотром офицера в маленьком внутреннем двореке этого заведения. Занятия со студентами были сорваны. Именно тогда у меня четко сформировалось решение уйти из армии, несмотря на то, что сама работа мне нравилась. Одна из преподавателей – Вера Александровна Петрова, преподаватель фармакологии, прослужившая всю жизнь в армии, дружба с которой у меня сохранилась на долгие годы, очень сожалела, когда я ей сообщила о своем решении искать свою судьбу вне армии. Уволиться из армии оказалось непросто, так как других преподавателей хирургии, прошедших войну, для работы в университете, по-видимому, подыскать было трудно.

В то время я с мамой жила в маленькой пятиметровой комнате одноэтажного дома на улице Девятого января, которого сейчас, как я недавно узнала, в связи с реконструкцией этого района города, уже и не существует. Чтобы попасть в комнату, надо было пройти большое нежилое помещение, в котором находилась огромная закопченная печь. В комнате стояли две узкие железные кровати, маленький столик и один стул. Все это было выделено маме как эвакуированной из Сталинграда. Меня такая обстановка не удручала, так как я познала другие ценности – Мир. Война, страшная и жестокая, окончена. Вот это и было для меня самым главным.

В один из дней я получила приглашение от преподавателя кафедры пойти в театр. У него были билеты в Дом офицеров. Приглашение я приняла, а когда подошло время собираться, я не знала, как поступить. У меня кроме гимнастерки и шинели, которую, кстати, вскоре украли из столовой штаба УралВО, не было ничего из гражданской одежды. Выручила соседка, пришлось приспособить к себе ее крепдешиновое платье, и я впервые за последние годы могла отвлечься от работы.

Дом офицеров на меня произвел очень сильное впечатление. До начала представления мой спутник показал мне музей, библиотеку Дома офицеров, которая поразила меня тишиной, порядком, количеством книг, чистотой. Места были во втором ряду, зал заполнен до отказа, однако около меня весь первый акт место было свободным. И только ко второму акту пришел майор и занял его. Этим майором оказался Валентин Михайлович Готлобер, тот военный, который оставался в нашем госпитале после эвакуации раненых перед передислокацией 51-й армии в город Свердловск. Оказалось, что кроме работы в штабе УралВО ему было поручено организовать кафедру политэкономии (он был кандидатом экономических наук) в Уральском государственном университете им. А. М. Горького, в кото-

ром работала и я. С этого времени я ежедневно испытывала постоянное внимание майора Готлобера. Он был очень занят и увлечен работой. Однако почти каждый день, приходя с работы, я заставляла около закопченной печи либо прекрасный букет цветов, либо какой-нибудь сувенир. Затем, хромая и превозмогая боль в ноге, приходил и он. Если ему приходилось задерживаться, он присылал своего преданного друга, который тут же удалялся, как только освобождался от работы мой поклонник. А работал он очень много. Кроме работы в штабе УралВО, он был организатором в университете кафедры политэкономии, экономического факультета, филиала Московского института народного хозяйства. Затем он стал первым ректором Свердловского института народного хозяйства (СИНХа).

У В. М. Готлобера было много единомышленников и помощников. Особенно большую помощь в работе при становлении экономического вуза в Свердловске оказал человек, о котором редко вспоминают, когда проводятся какие-то юбилейные мероприятия, со странной и, как мне кажется, значительной фамилией – Книга. Вот уж кто не считался ни со временем, ни со своим здоровьем, он просто горел на работе. К великому сожалению, Михаил Александрович Книга диссертации не защитил и умер в сравнительно молодом возрасте. Вокруг Валентина Михайловича скоро образовался широкий круг молодежи, многие защитили затем кандидатские и докторские диссертации. Первыми аспирантами В. М. Готлобера были ставшие затем известными профессорами В. И. Олигин-Нестеров и А. В. Моисеев. А потом, как говорил Валентин Михайлович, его ученики стали поступать в аспирантуру «семьями»: так под его руководством защитили диссертационные работы муж и жена Мельновы. Впоследствии известный профессор Михаил Артемьевич Мельнов создал свою школу экономистов. Кроме того, у В. М. Готлобера учились будущий академик Владимир Александрович Тихонов, его жена и многие другие. Мне думается, не так много профессоров, которые подготовили такое количество кандидатов и докторов экономических наук, сколько подготовил В. М. Готлобер. Насколько мне известно, их количество приближается к двумстам, и это несмотря на то, что сам Валентин Михайлович докторскую диссертацию так и не защитил, получив звание профессора по совокупности работ. Общаясь с В. М. Готлобером и его единомышленниками, я оказалась, особенно после того, как вышла за него замуж, в круговороте экономических и организационных идей.

Наш дом был для всех открыт. Появились друзья, которые остались ими на всю жизнь. Это Владимир Иосифович Ранштак, экономист, замеча-

тельный человек, работающий на кафедре экономики машиностроения в УПИ, и его прекрасная жена Александра Ивановна, с которой мы дружили многие годы. Это Жуков Павел Александрович, также работавший в УПИ, и его жена Елена Ивановна Жукова, которая после смерти мужа в течение многих лет у себя в доме собирала в его память соратников и учеников.

Когда я вышла замуж и ждала ребенка, моя работа на военной кафедре стала почти невыносимой. Заведующий кафедрой заставлял меня заниматься строевой подготовкой, в том числе и проходить перед ним, изображающим генерала, строевым шагом на вытянутую ногу, что мне казалось совершенно абсурдным. Мои просьбы разрешить присутствовать на кафедре в гражданской одежде ни к чему не привели. А я считала, что мое физиологическое состояние уже не только не соответствует военной форме, но в какой-то степени ее даже дискредитирует. Просьбы моих коллег по кафедре также ни к чему не приводили, и я была вынуждена обратиться с просьбой к высшему военному начальству о своей демобилизации из армии.

Демобилизовалась я из армии в звании капитана медицинской службы, после чего началась моя гражданская служба. В 1947 г. профессор И. И. Яковлев пригласил меня на работу в Научно-исследовательский институт охраны материнства и младенчества для организации биофизической лаборатории.

Жизнь после того, как моя семья перешла в категорию «неполной семьи», а я стала «матерью-одиночкой»

В качестве заместителя директора по науке мне пришлось много ездить, быть на интересных конференциях в различных городах, встречаться с новыми людьми. А одна из таких поездок на Всесоюзный съезд физиологов и биохимиков для меня оказалась особенно значимой. На одном из заседаний я услышала, что меня кто-то окликнул и назвал как никто не называл: «Галинка». Обернувшись, я увидела начальника госпиталя, в котором служила во время войны, перед ним все эти годы чувствовала себя виноватой в том, что не оправдала его надежды на совместную жизнь, отказавшись поехать в Днепропетровск. Мой бывший начальник хорошо выглядел, ему шла гражданская одежда, он поправился (конечно, во время войны сказывалась трудная и ответственная работа и трагедия, случившаяся с его семьей). Он пригласил меня поужинать в ресторан, я приглаше-

ние приняла, и мы долго дружески с ним разговаривали. Он мне рассказал о том, что счастлив, что нашел в жизни свою половину, и у него прекрасные жена и дочь. Показал фотографию дочки. Действительно, на фотографии была очаровательная девочка. На его вопрос о том, как я живу, я лишь ответила: «А меня Бог наказал, с мужем я разошлась». Больше ни о чем мне говорить не хотелось. Однако я почувствовала, что после этой встречи с меня спал груз вины перед достойным человеком, который так хорошо и искренне ко мне относился.

Я не знаю, какой из периодов моей жизни оставил самый большой след в моей памяти. Однако замечу, что пятидесятые годы были благополучными. Друзья мужа получили новые назначения в различных городах. Компания пьющих людей распалась, кроме того, у меня с мужем были очень серьезные разговоры, так как мириться с тем образом жизни, какой мне навязывался, я просто не могла. В решении этого, болезненного для меня вопроса большую роль сыграло отношение друга мужа – Ганштака Владимира Иосифовича. Для Ганштака и его жены Александры Ивановны такое времяпрепровождение было и неинтересным, и неприемлемым, особенно после того случая, когда в их присутствии, мне, отказавшейся выпить водку, подвыпившая компания решила влить ее насильно. Это была последняя капля моего терпения: я воспротивилась и больше не принимала приглашений в компанию, несмотря на то, что в трезвом состоянии люди были мне симпатичны: вояки, кадровые военные, прошедшие всю войну, многое повидавшие и еще больше пережившие.

В эти годы мы с мужем получали приличную заработную плату, могли достойно жить. У меня появились даже три золотых вещи: серьги, кольцо и замечательная брошь в виде веточки с красивым изумрудом. Мы смогли в этот период даже поехать туристами в Швейцарию. Наша группа была первой после многолетнего перерыва. Поездка была очень интересной. Однако она высветила ряд моментов, характерных для россиян моего поколения. Лично мне очень хотелось достойно выглядеть перед богатыми людьми, которые, как нам было известно, жили в стране, никогда и ни с кем не воевавшей. И несмотря на то, что нас предупреждали о регистрации всех вещей перед выездом из страны, особенно дорогих, во избежание того, чтобы никто не подумал о продаже этих вещей в Швейцарии, я взяла с собой все самое лучшее из одежды и все свои золотые украшения – пускай не думают «они там, за бугром», что мы бедные.

Какова же была разница в наших менталитетах! Мне вспоминается случай, когда сопровождавшая нас переводчица заболела, а я была един-

ственным в группе врачом. И я, естественно, кинулась ей помогать. Собрала анамнез, осмотрела (у переводчицы была высокая температура) и поставила диагноз – ангина. У меня на всякий случай были с собой лекарства, которые я дала больной. Через 3 дня она была совершенно здорова. Я видела, каково было ее удивление, когда на вопрос, сколько она должна заплатить мне за лечение, я ответила, что она мне ничего не должна. Однако мне показалось, что она не оценила моего ответа, а посчитала меня какой-то странной. То, что было для нас в те времена обыденным и общепринятым (только мы, как сейчас выясняется, недооценивали этих благ), для жителей Швейцарии было каким-то, в лучшем случае, чудачеством.

Так мы друг перед другом старались показать свою страну в самом лучшем виде. В Швейцарии было известно, что в нашей стране процветают негативные стороны жизни, и в частности, воровство. И наша гид подробно рассказывала о том, насколько ее страна благополучна. Абсолютная честность всех живущих в Швейцарии заключалась в том, что можно около магазина оставить свой велосипед и никто до него не дотронется; если потеряна какая-то вещь, ее обязательно через определенное бюро передадут владельцу.

Однако, к сожалению, мне пришлось убедиться в том, что те краски, какие гид использовала для описания жизни в Швейцарии, не совсем соответствовали действительности. Дело было в Женеве, наша группа пошла на длительную экскурсию, на которую я не ходила, так как неважно себя чувствовала. Я осталась ожидать группу в гостинице, так как нам предстоял еще нелегкий для меня переезд в Цюрих. Гостиница была очень удобной, комфортабельной, красивой. Каждая комната (номер) была оформлена с использованием различной цветовой гаммы. Хорошее, цветное постельное белье, удобные кровати.

Наша группа немного задержалась на экскурсии, и, когда она вернулась, все стали очень быстро собираться, так как маршрут до Цюриха был расписан по минутам. Я быстро собралась, мы выехали, и через некоторое время я обнаружила, что в номере на подушке я оставила свою замечательную золотую брошь. В первый момент меня охватил ужас, и не в связи с самой потерей, а в связи с тем, что эта брошь была записана в моих выездных документах. Что же я должна делать, как поступить? Сказав о пропаже мужу, я немного успокоилась, так как он знал работника НКВД, который сопровождал нашу группу из Москвы. Успокоил меня и тем, что наш гид очень убедительно до этого случая говорил, что любая

потеря, особенно если это происходит в известном месте, находится. Мы так и поступили, на первой же остановке позвонили в гостиницу (там еще не происходило смены уборщиц), сказали о случившемся и стали ожидать ответа. Однако нам ответили, что никакой вещи в нашем номере не обнаружено. Мне же оставалось только ждать, как данное событие отразится на моей характеристике, а их писали на каждого члена туристической группы после окончания поездки. Так я распрощалась с очень красивой и дорогой для меня вещью, распались и мифы о необыкновенной честности всех граждан Швейцарии. Но главным для меня было то, что приезд на родину не сопровождался повторной проверкой наличия вещей, указанных в документах при выезде из страны.

Этот эпизод я описываю в связи с тем, что данная поездка высветила различие в менталитете людей, живущих в разных странах, и, по-видимому, с этим различием должна считаться власть, осуществляя перестройку государства. К сожалению, психология людей меняется очень медленно, и нужно четко представлять, что следует брать положительного из прошлой жизни, а что не следует.

В целом поездка в Швейцарию была интересной, мы многое увидели, многое познали, многое сравнили. Мне, например, было больно, когда я видела чистоту улиц в городах Швейцарии и вспоминала наши грязные улицы, сломанные скамейки, на спинках которых молодые люди, в том числе и студенты, сидят, а ноги в грязной обуви ставят на сиденье. При этом многие курят, лущат семечки, выплевывая скорлупу прямо под свои ноги. А в последние годы к этой картине прибавилось и то, что почти все из сидящих в сквере пьют пиво прямо из бутылок. Когда я пробовала разговаривать с молодыми людьми на эти темы, они, в лучшем случае, молчали, либо в грубой форме говорили о том, чтобы я не приставала к ним с глупыми разговорами. Мне было обидно вспоминать наши дома, на балконах которых вместо посаженных цветов лежит всякий хлам, как будто балконы специально предназначены для ненужных в хозяйстве вещей. В Швейцарии же каждый балкон был украшен красивыми цветами, и весь дом имел нарядный и привлекательный вид.

В Швейцарии мы обратили внимание на то, что очень много пожилых людей в спортивной одежде путешествуют, не стесняясь своего возраста. Особенно это было заметно в Зермуте, городе, где можно было подняться в горы, что мы и сделали, и насладились видом ярких цветов, только-только появившихся из-под снега. В Зермуте мы прокатились на специально оборудованной для туристов средневековой карете. Да, много впечатлений было связано с этой поездкой.

Мама – Клавдия Семеновна, папа – Михаил Иванович
и маленькая Галя. 1928 г.

«На память папочке».
Гале 12 лет. 14 января 1931 г.

С подругой Женей Майоровой.
Октябрь, 1930 г.

17 лет. Пятигорск, 1936 г.

Все еще впереди...
Пятигорск, 1936 г.

На горе Машук. Пятигорск,
12 апреля 1938 г.

Две абитуриентки, две подруги.
Ленинград, 1939 г.

«Дорогим, милым тете Марусе
и бабуленьке от Гали».
Ленинград, 1939 г.

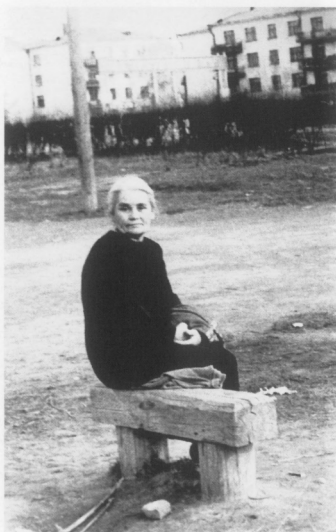
Тетя Галины Михайловны
Капиталина Семеновна Макарова.
1 сентября 1971 г.

Мама – учитель, друг, опора.
Клавдия Семеновна Лисовская

Генерал-майор В. Клементьев.
28 апреля 1966 г.

Мама Клавдия Семеновна.
Свердловск, 1953 г.

Первые годы войны. Г. Лисовская –
военный врач

Майор Н. А. Нерсисян и сотрудники военного госпиталя. Мелитополь,
ноябрь 1943 г. (вторая слева в первом ряду – Г. М. Лисовская)

Г. М. Лисовская (справа) с группой врачей-фронтовиков в день выдачи личного оружия.
1944 г.

Вася Афонин. Начало 40-х гг.

Младший лейтенант
Г. М. Лисовская. Первый орден
Красной Звезды. Крым, Сиваш,
1944 г.

«На память дорогим мамочке и папусе
от дочки». Ноябрь 1944 г.

Хирурги полевого госпиталя (сидят слева направо: Г. М. Лисовская,
Н. А. Нерсисян, Нефедова (операционная сестра); стоят слева направо:
санитар Лазарев, санитарка Власова, санитар Кукушкин, перевязочная
сестра Шептун). Прибалтика, декабрь 1944 г.

Военная кафедра Уральского государственного университета
(слева сидит Г. М. Лисовская). Свердловск, 1945 г.

Преподаватели военной кафедры Уральского государственного
университета
(справа третья – Г. М. Лисовская)

На Кавказе

С мужем в Швейцарии

Политрук В. М. Готлобер

В. М. Готлобер – первый ректор
Свердловского института
народного хозяйства

«Папа и Таня глубоко спят»
(фотография подписана Галиной
Михайловной)

В. М. Готлобер с учениками
(слева – аспирант В. А. Тихонов – будущий академик)

С мамой и старшей дочкой
Виточкой.
Свердловск, 1953 г.

Младшая дочка Танюша.
2 года. 1956 г.

После работы

С дочерью Татьяной. Свердловск, 1963 г.

С профессором Павлом Александровичем Жуковым и его женой Еленой Ивановной на отдыхе. Кисловодск, 1963 г.

Со своей приятельницей Александрой Ивановной Ганштак. 1968 г.

Галина Михайловна с внуком на встрече с
выпускниками Сталинградского медицинского
института. Волгоград, 1982 г.

Г. М. Лисовская в кругу коллег НИИ ОММ. Апрель 1994 г.

Выпускники школы № 1 им. М. Ю. Лермонтова
(Г. М. Лисовская – третья справа в первом ряду).
Пятигорск, 1991 г.

Г. М. Лисовская. Всю жизнь за рулем

Этот светлый период в моей жизни продолжался и после приезда домой.

Мы с мужем много и увлеченно работали. Я заканчивала свою кандидатскую диссертацию, которую успешно защитила при единогласном тайном голосовании. Дома было все благополучно, и я была счастлива. Я видела и чувствовала, что муж рад моему успеху, мне даже казалось, что он гордится мной. В этот период мы уже жили в квартире, занимая две комнаты из четырех, и площадь комнат позволяла устроить ужин по поводу моей защиты, пригласить близких для нас людей.

Мы очень готовились к этому вечеру, нам хотелось для наших гостей приготовить вкусный и необычный стол. И нам это удалось, хотя все было связано с целым рядом приключений. А приключения заключались в следующем: на рынке мы купили трех маленьких молочных поросят и решили подать их к столу зажаренными целиком. В этот период было достаточно холодно, глубокая осень, наших поросят мы устроили около теплой батареи, а чтобы они не вышли из своего уголка, приставили чемоданы и спокойно легли спать. Мы спали на очень низкой раздвижной железной кровати. И вот среди ночи, когда наши поросята отогрелись, они свернули придвинутые чемоданы и, громко хрюкая, стали лезть в нашу кровать. Мы попытались усмирить их и водворить на место. Однако это нам не удалось, поскольку они подняли страшный шум, и мы боялись, что разбудим соседей. Тогда я приняла решение их умертвить способом, использовавшимся на кроликах, с которыми мы экспериментировали на работе. Я обычно без труда вводила кролику в ушную вену воздух, наступала воздушная эмболия, и кролик безболезненно и моментально становился мертвым. И вот, выйдя на кухню, приготовив все для воздушной эмболии, мы с мужем приступили к действиям. Но что при этом произошло, мы даже не могли себе и представить. Наши поросята подняли такой шум и визг, от которого проснулись все соседи; ввести воздух в извивающегося поросенка, которого муж еле удерживал (а их было трое), мне никак не удавалось, и нужно было предпринять что-то другое. Одна из соседок сказала, что она знает, где живет в нашем дворе мужчина, который занимается тем, что готовит к продаже кур, кроликов, разделывает мясо. Мы вынесли на улицу наших поросят, так как их визг не прекращался, и начали искать квартиру указанного мужчины. Этого мужчину мы нашли.

Наши хлопоты с поросятами окупилась тем впечатлением, какое они произвели на наших гостей. Зажарили нам их по договоренности в одной из столовых ресторана. Муж приложил все свои художественные умения и украсил блюдо свеклой, морковью, луком и зеленью. Все получилось

просто отменно. Кроме того, мы с мамой очень постарались, чтобы приготовить вкусные блюда. Однако самым главным, конечно же, на этом вечере было общее настроение и те остроумные и веселые речи, которые произносились.

Муж заранее подготовил юмористический доклад, содержание которого было посвящено теме моей диссертации – разработке методики регистрации биоэлектрической способности матки, которую можно было бы использовать наподобие того, как используется электрокардиография для терапевтических целей. Смысл его юмористического доклада заключался в том, что оппоненты недооценили мою работу, они не отметили того, что диссертация имеет народно-хозяйственное, а не только медицинское значение. Он говорил о том, что, если всех женщин, находящихся в клиниках НИИ ОММ, соединить последовательно проводами, то данный институт процветал бы, так как полностью мог бы перейти на освещение от собственного источника; приводил при этом какие-то математические выкладки и т. д. Все смеялись до слез. От мужа не отставал известный в городе своим остроумием философ, тогда профессор, ставший вскоре академиком, Лев Наумович Коган. Он в стихотворной форме (к сожалению, у меня не сохранились его остроумные и веселые стихи) изложил мысль о том, что, прожив уже немалое количество лет, вплоть до защиты моей диссертации, он не предполагал того, что «женские прелести» электричеством полны. На этом основании он предлагал всем мужчинам рекомендации по обращению с женщинами во избежание тех или иных неприятностей.

Каждый из моих дорогих и уважаемых гостей старался предложить тост в духе того настроения, которое царило тогда в нашей компании. Мои гости были из самых различных областей науки и, к тому же, самого разного возраста; были профессора-медики: мой научный руководитель – Илья Ильич Яковлев с супругой Вандой Эдуардовной; терапевт, профессор Борис Павлович Кушелевский с супругой Анной Иосифовной; всем известный и, кажется, всеми в Свердловске любимый, невропатолог Давид Григорьевич Шеффер с супругой Ириной Ивановной; экономисты: профессор Жуков Павел Александрович со своей замечательной супругой Еленой Ивановной; Ганштак Владимир Иосифович с Александрой Ивановной. Были коллеги с моей работы, врачи, аспиранты и лаборанты. Было очень тесно в наших двух комнатах, но все чувствовали себя комфортно и веселились от души. Этот вечер и наши поросята долго вспоминались нашим друзьям. Я была счастлива. Мне казалось, что так может и должно продолжаться вечно.

Однако, к великому сожалению, жизнь внесла свои коррективы, и после светлых полос с той или иной закономерностью наступают темные полосы. Не знаю, как у других, но в моей жизни это происходило именно так. Сначала мне казалось, что если я одолею докторскую диссертацию, то это станет не только решением профессиональных задач, но и принесет радость мне, маме, близким друзьям, и муж меня еще больше зауважает и будет гордиться моими успехами. Однако достаточно быстро после защиты кандидатской диссертации я заметила, что этого не случилось. Он был очень занят, многие его аспиранты стали защищать диссертационные работы. После каждой защиты организовывались банкеты, и мне не всегда нравилось, как они проходили, потому что слишком много на этих банкетах было возлияний.

В моей жизни уже был период, когда я переживала по этому поводу в компании кадровых военных, фронтовиков. К вопросу алкоголизма я относилась, видимо, не просто с позиции «нравится – не нравится», а с позиции медика. Я слишком хорошо знала, какое пагубное влияние оказывает алкоголь на организм человека. Я слишком хорошо знала, как просто, незаметно и коварно частое употребление алкоголя может перейти в зависимость. Я знала и то, с каким трудом человек избавляется от этой зависимости, и то, что она не только разрушает личность, но и губит семью, калечит детей. Я знала об этих вещах не только из книг, но, когда я стала писать докторскую диссертацию, у меня появилась необходимость серьезно изучить и освоить на практике метод гипноза. Для этого я ездила в Москву к лучшему тогда гипнотизеру, который лечил алкоголизм.

У нас в Свердловске в железнодорожной клинике также лечили алкоголизм методом гипнотерапии. Я постоянно присутствовала на этих сеансах, поэтому знала о многих трагических судьбах пациентов, которые там лечились. Именно поэтому меня так беспокоили вечеринки с большим количеством употребляемого алкоголя. Возможно, аспиранты это мое отношение чувствовали, и я стала замечать, что их не радовало мое присутствие. А однажды, когда мы были с мужем на концерте в Доме офицеров, туда пришла целая «делегация» с банкета, который проходил в СИНХе по поводу защиты диссертации очередного аспиранта мужа. Специального приглашения я не получила, меня просто уговаривали, чтобы я ненадолго осталась на концерте, а через 20–30 минут Валентин Михайлович вернется. Однако для себя я твердо решила, что на концерте одна не останусь, и, если муж уедет на банкет, я поеду с ним. Когда мы приехали, банкет был в полном разгаре. Женщины-аспирантки просто «повисли» на му-

же, выражая к нему горячую любовь. И в этот период одна из аспиранток, подсев ко мне, завела беседу, которая меня немало озадачила. Она просила меня не обижаться на аспирантов, поскольку они, как сказала она, меня очень стесняются. Мне было непонятно, чем я могла их смущать. Я всегда, и тогда, и сейчас, уже в старости, очень люблю молодежь. Я всегда радуюсь успехам молодых людей, мне с ними обычно легко и весело, я перестаю ощущать свой возраст.

Началом одной из тяжелейших для меня темных полос явился совершенно нелепый случай. Моя дочка поступала учиться в университет. И надо же было случиться такому, что, когда она входила в здание, от ветра огромная вывеска с надписью «Привет поступающим» упала ей на голову. В результате этой травмы у моей девочки произошла отслойка сетчатки глаза. Необходима была срочная операция, которую в Свердловске в глазной клинике провести не могли. Мы выехали в одну из московских клиник, где работали знаменитый окулист профессор Краснов и его сын, тоже молодой профессор. В клинике мы с дочкой пробыли около полугода. Я не буду подробно описывать того, что нам с ней пришлось пережить и перестрадать. Скажу лишь о том, что нам приходилось решать, чью сторону мы должны занять в тактике лечения, и давать или не давать согласие на последующие операции.

Не будучи специалистом, естественно, я могла опираться лишь на материнскую интуицию и веру в новую технику, которой владел молодой профессор. Когда решался вопрос о последней операции, он мне сказал, что получил из Германии оптическую аппаратуру, которую готов использовать при операции. И мы с дочкой дали на нее свое согласие вопреки активному сопротивлению врачей клиники. И я благодарю бога, что это случилось именно так.

Однако черная полоса жизни определялась не только этими трагичными событиями. Именно в это время произошло то, чего я никак не могла ожидать и предвидеть.

В один из своих приездов в больницу для того, чтобы навестить дочку, муж мне сказал, что очень устал на работе и хотел бы неделю или полторы отдохнуть. Я, естественно, поддержала его предложение, сказав, чтобы он хорошо отдохнул с тем, чтобы после этого и у меня появилась возможность тоже отдохнуть. Жизнь в чужом городе, фактически все время в больнице, была очень тяжелая, и мне казалось, что мои силы на исходе.

В это время в Москву приехала старшая дочь мужа от первого брака. Мы с ней были дружны, она была очень привязана к моей дочке и приеха-

ла из Ростова-на-Дону, где жила с мамой и отчимом. Она тоже идею отдыха отца поддержала. Через день он нам сказал, что достал путевку на теплоход от Москвы до Астрахани и обратно. Коллеги-врачи в день отъезда мужа настояли на том, чтобы я ушла хоть ненадолго из больницы и взялись подежурить у дочери.

И тут начались «чудеса». Я почувствовала, что муж не хотел, чтобы я его провожала. Он достал 2 билета в театр для меня и его дочери. Когда мы отказались, он сказал, что у него билет без места и ему надо еще хлопотать, чтобы раздобыть место на теплоходе. Свою дочь он попросил, чтобы она поехала к его другу, отвезла какие-то бумаги, видимо, думая, что одна я не поеду.

Он тянул время и, когда оставались считанные минуты, сказал, что пора ехать на речной вокзал. Однако по дороге он попросил водителя остановиться, так как ему надо было заскочить в магазин. На мой вопрос «зачем?» он ответил, что должен купить моей маме плед. Никогда никаких разговоров о пледе в доме не было, и в этот момент стало совершенно ясно, что он просто тянет время по неизвестной мне причине. На речном вокзале муж сказал, что должен еще получить место, и через несколько минут в хорошем настроении сообщил мне, что получил место и назвал номер каюты. И тогда что-то случилось со мной на уровне подсознания. Я заскочила на теплоход впереди мужа (был уже дан гудок, оповещающий конец посадки) и назвала номер каюты, которую указал муж, попросив ключ. Дежурная мне ответила, что жена уже ключ взяла. И в это время из дальней каюты, как мне показалось, вышла аспирантка мужа. Тотчас же прозвучал второй гудок теплохода, оповещающий о конце посадки: всех провожающих активно стали просить сходить, так как трап к теплоходу уже убирали. Я оказалась на берегу, и тут произошло то, чему мне трудно найти объяснение. В моей памяти всплыла информация, которую я как-то слышала на кафедре мужа, о том, что у аспирантки, о которой я подумала, в Москве живет мама, и тогда был назван ее адрес.

Я села в такси и уехала по тому адресу, который мне запомнился. Случилось так, что, подходя к дому, я увидела двух девочек, которые оказались дочками аспирантки. Я задала им два вопроса, знают ли они В. М. и где их мама? На первый они ответили, что знают, а на второй вопрос младшая как-то поджала губки, и вид ее не располагал к разговору. А старшая, наоборот, с большой готовностью и расположением сказала о том, что, конечно же, они хорошо знают В. М., а мама поехала с ним на теплоходе до Астрахани. Мне стало все ясно, я не шла, а бежала до такси

и тут уже не могла сдерживать своих эмоций. Я ревела, как девчонка. Водитель был озадачен моим состоянием и в очень тактичной форме спросил, какая беда, какое горе меня постигли. И когда я ему, на удивление себе, сквозь слезы рассказала о причине моего состояния, он очень удивился: «И Вы из-за этого так убиваетесь! Вы такая интересная женщина плачете из-за нас, мужиков?! Да мы все такие!» А у меня было такое ощущение, как будто в моей спине нож. Как я еще не попросила его этот нож убрать! По-видимому, на фоне переутомления я была близка к помешательству. Хорошо, что я поехала к приятелям, которые вместе с дочкой мужа смогли меня успокоить. Мне нужно было взять себя в руки, чтобы, придя в больницу, не выдать своего состояния.

Так начался отсчет нового периода моей жизни. Простить мужу его предательства я так и не смогла.

Мама, моя милая мама! Сколько моего горя она приняла в свое сердце! Я помню, как она старалась сделать все, чтобы сохранить мою семью. Она мне часто говорила: «Вы оба такие хорошие, умные, разумные, вы должны найти пути, чтобы семью сохранить!» Она, как мне потом стало известно, написала письмо моему мужу, о содержании которого я не знаю до сих пор. Но мне она говорила: «Вы оба должны многое простить друг другу. Ты должна понять и простить слабость Вали. Ему 50 лет, в этом возрасте у мужчин может наступить мужской климакс, ты должна допустить, что он действительно влюбился, а потом ведь неизвестно, как его избранница ведет себя как человек и как женщина. Но ты тоже хороша! Я не могу себе представить, как моя выдержанная, разумная умница могла кинуться на мужа с кулаками».

А такой факт, о котором, стыдясь, я рассказывала маме, когда приехала из Москвы, действительно был. Когда муж приехал из своего турне-отдыха, он, видимо, не был уверен в том, что мне достоверно известно, с кем он ездил отдыхать, иначе я не представляю себе, как бы он с дороги прислал мне открытку, что задержится на 3–5 дней. Когда он приехал, я была у его друзей, которые меня очень поддерживали и помогали. И, действительно, на какое-то время я потеряла разум, набросилась на мужа с кулаками, отрезвило меня лишь то, что он не сопротивлялся.

Когда я с дочкой приехала в Свердловск, был уже приказ о моем назначении заместителем директора НИИ ОММ по научной работе и о сохранении в должности зав. лабораторией клинической физиологии без дополнительной оплаты. Я хорошо понимала, какая большая и ответственная работа мне предстоит. Я понимала и то, что мои коллеги, врачи, науч-

ные работники не должны видеть и знать о моей слабости. А в тот период я была очень слабой. По-видимому, у меня был невроз, который проявлялся в том, что я испытывала страх, когда ходила по улице.

И вновь мама помогла мне справиться с моим недугом. Она каждый день провожала меня до института. Около входа я каким-то внутренним усилием сбрасывала свой груз. Мама мне говорила: «Вот и умница. Выглядишь хорошо. Иди с богом». И я, как мне казалось, бодро удалялась выполнять новую, многотрудную свою работу.

Когда я вспоминаю этот период, мне кажется, что то, что происходило со мной при входе в институт, происходит с актером, который вживается в новую роль. Для меня моя новая должность была тоже как бы новой ролью. И с этой ролью, по-видимому, я справлялась. В институте никаких разговоров на эту тему не было, хотя мне было известно, что в городе о нас говорили – ведь наш дом был открытым для многих, мужа знали почти в каждом вузе как преподавателя и как лектора обкома КПСС.

Время шло. Я постепенно приходила в свое обычное состояние. Старшая дочь училась в университете, затем поступила в аспирантуру, стала работать над диссертацией. А вот с младшей дочкой произошло то, чего я не ожидала. Она хорошо училась, была отличницей. И вдруг как-то приходит и говорит, что учитель просит меня зайти в школу. Когда я пришла, учительница (классный руководитель) в назидательном тоне стала мне говорить, что мы, родители, запустили девочку, что она уже нахватала несколько двоек. Я спросила, что советует педагог, как выйти из этого положения, на что она посоветовала договориться с репетиторами. Я, естественно, согласилась, и она мне назначила день, когда я должна прийти для переговоров. В назначенный день я пришла немного раньше и ждала в коридоре. В это время случайно проходила завуч, которая преподавала и в том классе, где училась Танюша. Меня она знала, так как я регулярно посещала родительские собрания. Она спросила, кого я жду, и я ей поведала причину своего прихода в школу. На это она, как мне показалось, резко прореагировала. Она воскликнула: «Тане репетиторов?», – и сказала: «Идите домой, я сама займусь этим вопросом». Я ушла, а потом с удивлением стала замечать, что моя дочка стала из школы приходить в хорошем настроении, получать хорошие отметки. И только через несколько лет выяснилось, что завуч этой школы знала о наших семейных делах и, по-видимому, правильно определила причину Таниной неуспеваемости. А я-то думала, что Таня ни о чем и не догадывается. Ей было 11 лет, и мы с мужем договорились никаких разговоров

о наших с ним проблемах при детях не вести, чтобы их не травмировать. Какая наивность! И как мы, родители, иногда недооцениваем ранимость детской психики.

Конечно же, справляться с моим состоянием помогали мне и мои верные друзья, и люди, мнение которых я ценила. Пишу это потому, что один эпизод, как мне кажется, в моем «выздоровлении» имел решающее значение. Как-то в медицинском институте проходила конференция, на которой выступал и мой бывший муж с докладом. После заседания группа врачей, среди которых был профессор Борис Павлович Кушелевский, обсуждала какие-то вопросы общего плана, в том числе и впечатление о докладе В. М. Г. Один из молодых докторов, с которым я не была знакома, вдруг говорит: «А вы слышали, что В. М. Г. бросил свою жену?». Как же бурно на эти слова прореагировал Борис Павлович Кушелевский! Он горячо сказал: «Молодой человек, такие вещи обсуждать не только недозволительно, но и неприлично». Говорил еще что-то, но только последняя фраза не просто осталась в моей памяти, а врезалась в нее и имела для меня большое значение. Б. П. Кушелевский сказал: «Галину Михайловну нельзя бросить, ее можно только потерять!». Эта фраза заставила меня посмотреть на себя как бы со стороны. Дело в том, что, несмотря на объективную реальность, я всегда была не уверена в себе, даже в профессиональном плане. Мне всегда казалось, что я что-то не доделываю, казалось, что можно было бы сделать больше и лучше. А мои комплексы, как мне кажется, начались с подросткового возраста. Я помню, как мой папа нередко в шутку, но с любовью говорил: «Вот нашей бы Галочке носик поменьше» или «Как жаль, что у нашей Галочки ножки как рояльные тумбочки». В моем же воображении это откладывалось как то, что у меня имеются очень существенные физические недостатки. И, видимо, поэтому, когда в пожилом возрасте я слышала о том, что была в молодости красивой, искренне удивлялась. И в семейной жизни у меня была второстепенная роль. Мне казалось, что все решает муж, что он глава семьи, у него всегда все хорошо получается, он талантлив. И вот настал период в моей жизни, когда все заботы о семье, о детях и о себе надо было начинать решать самостоятельно.

Время шло. Правду говорят, время лечит. Это я испытала на себе. Много работала, помогала молодым врачам входить в науку. У меня были очень хорошие и преданные делу помощники. Об одной из них мне хочется сказать особо. Это Зинаида Михайловна Пивоварова.

К книге З. М. Пивоваровой «Записки репатриантки из Китая»
(к портрету З. М. Пивоваровой глазами бывшей зав. лабораторией
биофизика НИИ ОММ, профессора Г. М. Лисовской)

1947 год. В один из рабочих дней распаивается в лабораторию дверь и влетает сгусток энергии, каким был Илья Ильич Яковлев, наш дорогой директор института, профессор, заслуженный деятель науки, организатор первой в отечественном акушерстве биофизической лаборатории, и рядом с ним молодая, необычной красоты, стройная, с застенчивым видом, девушка. Эта была Зинаида Михайловна Пивоварова. «С этого дня Зинаида Михайловна, по образованию фельдшер, зачислена к Вам в лабораторию лаборантом, знакомьтесь, любите и жалуйте!» – сказал Илья Ильич и умчался, как метеор.

Первая мысль, которая пришла мне в голову: «Боже, как Зинаида Михайловна наденет на свою совершенно необыкновенную прическу нашу белую, маленькую медицинскую шапочку?». А прическа на голове Зинаиды Михайловны была действительно необыкновенной – это было какое-то произведение искусства. Таких причесок мне еще не приходилось видеть. Она была очень высокой, и каждый волос на этой красивой головке был аккуратно уложен, создавая своеобразный узор. Откровенно говоря, я не совсем представляла себе, как должно было начаться наше знакомство, и мы обе были в какой-то растерянности. Затем я собралась с мыслями, показала наше помещение, кратко рассказала о том, чем мы в лаборатории занимаемся, какие перед нами поставлены задачи, после чего попросила Зинаиду Михайловну рассказать о себе.

И вот с этого момента началось мое удивление, которое длилось десятилетия по мере того, как я все глубже и больше узнавала об этой необыкновенной женщине. Во-первых, удивило то, что Зинаида Михайловна оказалась не юной девушкой, а матерью двоих детей, семейной женщиной, приехавшей с пожилыми родителями, мужем и детьми из Шанхая.

Мне было очень интересно слушать рассказ Зинаиды Михайловны об учебе в медицинском учебном заведении, так как эта учеба отличалась от обучения в нашей стране. Учебное заведение было закрытого типа, и видаться с родственниками учащиеся девушки могли лишь в определенные дни. По рассказам я сделала заключение о том, что Зинаида Михайловна получила в этом училище фундаментальные медицинские знания, а значит, у нее не будет проблем в общении с нашими пациентами, чему я придавала большое значение.

В процессе совместной работы мои предположения превзошли все ожидания. Зинаида Михайловна оказалась тактичной, интеллигентной, сердечной, искренней. И пациентами, и коллегами по работе эти качества были оценены, и она стала общей любимицей коллектива. Мое удивление не проходило и с годами, так как в Зинаиде Михайловне открывались все новые и новые таланты.

Шел 1955 год. Время очень тяжелое для всех, а для людей, приехавших из другой страны, в особенности. Мужу Зинаиды Михайловны, Валентину Семеновичу, было трудно устроиться на работу. Сложности с получением жилья и материальные проблемы заставили Зинаиду Михайловну найти дело, которое как-то помогло ей выйти из материальных затруднений. И этим делом оказалось поднятие петель на капроновых чулках и колготках. В этот период капроновые чулки были дорогими, и такая услуга Зинаиды Михайловны вскоре была оценена, многие женщины были ей благодарны. В один из дней Зинаида Михайловна пришла на работу в красивой вязаной кофточке. Я знала, что для того, чтобы прокормить свою семью, она продавала личные вещи, привезенные из Китая. Я решила, что эта красивая кофта на Зинаиде Михайловне тоже привезена из-за рубежа и она решила оставить ее себе. Каково же было мое удивление, когда я узнала, что такая красота создана самой Зинаидой Михайловной – она сама связала произведение искусства. На этом мое удивление этой женщиной не ограничилось.

Однажды, когда мы сутками дежурили всем коллективом лаборатории и периодически проводили исследования, наша Зиночка в один из промежутков между работой сказала: «Галина Михайловна, вы вот так посидите – я хочу вас нарисовать». Я как-то не придавала этому значения, а через некоторое время Зинаида Михайловна показала мой портрет – и я опять удивилась. У этой необыкновенной женщины, оказывается, был и такой талант. Естественно, я посоветовала Зиночке поступить в художественное училище, так как знала, что наше училище было на очень хорошем счету – там работали хорошие педагоги, но и конкурс был очень большим. И что же, Зинаида Михайловна без труда поступила в училище, но судьба так распорядилась, что учиться в нем она не смогла, так как вечернего отделения в нем не было, а Зинаиде Михайловне надо было зарабатывать деньги.

В следующий раз она удивила меня тем, что поступила в хоровой кружок, который был организован профсоюзом нашего института для сотрудников. Я сначала решила, что Зинаида Михайловна учится петь, так

как у нее было большое стремление всему учиться. А оказалось, что у нашей Зиночки прекрасный от природы голос, а в этом кружке она была ведущей исполнительницей.

И вот так во всем – за что бы ни взялась Зинаида Михайловна, она все делала с душой, отдавая людям свое сердце.

Я счастлива, что на моем жизненном пути встретился такой человек, как Зинаида Михайловна Пивоварова. Сейчас мы обе уже пожилые, однако я и сейчас не перестаю восхищаться этой женщиной, удивляться тому, как она отдает всю себя вере в бога (она стала верующим человеком, чего в молодости я не замечала). Я удивляюсь, с каким мужеством она переносит удары судьбы, связанные с потерей самых близких ей людей, как она может успокоить человека в постигшем его горе.

И мне так хочется пожелать этой необыкновенной, мужественной, сердечной, доброй женщине всего самого хорошего, здоровья, бодрости, оптимизма, благополучия, любви окружающих и всего того, чего она заслуживает.

Время шло. Появились новые друзья. С одним из них, а потом и с его супругой, я подружилась необычным способом, и поэтому об этом напишу.

Я собиралась в командировку в Москву, самолет вылетал в шесть часов утра. Уже вечером я была готова к поездке, собрала нужные вещи, сходила в парикмахерскую, привела себя в порядок. И вдруг – неожиданный звонок знакомого профессора, который сказал о том, что в Свердловск приехали москвичи – работники Госкомтруда СССР, и один из них очень хотел бы со мной встретиться. Они планировали издать какие-то материалы, и им стало известно, что я занимаюсь вопросами физиологических и психологических основ женского труда. Мне вопрос об издании наших материалов был интересен, и я предложила организовать встречу сразу после этого разговора, так как рано утром уезжала. Это предложение было принято, я быстро собрала из того, что у меня было, стол, красиво его накрыла и в достаточно хорошем настроении стала ожидать гостей. Вскоре они пришли. Москвич оказался очень умным, интересным человеком. Беседа касалась материалов, которые должны были быть напечатаны, а затем перешла на общие темы, как говорят, о жизни. Удивительно, но мне казалось, что я уже не проявляю никакого видимого интереса к жизни моего бывшего мужа. Однако каким-то образом до меня доходили слухи о нем. И мне было известно, что накануне москвичи и ряд работников Обкома КПСС и вузов были в Театре музыкальной ко-

медии, который в те времена очень славился. Я задала вопрос, был ли в музкомедии наш гость, понравился ли наш театр и кто из свердловчан сопровождал их. Он стал перечислять и назвал В. М. Г., сказав, что он был с новой женой. Я сделала удивленный вид, спросив при этом, не знаком ли он с его старой женой. При этом разговоре профессор, сопровождавший гостя, стал торопить его уйти, а я, наоборот, попыталась превратить разговор в какую-то игру. Гость сказал о том, что со старой женой он не знаком, но о семейной жизни В. М. он слышал еще в Москве, так как многие говорили, что у В. М. жена была профессором, и добавил, что так часто бывает, когда в молодости мужчины женятся на женщинах, которые старше их, да потом они еще становятся профессорами, а потому «синими чулками», и ничего хорошего из этого не получается. Я поддакивала гостю и видела, как сопровождавший его человек в конце растерялся и не знал, как себя вести при нашем разговоре. Меня же разговор очень занимал еще и потому, что гость нелестно высказался о новой супруге В. М., выразив свое удивление тем, что ожидал увидеть в качестве жены молодую, красивую аспирантку, а вместо этого на него произвели плохое впечатление ее стоптанные туфли. Я же со своей стороны говорила о том, что с женой В. М. я не знакома, но слышала, что она достаточно интересная женщина и, видимо, имеет какие-то преимущества перед старой профессоршей, «синим чулком». И тут я вижу, как сопровождавший гостя профессор не выдержал, встал и сказал, что уже поздно, больше задерживаться он не может и собирается уходить. Я же видела, что моему гостю уходить не хотелось, а мне – тем более, я вошла в какую-то игру. Но обстоятельства сложились так, что мои гости удалились, а я до отлета самолета не могла заснуть, так как была под впечатлением от встречи, думала о том, как будет чувствовать себя московский гость, когда узнает, что были они у «синего чулка» – бывшей супруги В. М. Когда мои гости уходили, мы договорились о том, что по приезде из командировки я займусь материалами для статьи, и в следующий приезд москвича в Свердловск мы с ним встретимся.

Эта встреча состоялась достаточно скоро. Москвич чувствовал себя не совсем удобно, отпускал в мой адрес всевозможные комплименты, в какой-то степени извинялся. Наше деловое сотрудничество оказалось очень плодотворным, я видела, что произвела на него хорошее впечатление. В одну из поездок в Москву он познакомил меня со своей супругой, которая мне тоже очень понравилась, и я дружила с этой семьей многие годы, часто бывала у них в Москве, а они приезжали ко мне в Свердловск.

Были в этот период и другие значимые для меня встречи. Довольно часто стал заезжать ко мне, когда бывал в командировке, министр черной металлургии А. Ф. З., бывший свердловчанин, у которого в Москве умерла жена, сын жил в Свердловске, а дочь с семьей – в Ленинграде. Наши отношения активно развивались, А. Ф. З. мне очень нравился. Знакома я с ним была многие годы. Он был настоящий работяга, Герой Социалистического Труда, уважаемый человек, добрый и внимательный. Он мне сделал предложение и стал хлопотать о моем переезде в Москву. Как-то даже, будучи в командировке, сообщил о том, что уже договорился о гараже для моей машины в доме, в котором он жил.

Однако, видимо, не Судьба. Первый раз, когда я очень серьезно задумалась об изменении своей категории «матери-одиночки», А. Ф. заехал ко мне из Нижнего Тагила. Когда мы сидели за столом, я обратила внимание на то, что он плохо выглядел, у него тряслись руки, и ему было трудно с собой совладать. Меня это очень беспокоило, поскольку до меня доходили слухи, что он любитель выпить. Как-то при разговоре на эту тему он сказал, что выпивает самую малость: одну рюмку хорошего коньяка, которой, по его словам, хватает на половину рабочего дня, и одну рюмку во время обеда на работе. Меня обеспокоило такое постоянство в употреблении алкоголя, но главное, на что я как медик обратила внимание, – своеобразная хрипота в голосе А. Ф., характерная для любителей выпить. Еще я знала его сына – красивого, доброго, умного, замечательного парня. Он имел очень хорошую семью, но она распалась из-за его пристрастия к выпивке. Он умер молодым, в полном расцвете сил.

А. Ф. знал мою озабоченность по данному поводу, и как-то, будучи в командировке на Севере (ему часто приходилось разъезжать по стране), написал мне очень большое и обстоятельное письмо. Он писал, что я права в своей озабоченности и, действительно, сейчас стал плохо себя чувствовать, и дает мне слово серьезно заняться своим здоровьем, оставив свою привычку принятия допинга, как он называл алкоголь, и что у нас с ним должна начаться хорошая и счастливая жизнь.

К сожалению, этого не случилось. Я написала ему ответное письмо на адрес пункта командировки, в которой он предполагал еще быть определенное время. А через некоторое время я узнала, что моего письма он не получил, по-видимому, срочно выехав в Москву, где сразу же попал в клинику. В скором времени я получила печальную для меня весть – А. Ф. З. умер от ракового заболевания горла. Вот так распорядилась Судьба. Я осталась жить в Свердловске.

Когда я пытаюсь сопоставить свою фронтовую жизнь с жизнью послевоенной, то мне кажется, что в нравственном отношении жизнь на фронте была более чистой: уж если дружба, то дружба на всю жизнь, если настоящая любовь, то и она на всю жизнь. Мне известны многие супружеские пары, которые всю войну прошли вместе и остались до конца жизни верны друг другу. По-видимому, сама экстремальная обстановка войны сплачивала людей и каждый понимал, что в любую минуту дарованная человеку жизнь может оборваться. Фронтовики, как мне кажется, вернулись к обыденной жизни в чем-то очищенные, познавшие цену жизни. И, может быть, именно потому, что в чем-то они были более наивные по сравнению с теми, кто не испытал того страха за себя и за своих товарищей, какой пришлось им испытать, все негативные явления послевоенной жизни так остро ощущались фронтовиками.

Мне также пришлось в послевоенные годы встретиться не только с прекрасными людьми и созидательным трудом, но и с негативными явлениями, которые я очень остро переживала.

Когда я вышла замуж и ушла из маленькой комнатухи, которую выдали маме как эвакуированной из Сталинграда, мы переехали в одну из комнат трехкомнатной квартиры на ул. Кузнечной в доме штаба УралВО, где служил сразу после войны муж. В другой комнате жила женщина-врач, работавшая в райздравотделе, с дочкой – студенткой госуниверситета, а в третьей – семья: капитан, участник войны, с женой и маленьким ребенком.

Какое же это было прекрасное время, как мы все ждали вечера, чтобы вместе посидеть на кухне, пообщаться, поговорить по душам, заинтересованно, неформально. Мне казалось, что так будет всегда и везде в послевоенные годы. Первым моим огорчением стало то, что во время обеда в столовой УралВО у меня украли новую замечательную шинель. Я не могла даже допустить того, что в здание УралВО может проникнуть вор, у меня даже мысли о возможном воровстве не возникало.

А вот другое потрясение. После демобилизации мужа нам выдали путевки в Трускавец. В этот период я уже ждала ребенка. Тогда свободно купить необходимые вещи для новорожденного можно было только по особым талонам. Нам с мужем выдали определенную сумму, деньги и талоны на приобретение вещей для ребенка, которые посоветовали купить во Львове.

И, действительно, Львов, где мы специально остановились, чтобы приобрести вещи уже для мирной, послевоенной жизни, на нас произвел

особое впечатление. Мне казалось, что таких базаров и такого разнообразия товаров я еще никогда и нигде не встречала.

Помню, что кроме денег, выделенных на ребенка, мы истратили почти все, оставив лишь на обратный путь, но купили очень красивые вещи, мечтая о мирной жизни. Мне купили замечательные туфли на белом каучуке, красивый французский шелк на платье, купили вещи для мужа, чтобы он мог сменить военную форму.

В Трускавце мы жили 3 недели, принимали некоторые лечебные процедуры. Однако жизнь в тот период в Трускавце была беспокойной – бесчинствовали бандеровцы. В Трускавце мужа попросили прочесть лекции о международном положении, и ему пришлось несколько раз выезжать в район. Вот уж когда я перенервничала, так как в районе он задерживался, а до меня доходили слухи о бандитах. Но все обошлось, и мы отправились в обратный путь.

В Москве у нас должна была быть пересадка, и мы решили остановиться на один-два дня. Мужу хотелось, чтобы я познакомилась с его родными: в Москве жили тетка мужа и его двоюродная сестра.

Приехав из Львова в Москву, муж договорился с грузовой машиной, оборудованной для перевозки людей, чтобы нас довезли до нужного адреса. Меня усадили рядом с шофером, а в кузове ехала еще одна семья в том же направлении. Муж вещи поставил под полки, я просила его следить за вещами, и мы двинулись в путь. Муж часто наклонялся ко мне и спрашивал, как я себя чувствую, так как по моим подсчетам мне оставалась одна неделя до родов. По дороге мы один раз останавливались, так как попутчики, сообщили, что они доехали до дома. Добравшись, наконец-то, до нужного нам места, я вышла и вижу, что муж стоит в машине и не проявляет никаких признаков того, что мы уже подъехали по указанному адресу. Я не могла ничего понять, а он начал меня уговаривать, чтобы я не волновалась, что все уладится, все выяснится, и он должен сейчас с той же машиной вернуться к дому, у которого была сделана остановка. Оказалось, что когда подъехали к дому родственников, муж наших вещей в машине не обнаружил. Мы остались абсолютно безо всего: без денег, без вещей и без так называемого приданого для новорожденного. Дом, к которому вернулся муж, оказался с проходным двором, заявление в милицию у нас не приняли, и нам оставалось лишь каким-то образом добираться до Свердловска.

Ночь мы не спали, у меня начались боли, и утром я пошла на прием к врачу, который сказал о том, что мне двигаться поездом нельзя, так как

не позднее ночи начнутся роды. Прошла ночь, и я опять обратилась к этому же врачу, который снова уверенно сказал о том, что уж в эту ночь роды обязательно начнутся. Однако ни в эту ночь, ни в последующую роды не начались, и я вынуждена была обратиться к другому врачу. Зашла я к нему вся в слезах, чем немало, по-видимому, его озадачила. Он меня спросил, одна ли я к нему пришла и что со мной случилось. Когда я ему рассказала всю свою эпопею, он уверенно и довольно резко сказал о том, чтобы сегодня же меня в Москве не было. На крайний случай, по его мнению, я должна была приобрести расписание поездов от Москвы до Свердловска с тем, чтобы знать, какая станция за какой следует, на тот случай, если у меня роды начнутся в пути. Мы ехали с мужем в напряжении и ожидании. Деньги на дорогу муж занял у знакомых в Москве, их у него было много, так как он закончил Московский экономический институт им. Г. В. Плеханова. Доехали мы благополучно, роды начались точно в тот день, который я считала по известной всем акушерам методике.

Наш народ мудрый, и недаром говорит: жизнь полосатая. И действительно, благополучные периоды жизни сменяются темными полосами, как будто бы в эти периоды жизнь испытывает силу духа, выдержку, силу воли и многие другие качества человека. Вот и в моей жизни были такие полосы.

Когда у меня родилась моя первая дочка, это был второй послевоенный год. Организм у фронтовиков был в какой-то степени ослаблен от тех перегрузок, которые пришлось испытать. Все это сказалось, и дочка родилась слабенькой. Естественно, я обратилась к специалистам-педиатрам. Для меня в этот период самым главным в жизни было здоровье моего ребенка. Я тогда даже не очень огорчилась от того, что моя мама лишилась той маленькой комнатки в старом-престаром доме, которую ей выдали как эвакуированной. В связи с необходимостью внимания, которое требовалось моей дочке, мама часто оставалась у нас ночевать. Соседи по маминой комнате стали писать в жилищный отдел заявления, что фактически мама в комнате не живет, в ней не нуждается, и в один из приходов домой мама обнаружила опечатанную комнату. Попасть туда она уже не смогла.

Состояние здоровья моей дочки все ухудшалось, и я вынуждена была обратиться к врачу-педиатру по месту жительства. Впечатление, которое эта врач произвела на меня, осталось на всю мою последующую жизнь. Ее слова, ее голос, ее интонации, кажется, я слышу и сегодня, когда пишу эти воспоминания. Она буквально сказала: «Мамаша! Вы еще мо-

лоды, у Вас еще будут дети, а с этим Вашим ребенком поделаться уже ничего нельзя».

Вот такой приговор услышала я, прибывшая с фронта, из действующей армии, где мы, врачи, спасали и безнадежных раненых. В случаях неотложной помощи мы оперировали при коптилках, в лучших – при керосиновых лампах. Тогда каждый из нас не раз ложился на стол рядом с операционным столом для необходимого прямого переливания крови раненому. И мы спасали многих. А тут я встретила с врачом в светлой теплой комнате, где она произнесла, как я посчитала, бездушно-смертельный приговор моему ребенку. Что творилось при этом в моей душе, описать невозможно. Это были и злость, и презрение, и ненависть, и обида, и страх, и многое другое. Мне пришлось собрать всю свою волю, чтобы не произнести при этом ни слова и не высказать этой женщине все, что было у меня в душе. Этому врачу судьей может быть лишь Бог. Не сказав ни слова и не проронив при ней ни одной слезы, я вышла из этого заведения, чтобы никогда больше не обращаться к этому доктору.

Меня ждала мама. Она сразу увидела, что произошло что-то страшное, начала успокаивать и сказала: «Галочка, ты ведь сама врач, ты должна сама разобраться в состоянии девочки, только не опускай руки, не теряй головы. Мы должны ее спасти». Я кинулась к книгам, я искала в книгах те признаки, которые наблюдались у девочки, и возможные методы лечения. Я нашла эти признаки, они свидетельствовали о том, что у дочки сепсис, который требует при определенных показателях срочной операции.

Конечно же, это был риск, но мое состояние было таково, что я пошла на этот риск. Думается, если бы это случилось не тогда, а сейчас, я, вероятнее всего, не рискнула бы оперировать своего ребенка.

Мама, моя дорогая мама, сколько же моих невзгод и тяжестей пришлось тебе пережить в жизни!

Мама согласилась мне ассистировать. И вот мы, когда мужа не было дома, закупили (благо это можно было тогда сделать) необходимые инструменты, через штаб УралВО я умолила достать мне чистый спирт, у соседей я взяла рефлекторы, так как в тот период в квартире было очень холодно, запаслись стерильным материалом и... операция прошла успешно. Обезболивание было надежным. Я сама удивлялась тому, что во время операции у меня не тряслись руки, а все движения рук были уверенными. Правда, после операции маме пришлось повозиться не только с дочкой, но и со мной, успокаивая меня, так как от нервного напряжения отойти сразу я не могла.

Наградой за наши страдания было то, что дочка стала быстроправляться. А самой большой наградой за пережитое было то, что моя девочка выросла, стала прекрасным профессионалом, педагогом, кандидатом экономических наук, вырастила сына, моего старшего внука Станислава, который уже окончил Уральский экономический университет. У него родился сын, мой правнук Артем, которому я желаю, чтобы он был здоров и прожил достойную и долгую жизнь.

Записки Галины Михайловны о войне невозможно читать без волнения. Действительно, Судьба хранила ее и ее семью от гибели (вспомним хотя бы случай с бомбоубежищем, в котором все погибли от взрыва трехтонной бомбы и в которое просто не успели вбежать Клавдия Семеновна и Галя, оставшись пережидать налет немецкой авиации в горящем доме). Не менее удивительной оказалась и встреча всей семьи в Свердловске, куда почти одновременно были эвакуированы с предприятиями Михаил Иванович и Клавдия Семеновна, и куда привезли из пылающего, разрушенного Сталинграда Галю Лисовскую.

Вспомним осаждаемый фашистами Ленинград, откуда Галя – чудом – успевает уехать по эвакуационному распределению в медицинский институт Сталинграда. Кстати, Галина Михайловна до сих пор хранит записку от Бори Брунова, написанную второпях карандашом на двух листках из блокнота. Слова в ней читаются с трудом, но все-таки, с позволения Галины Михайловны, попытаемся привести текст этой записки – еще одного документа из жизни и войны, жизни и любви:

«Галочка! Извини, что пишу на таком клочке. Понимаешь, выбрал время написать, а бумаги нет. Ну, выдрал из блокнота. Извини также за эту японскую каллиграфию.

Ну, живу нормально. Воею, так сказать. Об этом писать много нечего. Но будь уверена: немцев бьем. Первые впечатления о войне? Чувствуешь, что здесь теряешь свою, так сказать, невинность – познаешь все строгости жизни, все ее худшие стороны. Ну что ж, нас к этому вынудили. Им-то даже хуже, а по рассказам пленных, с которыми я разговаривал (на немецком языке!!! – чувствуешь?), совсем плохо.

Галочка, хотел кое-что написать тебе о своем к тебе отношении. Ты, наверное, чувствовала, что не совсем-то равнодушно я был настроен, хотя и говорил о моих взглядах противоположное (не к тебе, а вообще). Ну а почему не продолжал? Так как Вася (Вася Афонин, см. выше эпизод, связанный с эвакуацией из Ленинграда, – Ю. К.) гораздо раньше и больше это почувство-

вал. А товарищ – это многое... Я думаю, ты меня понимаешь. Да сейчас как-то и не время писать об этом. Верно? Ну, Галочка, всего хорошего. Жду. Жму руку (на большее не имею права).

Борис.

Мой адрес: полевая почтовая станция 726, 3 отдел штаба дивизии, в/т 1 р. Брунову.

Может быть, ты не знаешь адрес Васяки: г. Красноярск, до востребования, Афонину.

Он послан туда в училище преподавать.

Ну, еще раз – пока.

Пиши. Жду.

22.8.41

Еще раз извини за мою каллиграфию».

Война развела ленинградских друзей по разным сторонам. Галина Михайловна после Победы искала их, узнала, что Василий Афонин преподавал всю войну в военных училищах и умер в Киеве в 1947 г., а Борис Брунов, провоевав все четыре года, также скончался вскоре после окончания самой страшной и жестокой войны в истории человечества.

И еще один уникальный документ хранится в архиве Г. М. Лисовской – это посвященное ей стихотворение «Девушка в шинели», написанное во время Великой Отечественной войны будущим профессором экономики В. Олигиным-Нестеровым и опубликованное в газете «Красный боец» 14 января 1945 г.:

*Розовеет в багрянце восхода
Цепь Карпат, затерявшись вдали.
На лицо от ночных переходов
Синеватые тени легли.
Может, девичий скрала румянец
Эта синь, да от гари темней
Стали волосы, матовой глянец
Серых глаз – не горюй, не жалей!
Видишь – мертвые груды металла,
Вражьи трупы легли без числа?
То победа с тобой прошагала
По дорогам без отдыха, сна.
Заглубели, обветрели руки
(Мало ль было в пути непогод!),
Но по-прежнему ласковы, чутки,
И по-прежнему быстр хоровод
Их движений средь грохота боя
Над израненным телом бойца.
Ты, его прикрывая собою*

*От ревущего смерча свинца,
Научилась не думать о смерти,
Научилась ее презирать.
Нашей девушки ль мужество смерти,
Красоту ли души передать?!
Ты сестрой в полевом лазарете
По движенью запекшихся губ
Угадать все умеешь на свете
(А порою их шепот так скуп).
Возвращенье сознания встречая
Из палящих, бредовых пространств
Взглядом ласковым, ложечкой чая,
Ты целительней моря лекарств!
...Надо было б в Крыму
Иль другом благодатном краю
(Чтобы море и небо, слепя, синели!)
Монумент возвести
Девушке в скромной шинели...*

Я уверен, что воспоминания о войне Г. М. Лисовской имеют огромную самостоятельную ценность как удивительно искренний и яркий рассказ не только о себе, но также о жизни и судьбе всей нашей страны. Об этом как нельзя лучше свидетельствует начало «Письма ветерану войны», опубликованного в газете «Экономист» Уральского государственного экономического университета (№ 1 (853), февраль 2000 г.): «Преклоняюсь перед Вами...».

Не так давно директор музея Т. В. Бланк дала студентам почитать воспоминания военных лет Г. М. Лисовской. И вот какой отклик ее воспоминания вызвали у студентки Алии Султановой.

Уважаемая Галина Михайловна!

С разрешения Т. В. Бланк (за что я признательна ей) познакомилась с Вашей рукописью. К таким людям, как Вы, я отношусь с огромным уважением и даже трепетом. У Вас такая судьба, что нельзя не преклоняться. До сих пор ругаю себя, я не сделала так, чтобы мой дедушка Султанов Мугатар Валиахметович оставил для своих внуков и правнуков военные воспоминания. Я не сомневаюсь, что его мужеству, так же, как и Вашему, не было предела. До войны мой дедушка был сельским учителем, а войну прошел до Кенигсберга. Его награды – 15 орденов и медалей.

Вам, тогда молодым, жизнь приготовила суровые испытания. Но вера в правое дело, сила воли помогли пройти через все с честью. Спасибо Вам за все!

Наше поколение молодых тоже переживает тяжелые времена. Чечня калечит судьбы, отнимает жизнь у совсем юных. Я думаю, что Вы хорошо понимаете молодых. Война в Чечне по своему характеру – другая... За наших ребят, воюющих в Чечне, я очень переживаю. Когда кончится эта трагедия?..

Здоровья Вам и Вашим близким!

С уважением, А. Султанова, гр. ФУП 96–4

А весна 2000-го г. в разгаре: через две недели 55-я годовщина Великой Победы. Мы сидим с Галиной Михайловной на кафедре, рассматривая ее награды, и мне приходят на ум дерущие морозом по коже стихи Давида Самойлова:

*Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые,
Где извещения похоронные
И перестуки эшелонные.
Гудят накатанные рельсы.
Просторно. Холодно. Высоко.
И погорельцы, погорельцы
Кочуют с запада к востоку.
А это я на полустанке
В своей замурзанной ушанке,
Где звездочка не уставная,
А вырезанная из банки.
А, это я на белом свете,
Худой, веселый и задорный.
И у меня табак в кисете,
И у меня мундштук наборный.
И я с девчонкой балагурю,
И больше нужного хромаю,
И пайку надвое ломаю,
И все на свете понимаю.
Как это было! Как совпало –
Война, беда, мечта и юность!
И это все в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!...
Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!*

Я раскрываю наградные документы и осознаю, теперь уже в полной мере: совпали война и юность, беда и мечта, горе и любовь, а счастье все же победило!

Галина Михайловна – человек умный и ироничный: она со сдержанной гордостью говорит об ордене Красной Звезды, о медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», об ордене Отечественной Войны II степени и вдруг смеется, указывая на добрый десяток юбилейных медалей: «А эти дали за дожитие!». Сколько в этих словах юмора по отношению к своему возрасту, сколько жизненной и эмоциональной силы в доброй и вместе с тем озорной улыбке! И я начинаю сомневаться: действительно ли этой женщине недавно исполнилось 80 лет? Я давно заметил, что ирония, а особенно самоирония – признак природного, недюжинного ума. Я смотрю в смеющиеся глаза Галины Михайловны и вижу в ней красивую двадцативосьмилетнюю женщину, сменившую военную форму капитана медицинской службы на белый халат ученого и врача.

«Источник света и добра...»

Работа после демобилизации из армии

После демобилизации из армии у меня был непростой период в жизни. Я ждала ребенка. Мне надо было определиться с выбором профессионального направления, так как я очень боялась потерять приобретенный во время войны опыт хирурга. Я договорилась с профессором Богдановым, директором Института травматологии и ортопедии, и получила от него разрешение посещать клинику и участвовать в его клинических обходах, которые он регулярно проводил. Надо сказать, что сам профессор, его коллеги, да и сама клиника на меня произвели большое впечатление.

Профессор Богданов был высоким, красивым, всегда добротен и элегантно одетым мужчиной и, как мне показалось, походил не на доктора, а на голливудскую звезду. Женой его была Кисилевская, ведущая артистка оперного театра. Коллеги-врачи были молодыми женщинами, всегда одетыми в красивые медицинские халаты, и меня особенно удивило то, как они готовились к выходу на обход: в ординаторской они поправляли свои прически, прихорашивались, на лицо наносили макияж, все были на высоких каблуках. Мне показалось, что они боготворили своего профессора. Меня профессор принял приветливо и, к моему удивлению, после обхода пригласил в свой кабинет, угостил кофе, расспросил о моей службе в армии. Я присутствовала и на нескольких сложных операциях, которые он проводил. Оперировал он очень красиво, я бы сказала – эффектно.

Однако после каждого последующего посещения операций я все больше и больше приходила к заключению, что мне с профессией травматолога не справиться. Травматолог, кроме знаний и умений, как я убедилась, должен иметь еще и физическую силу, которой у меня, как я считала, не хватит для такой профессии. И я стала все больше и больше склоняться к тому, чтобы заняться физиологией.

Физиологией я увлекалась еще в студенческие годы. В Ленинградском педиатрическом медицинском институте, где я училась, нормальную физиологию преподавал замечательный профессор Гинецинский, учебник которого ценится и в настоящее время. Это был небольшого роста человек, с очень тихим голосом. Именно поэтому студенты, интересовавшиеся физиологией, боролись за места на первых трех рядах в большой аудитории, где проходил его лекционный курс. В последующих рядах студенты

занимались своими делами. В тот период было поголовное увлечение вышивкой и вязанием. Девочки, если не попадали на первые ряды в аудитории, вышивали ришелье и крестиком, либо читали книги.

Профессор Гинецинский очень интересно организовывал свои лекции. Во-первых, на лекцию очень торжественно приходила вся его кафедра, и преподаватели рассаживались вокруг него. Почти каждая лекция сопровождалась экспериментом на собаке или кролике. Каждый эксперимент демонстрировал теоретические положения о деятельности того или иного органа и всего организма. Эта идея целостности организма и его связи с окружающей средой очень четко прослеживалась в каждой лекции профессора, и которую я старалась использовать в последующей своей работе при решении всех научных проблем, которые разрабатывала.

Когда мне стало ясно, что травматология не для меня, я обратилась к ректору медицинского института для выяснения вопроса о возможности работы на кафедре физиологии. Ректор сказал о том, что перспектив работы на кафедре нормальной физиологии нет, а вот на кафедре патологической физиологии в ближайшем будущем предполагается вакантное место, на которое он мог бы меня пригласить. Я согласилась ждать, однако при нашем разговоре присутствовал профессор Илья Ильич Яковлев, заведующий кафедрой акушерства и гинекологии медицинского института и одновременно директор НИИ охраны материнства и младенчества.

И. И. включился в разговор и сказал ректору о том, что ему сейчас нужен молодой человек для организации новой лаборатории и для разработки нового научного направления, связанного с биофизикой гладкой мускулатуры. Он так увлекательно стал рассказывать об этом направлении, о связи теории с решением клинических задач, что я просто зажглась этой идеей. И, несмотря на то, что в этот период у И. И. не было ни ставки, ни помещения, я дала согласие на сотрудничество и, конечно же, потом не пожалела, а благодарила Судьбу за то, что она свела меня с Ильей Ильичем Яковлевым, крупным ученым и прекрасным человеком, память о котором я храню всю свою жизнь.

Первое время я работала без оплаты. Вскоре Илье Ильичу выделили небольшое помещение в одной из больниц города. Он привлек мне в помощь одного из способных студентов Володю Низовцева, который впоследствии тоже стал профессором в области физиологии. А через некоторое время было выделено специальное помещение для биофизической лаборатории в НИИ ОММ. Мы читали специальную литературу, занимались организационными вопросами, так как для проведения эксперимен-

тальных исследований была необходима экранизация помещения. Затем с приходом в лабораторию моих дорогих помощников – инженера Георгия Александровича Шминке и лаборанта Зинаиды Михайловны Пивоваровой – лаборатория определилась в научном отношении и заметно отличалась от других лабораторий института своей научной направленностью.

В основе методологии научных исследований, которые проводила я и все мои последователи, были использованы элементы доказательной медицины: экспериментальная часть, патоморфологические исследования миометрии и плаценты, данные клинических и электрофизиологических исследований биоэлектрической активности матки (БАМ) и функционального состояния плода. Для обработки полученных данных применялись методы математической статистики и, прежде всего, корреляционный анализ. Однако все диссертационные работы, которые выполнялись под моим руководством, имели клиническую направленность. Я очень старалась сохранить научную направленность ранних работ профессора И. И. Яковлева, так как она мне казалась перспективной и касалась биомеханики родовой деятельности, а также разработки показателей нормы и ее патологии. Одним из важных показателей особенностей родовой деятельности явилась регистрация биоэлектрической активности матки. В разработке и внедрении новых методов исследования в клинике неоценимую помощь мне оказывали, в первую очередь, инженер Георгий Александрович Шминке и Зинаида Михайловна Пивоварова.

Все физиологи города знали Георгия Александровича как талантливого экспериментатора, он своими руками создавал новые регистрирующие устройства и модернизировал имеющиеся. Я многим обязана именно таланту Георгия Александровича Шминке. Как мы были рады, когда удалось с помощью имеющегося в нашем распоряжении французского электроэнцефалографа, кстати, единственного в те годы в нашем городе, зарегистрировать сердцебиение внутриутробного плода. А какую же радость нам доставила возможность наблюдать сердцебиение плода в удаленной из организма по клиническим показаниям матке. Я приложила усилия, чтобы в состав биофизической лаборатории вошел институтский виварий, на базе которого стали проводиться экспериментальные исследования, имеющие теоретическое и клиническое значение.

Я привожу неполный список диссертантов и тем их диссертаций, защищенных под моим руководством, чтобы составить представление о направленности работ того периода в области акушерства и педиатрии:

Р. С. Капралова «Значение некоторых лабораторных методов исследования в диагностике многоплодной беременности» (1966 г.); *А. П. Червякова* «О функциональном состоянии матки женщин, страдающих миомой» (1968 г.); *В. В. Вершинина* «О течении и ведении запоздалых родов в свете данных о функциональном состоянии матки при перенесенной беременности» (1968 г.); *И. Г. Кафтрева* «Клиническое значение электрокардиографических исследований и данных о кровяном давлении у недоношенных новорожденных» (1968 г.); *Т. Я. Либерман* «Предвестниковые схватки и особенности течения родов при них» (1969 г.); *В. Н. Кузнецов* «Значение реогистерографии в оценке сократительной деятельности матки» (1969 г.); *А. М. Батраков* «К вопросу о функциональном состоянии матки в конце беременности при тазовом предлежании плода» (1970 г.); *Л. В. Елагина* «Значение некоторых сосудистых реакций плода в оценке его состояния при перенесенной беременности» (1970 г.) и др.

Я получила большое удовлетворение от того, что и после моего вынужденного ухода из института активность научной работы не снизилась. В институте остались энтузиасты, которые продолжили работу, приносящую не только практическую пользу, но и творческую радость.

В первую очередь, я хотела бы назвать имена замечательных медиков, преданных своему делу, которые после защиты диссертационных работ стали руководить научными исследованиями более молодых врачей. Это акушер-гинеколог Агния Павловна Червякова, педиатр Галия Калимовна Гафарова, физиолог Галина Михайловна Пронина, которая после моего ухода возглавила биофизическую лабораторию, и др.

Агния Павловна не только руководила диссертационными работами сотрудников, но и сама активно продолжала вести научные исследования, в результате чего защитила докторскую диссертацию. Кроме того, в течение ряда лет она была заместителем директора по научной работе.

Я рада, что Агния Павловна Червякова возглавила и продолжила работу по новому научному направлению, предложенному мной еще в 1965 г. Это направление касалось изучения влияния внешних факторов на организм женщины, которые могут оказать неблагоприятное влияние на мать, плод и новорожденного ребенка. Я всегда помнила высказывание крупнейшего русского физиолога И. М. Сеченова о том, что организм человека нельзя рассматривать вне связи с окружающей его средой. Лаборатория, которая была создана в 1965 г. в НИИ ОММ под названием «Физиология и патология организма работников промышленных предприятий», была в тот период первой в нашей стране.

Заслугой Агнии Павловны Червяковой является то, что она сумела организовать комплексные исследования и привлечь для решения задачи выяснения влияния условий производства на организм женщин специалистов смежных областей медицины – педиатров, гигиенистов, физиологов, токсикологов, профпатологов, экономистов и др.

Директор института, убедившись в актуальности данной проблемы, также подключилась к ее разработке. В период 1965–1969 гг., когда я еще работала, научная деятельность этой лаборатории велась в двух направлениях: «Изучение влияния химического производства на специфические функции женского организма» и «Вопросы организации труда медицинских работников».

В дальнейшем я с радостью наблюдала, как расширяется научная тематика по данной проблеме и увеличивается общероссийская роль института в ее разработке.

По этой проблеме стали защищаться диссертационные работы. Институт возглавил координацию научных исследований в Российской Федерации. Особое значение я придавала тому, что ученым института ОММ удавалось внедрять результаты научных исследований в практику. Результаты научных исследований и рекомендации через главное управление научно-исследовательских институтов о координации научных исследований использовались в соответствующих приказах. Так, например, было внесено дополнение в приказ № 400 МЗ СССР от 30.05.69 г. о проведении медосмотров при поступлении на работу и периодических медицинских предварительных осмотров трудящихся в плане расширения противопоказаний к трудовой деятельности по линии гинекологических заболеваний.

Штат лаборатории увеличивался. Сотрудники лаборатории в дальнейшие годы вели интенсивную работу по координации научных исследований, так как данная научная тематика стала в последующие годы разрабатываться восемью научно-исследовательскими институтами Российской Федерации и шестнадцатью медицинскими институтами. Кроме этого, одиннадцать научных коллективов являлись соискателями тем по данной проблеме.

Я пишу об этом потому, что горжусь своими учениками, стоявшими у истоков рождения лаборатории. Это, в первую очередь, доктор медицинских наук Агния Павловна Червякова и кандидат медицинских наук Татьяна Борисовна Давыдова. Директор НИИ ОММ данной проблеме придавала перинатальную направленность, и охрана недоношенного ребенка осуществлялась уже с более совершенных акушерских позиций. Наряду

с другими проблемами это научное направление разрабатывается в институте и до настоящего времени, когда уже сменилось не только его руководство, но и врачи и научные сотрудники.

Я хотела бы написать и о том, что всегда для меня очень важной являлась проблема подготовки и повышения квалификации кадров. Возможно, именно поэтому интерес к педагогике у меня проявился еще в 50-е гг., в период работы в НИИ ОММ. Меня все время тянуло к комплексному решению проблем здорового и больного человека. Мне всегда казалось недостаточным решать чисто физиологические проблемы, так как их невозможно рассматривать изолированно от биохимических, чисто медицинских, да и организационных вопросов. Поэтому я старалась наладить деловые отношения с кафедрами медицинского института, несмотря на то, что в те времена руководство научно-исследовательских институтов к этому вопросу относилось, в лучшем случае, прохладно, а то и резко отрицательно.

Тем не менее, мне удалось наладить хорошие отношения с доктором биологических наук, профессором Генкиным, зав. кафедрой биохимии, и доктором биологических наук, профессором Верещагиным, зав. кафедрой нормальной физиологии. У нас появилась идея создать учебный курс для студентов медицинского вуза, включающий комплексное рассмотрение вопроса о сократительной деятельности матки, являющейся гладкомышечным органом.

Я помню, с каким энтузиазмом мы готовились к проведению в мединституте комплексной лекции. Она нам удалась. Практически в 50-е гг. мы провели педагогический эксперимент по «погружению» в проблему. В течение одного рабочего дня мы освещали все стороны сократительной деятельности матки; я излагала клинические вопросы ее слабости, профессор Верещагин говорил о том, какие при этом можно наблюдать физиологические показатели, а профессор Генкин рассказывал о тех биохимических и биофизических процессах, которые сопровождают эту, часто встречающуюся и опасную для матери и ребенка, патологию. Студентам такая форма занятия очень понравилась, они задавали много вопросов, а мы как педагоги получили от этого занятия большое удовольствие.

К сожалению, организационные трудности, которые мы не смогли преодолеть, не дали возможности продолжить это начинание. Однако сама идея о межпредметных связях, о комплексных лекциях оставила след в моей памяти.

Именно эти мои представления о необходимости комплексности исследований, связанных с человеком, и побудили меня к тому, чтобы, буду-

чи заместителем директора по научной работе в НИИ ОММ, я смогла осуществить идею открытия новой лаборатории, которая имела первоначальное название «Физиология и патология организма работников промышленных предприятий».

Я считаю, что именно в институте произошло мое становление как научного работника. Не могу не сказать и о том, что в моем становлении как физиолога большую роль сыграла Алевтина Алексеевна Скворцова, заведовавшая в тот период физиологической лабораторией института. На несколько лет старше меня, она была кандидатом биологических наук и имела хорошую физиологическую подготовку – ей посчастливилось работать с такими крупнейшими физиологами, как академики Парин и Черниговский, которые какой-то период времени до прихода профессора Верещагина заведовали кафедрой нормальной физиологии. Меня с Алевентиной Алексеевной связывали не только производственные, но и чисто человеческие, дружеские отношения. Муж Алевтины Алексеевны, Иван Иванович Хронов, был также физиологом, кандидатом биологических наук с хорошим базовым физиологическим образованием, как говорят, «имел школу». Наша дружеская связь многие годы продолжалась и после того, как Алевтина Алексеевна с мужем переехали и работали уже в физиологическом институте им. И. П. Павлова в г. Колтуши под Ленинградом.

После подачи мной заявления об увольнении, моя жизнь резко изменилась. На мою просьбу уволить меня Министерство прореагировало резко. Заместитель министра Чикин кричал мне в телефонную трубку, что Министерство возражает, оно против моего увольнения. Когда я ему сказала, что не могу быть заместителем человека, который мне не доверяет, он закричал: «Что, страшнее кошки зверя нет?!». Я его спросила, а каков будет результат, и буду ли я иметь право уйти из института, если директор мое заявление подпишет? На это он ответил, что право такое я буду иметь, но директор заявление не подпишет, так как такого права он не имеет и знает, что если подпишет, то от Министерства получит выговор. Директор мое заявление подписала, и я ушла в никуда. Я не представляла себе, где я смогу работать. В тот период практически не было вакантных мест ни в Свердловске, ни в тех городах, куда я пыталась обращаться и могла бы переехать с семьей. Физиологи были не востребованы, а заранее я никаких путей себе не готовила.

И опять Судьба, случай. Как-то я ехала в трамвае и встретила профессора Н. Г. Веселова, который стал расспрашивать, как я живу, как мне работается. Профессор Н. Г. Веселов в то время был ректором Свердлов-

ского экономического института и знал меня через мужа, который был первым ректором этого вуза. Николаю Григорьевичу на его вопрос я успела лишь ответить, что живу, по-видимому, как все, а вот с работой у меня проблемы. Но на остановке уже с подножки трамвая он успел мне крикнуть: «Завтра же заходите ко мне, я Вас буду ждать».

Когда я пришла к Николаю Григорьевичу, первое, что он мне сказал: «У Вас проблемы с работой, а у меня проблемы с кафедрой физиологии». Оказалось, что он знал о том, что я работаю заместителем директора по науке НИИ ОММ, что я физиолог, участница Великой Отечественной войны, и вообще мне показалось, что он обо мне знает значительно больше того, что я могла бы предполагать. Он мне предложил должность профессора кафедры физиологии труда и индустриальной психологии, которая была организована еще первым ректором института, и, могу сказать о том, что и не без моего участия. Я когда-то рекомендовала иметь в структуре экономического вуза кафедру физиологии труда. Тогда этой кафедрой заведовал профессор В. В. Розенблат, талантливый человек, однако, по-видимому, имеющий проблемы в связи с тем, что после окончания медицинского института он полностью потерял зрение. Но когда открывался экономический вуз и когда меня бывший ректор спрашивал, кто из физиологов города мог бы возглавить эту кафедру, я назвала профессоров Скрябина и Розенבלата, так как они были известными физиологами не только в городе, но и за его пределами. Я хорошо знала этих профессоров и, естественно, после предложения ректора занять должность профессора кафедры, я сказала о том, что должна позвонить профессору Розенблату и выяснить его мнение по поводу данного предложения. У меня с Владимиром Викторовичем состоялся хороший разговор, он сказал о том, что будет рад моему переходу на его кафедру. При этом добавил, что ведет сейчас переговоры насчет смены работы, так как вуз не то место, где он, в силу отсутствия зрения, может полностью себя реализовать.

После получения согласия от заведующего кафедрой, профессора Розенבלата, я написала заявление о принятии меня на работу в качестве профессора. Каково же было мое удивление, когда я с этим заявлением пришла к ректору. Он мне сказал о том, чтобы я переписала заявление, так как освободилась должность заведующего кафедрой и эту должность он предоставляет мне.

Учитывая то, что история должна быть правдивой, я не могу не внести коррективы в изложение бывшего директора НИИ ОММ по поводу причины моего ухода и ухода многих заместителей по науке, профессо-

ров, которые якобы уходили из института, стремясь занять кафедры в вузах (речь идет о книге «НИИ ОММ «История и современность. 1877–2002 гг.» Екатеринбург: ГУНИИ ОММ МЗРФ, 2002. С. 64).

И это касается не только меня лично. Мне известны причины ухода из НИИ ОММ профессоров Полонского, Кейлина, Астринского и др. Но так случилось, что мне абсолютно достоверно известно, что ни профессор И. И. Яковлев, ни профессор Петербургский, ни профессор В. М. Лотис из института уходить не хотели. Однако у всех по-разному складывались обстоятельства, по которым они, так же как и я, были вынуждены покинуть родной институт. Для меня он был особенно дорог, так как являлся первым учреждением, в котором я работала после демобилизации из армии и где происходило мое профессиональное становление в течение более 24 лет.

Профессор Илья Ильич Яковлев в тот период заведовал кафедрой акушерства и гинекологии Свердловского медицинского института и был научным руководителем НИИ ОММ. Жил он на улице Декабристов в отдельном флигеле, при котором был прекрасный приусадебный участок. Я жила на этой же улице в стандартном доме и часто бывала у Ильи Ильича, так как он был очень занят и вопросы о деятельности биофизической лаборатории приходилось обсуждать после работы. Именно поэтому он часто приглашал меня к себе, и я знала, как он любил свой дом, что он живет «в раю среди городского ада». А как он любил свои цветы, которые сам же и разводил! Он гордился и, как ребенок, радовался похвале его «фирменной» настойки из черемухи (дерево росло на их участке, а настойку готовила его жена Ванда Эдуардовна). И вот в институте случился эпизод, после которого я первый раз услышала от Ильи Ильича, что, по-видимому, ему придется покинуть свой прекрасный, «райский уголок».

А эпизод был таков. В институте ОММ был назначен ученый совет. Все собрались. На председательском месте уже была директор, и не было только одного Ильи Ильича, который должен был делать какое-то сообщение. Прошло 5–10 минут после обозначенного начала заседания, и все видели, как директор начала нервничать. Через 15 минут мы, молодые врачи, видели как не шел, а летел наш профессор. Я помню, как развевались полы его незастегнутого медицинского халата, как, запыхавшись, он вбежал в аудиторию, извинился за опоздание, которое было вызвано тем, что решался вопрос о срочной операции тяжело больной женщины. После этого вместо того, чтобы начать совещание, директор стала отчитывать профессора, как мальчишку, я не помню всего содержания сказанного, однако фраза «чтобы это было в последний раз» мне запом-

нилась на всю жизнь. Мы, врачи, сидели и не могли поднять глаз. А вскоре после этого эпизода мы услышали о том, что Илья Ильич уезжает в Ленинград. Мы – врачи и научные работники – об этом жалели и хорошо понимали, какая это великая потеря для института, да и для всего города Свердловска.

Об отъезде профессора Петербургского мне стало известно совершенно случайно. Как-то меня попросили, зная, что я на автомашине, в перерыв доехать до квартиры профессора и узнать о причине невыхода его на работу. Я, естественно, согласилась, мне рассказали, где он живет. Дозвониться до него не смогли, поэтому я поехала без предварительного звонка. Профессор выглядел плохо, мне показалось, он чем-то расстроен. Зазвонил телефон. Я поняла, что профессор ждал этого звонка. И тут у меня было потрясение: профессор, как говорили о нем, – блестящий хирург, уважаемый человек, со слезами на глазах в буквальном смысле, стал говорить о том, чтобы его освободили от занимаемой должности, он здесь работать не может и чтобы ему оформили перевод. Я быстро ушла из комнаты, чтобы не смущать его своим присутствием, поэтому и не слышала, куда он просил перевода. Однако вскоре после этого я узнала, что профессор Петербургский уезжает из Свердловска в Киев. Как сложилась дальнейшая его судьба, мне неизвестно.

После отъезда из Свердловска профессора Петербургского в институт ОММ приехала профессор Валентина Михайловна Лотис. Мы с ней встретились, обсудили планы развития нашего научного направления. Мне казалось, что это серьезный человек, с большим желанием приступающий к работе. Клиницисты говорили, что она стала систематически осуществлять обходы клиник, проводить конференции для анализа сложных случаев.

В институте было известно, что она приехала из Москвы и, как считали, надолго. Получила в Свердловске квартиру, стала обустраиваться. Однако вскоре заговорили о том, что начались какие-то разборки между профессором и директором – сначала на уровне райкома, а затем и горкома партии. И вскоре мы узнали, что профессор Лотис от нас уезжает и возвращается в Москву. После нее на должность заместителя директора по науке назначили меня, и когда мне пришлось бывать в Москве, я слышала о том, что Валентина Михайловна из Свердловска возвратилась в Московский областной институт акушерства и гинекологии с такой плохой характеристикой, что затем до пенсии проработала лишь в должности «исполняющий обязанности». Следующей, как оказалось, была я.

Один из учителей – И. И. Яковлев,
заведующий кафедрой
акушерства и гинекологии,
профессор Свердловского
медицинского института,
заслуженный деятель науки

Алевтина Федоровна
Скворцова, коллега по работе
в электрофизиологической
лаборатории, преданный
и искренний друг на про-
тяжении многих лет жизни

Г. М. Лисовская с сотрудниками Научно-исследовательского института
охраны материнства и младенчества

Г. М. Лисовская среди коллег НИИ ОММ

Во время перерыва (вторая справа Г. М. Лисовская)

С коллегами (вторая слева Г. М. Лисовская)

Г. М. Лисовская среди сотрудников электро-физиологической лаборатории НИИ ОММ. 1966 г.

Г. М. Лисовская за работой

На 12-м Всесоюзном съезде акушеров-гинекологов.
Кишинев, 1969 г.

Г. М. Лисовская – заместитель директора по науке НИИ ОММ.
Свердловск, 20 января 1971 г.

С докторантом Т. И. Степановой.
Свердловск, сентябрь 1971 г.

Галина Михайловна
Лисовская, 1972 г.

Члены парткома и секретари партийных организаций СИНХа.
Свердловск, 1974 г.

Координационное совещание
в авиационном институте (слева направо: проф. Г. Н. Александров,
проф. Г. М. Лисовская, проф. В. Г. Жуков). Уфа, 27 ноября 1979 г.

Г. М. Лисовская
на лекции в СИНХе.
Конец 80-х гг.

Г. М. Лисовская с аспиранткой В. А. Метаевой на кафедре УГППУ.
Апрель 1996 г.

Прошло два года после юбилея. Рядом по-прежнему друзья и коллеги –
сотрудники кафедры УГППУ. 18 апреля 1996 г.

Г. М. Лисовская среди участников 18-го пленума УМО ППО России и 5-й Всероссийской научно-практической конференции по инновациям в профессиональном образовании. Екатеринбург, ноябрь 1997 г.

Встреча с ветеранами труда и войны в музее истории УрГЭУ.
5 декабря 1998 г.

Г. М. Лисовская принимает
поздравления с 80-летием.
Почетную грамоту губернатора
Свердловской области вручает
Е. Ю. Казаков. УГППУ, 1999 г.

Доцент СИНХа Л. И. Васильцова вручает Галине Михайловне
на 80-летие ее портрет военной поры. УГППУ, 1999 г.

День Победы – главный
праздник в жизни Галины
Михайловны Лисовской. Май,
1999 г.

После юбилея с внуком
Станиславом. Апрель 1999 г.

С дочерью Татьяной Валентиновной. 2001 г.

Итак, моя профессиональная судьба определилась: я перешла из медицины в экономический вуз, в котором проработала 17 лет.

Я не могу сказать, что коллектив кафедры меня встретил очень радушно. Доценты кафедры хорошо понимали, что у меня, работника научно-исследовательского, да еще и медицинского института, нет опыта педагогической работы, и, мне кажется, они считали, что я не буду справляться с организацией педагогического процесса. Тем более изначально многие в экономическом вузе считали кафедру физиологии и психологии труда непрофильной, так что ее существование необходимо было отстаивать заведующей.

Первое, что мне надлежало сделать, придя на кафедру в этом качестве, это познакомиться с тем, чем занималась кафедра до меня под руководством профессора Розенבלата. Я знала о том, что В. В. Розенבלат является одним из самых крупных физиологов труда в нашей стране. Его работы по утомлению и физиологическому нормированию известны не только в России, но и за рубежом. Мне были известны его работы в области разработки новых методов исследования, в частности, телеметрии, имевшей большое значение для физиологии труда, так как с ее помощью можно, не отрываясь от выполнения работы, получить показатели, информирующие о функциональном состоянии органов, систем в организме и организма в целом. Придя на кафедру, я познакомилась с учебными программами по физиологии труда, а именно по учебным курсам «Основы физиологии человека», «Психология труда». Мне понравилось, что кафедра под руководством Владимира Викторовича обращала внимание на повышение квалификации кадров, что в составе кафедры были специалисты различного профиля: медики, биологи, инженеры и математики. Это позволяло кафедре проводить комплексные научные исследования.

И все же мне надо было находить свой путь работы, использовать свой профессиональный опыт.

Необходимо было обеспечить основные учебные курсы и спецкурсы, для этого был разработан новый учебный курс «Гигиена умственного труда», подготовлены и изданы методические пособия «НОТ студента» и «Организация самостоятельной работы студента». По заданию Минвуза СССР разработали программу учебного курса «Введение в специальность» для экономических институтов и инженерных факультетов.

Большое внимание я уделяла работе двух лабораторий. Одна лаборатория была научно-исследовательской, а другая – учебной, предназначенной для проведения практических занятий со студентами по физиологии

и психологии труда. Руководство института помогло приобрести аппаратуру для специальных физиологических исследований и счетно-вычислительную машину «Наири». В научном плане мне надо было определить перспективную проблему, которая бы включала в себя вопросы, значимые для экономического вуза. Такую проблему я сформулировала так: «Социально-экономические и физиологические проблемы использования женского труда в народном хозяйстве».

Должна сказать о том, что доценты кафедры мое предложение о новом научном направлении не приняли. Им казалось, что кафедра должна заниматься разработкой чисто учебных проблем и предлагали для разработки такую: «Использование технических средств в обучении». Однако я была убеждена в том, что предлагаемая мною проблема для экономического вуза является более важной. Мое убеждение было основано и на том, что в это время меня избрали членом комиссии Президиума ВЦСПС по работе среди женщин, возглавляла которую Александра Павловна Бирюкова. Рассмотрение на комиссии вопросов использования женского труда происходило с государственных позиций, и я была убеждена в том, что научные исследования, проводимые по данной проблеме, могут иметь не только теоретическое, но и практическое значение.

Мне не хотелось с самого начала работы быть с коллективом кафедры слишком настойчивой в своем решении, но и принимать предложение доцентов я считала нецелесообразным. В связи с этим я предложила включить в план научных исследований обе проблемы, что и было сделано. Два преподавателя изъявили желание работать под моим руководством, а трое доцентов стали выполнять работы по использованию технических средств в обучении как инициативные.

Для выполнения основной научной проблемы мне пришлось сформировать группу сотрудников, которые стали работать по хозяйственным и договорам о творческом содружестве.

В состав «хозяйственной» группы вошли специалисты различного профиля. Мы проводили исследования на крупнейших заводах, таких как «Уралмаш», «Каменск-Уральский металлургический завод» (КУМЗ) и др.

Я получала большое удовлетворение от работы, так как коллектив сотрудников был одной творческой командой. Через некоторое время мы увидели плоды нашей работы. Так в 1975 г. в павильоне «Народное образование» ВДНХ СССР была выставлена экспозиция «Творческое содружество Свердловского института народного хозяйства», где были представлены результаты исследований и нашей кафедры, работы которой бы-

ли отмечены серебряной медалью ВДНХ. Кроме того, приказом МВ и ССО СССР от 26 июня 1976 г. кафедра была определена как головная по проблеме «Физиологические и психологические основы НОТ». По этой теме мы стали осуществлять координацию научных исследований кафедр десяти вузов страны. Исследования по данной тематике расширились. Под моим руководством были успешно защищены две кандидатских диссертации (И. Г. Портнов и М. И. Чадова). Защиты проходили в Московском научно-исследовательском институте гигиены и профзаболеваний.

Результатом исследований явились научные обоснования и публикации практических рекомендаций, которые были одобрены и приняты к внедрению Министерством химического и нефтяного машиностроения, тяжелого и транспортного машиностроения СССР, Госкомтруда СССР и РСФСР, комиссиями Президиума ВЦСПС и Академией медицинских наук. Рекомендации нашей кафедры были внедрены на предприятиях 26 министерств, нашли отражение в постановлении Госкомтруда СССР «О предельном подъеме и переносе женщинами-работницами тяжести» (1982 г.).

В соответствии с вышеназванным постановлением только из литейных цехов уральских заводов на основе рекомендаций кафедры из профессии «земледел» было выведено 4000 женщин.

Результаты научных исследований коллектива кафедры я докладывала на международном конгрессе акушеров-гинекологов, всесоюзных, межвузовских съездах и научных конференциях. Нами были изданы межвузовские сборники научных трудов: «Физиологические и психологические основы НОТ» и «Женский труд».

Однако, несмотря на успешную научно-исследовательскую работу кафедры, в работе я испытывала большие трудности, которые определялись тем, что сотрудникам кафедры для выполнения плана не хватало учебной нагрузки. Необходимо было что-то предпринимать.

В тот период повысилась востребованность учебных курсов, связанных с человеком, поскольку изменилась парадигма образования и все внимание должно было быть обращено на развитие личности. В связи с этим возникла идея о чтении наших учебных курсов во всех вузах города, воплотить которую в жизнь можно было лишь придав кафедре статус межвузовской. Ректор вуза Н. Г. Веселов эту идею поддержал и просил подготовить соответствующие обоснования. Я подготовила небольшую справку о работе кафедры и 2 экземпляра альбома, в котором емко, четко, в красочной форме была отражена вся деятельность кафедры и обоснование целесообразности придания кафедре статуса межвузовской.

Через какой-то промежуток времени, когда в институт приехал сотрудник Минвуза РСФСР, курирующий наш институт, мне стало известно, что в план коллегии Минвуза включено обсуждение работы нашей кафедры. Надо сказать, что я не очень волновалась при этом, так как считала, что все от себя зависящее я уже сделала. На самом деле все оказалось совсем не так.

Мне пришлось не один раз съездить в Москву, готовить проекты решений и представлять дополнительные материалы. Я видела, как волнуются сотрудники, работающие по подготовке коллегии. В тот период министром образования РСФСР был академик Образцов. Я слышала, что на коллегии обычно рассматривают дела группы вузов, и в редких случаях – одного. Здесь же рассматривали работу одной кафедры, имеющей пять штатных преподавателей. Также слышала, что ректоры вузов, которые докладывают на коллегии, очень волнуются, так как на заседании иногда происходят нелицеприятные разговоры. Мне же пришлось особенно поволноваться перед самой коллегией, когда мой ректор сказал: «Галина Михайловна, собирайтесь, Вы на коллегию поедете одна». Этого я себе и представить не могла. Однако не могла же я отказаться, коли в какой-то степени сама заварила кашу. Хорошо, что я выдержала эту миссию, сотрудники Минвуза говорили о том, что внешне и не видно было моего волнения. Ну а что делалось у меня в душе, одному богу известно!

Сообщение у меня было очень коротким, всего на 8 минут. Один альбом я положила на стол министру, а второй передала членам коллегии. Мне было задано много вопросов. Считаю, что коллегия прошла успешно, так как в адрес кафедры были сказаны добрые слова, а все сформулированные просьбы к Министерству приняты. Я считаю, что фактическое значение для кафедры имело лишь решение об открытии на ее базе факультета повышения психолого-педагогической квалификации преподавателей вузов города. Была выделена также ставка декана факультета, которую занял доцент кафедры, кандидат педагогических наук Илья Робертович Тиновский. И надо сказать, что с этой работой он справился.

Решение коллегии о статусе кафедры как межвузовской для нас никакого значения не имело, так как когда повысился интерес руководства вузов города к обучению тем дисциплинам, которые мы читали, они стали эти учебные курсы поручать своим сотрудникам, поскольку не хотели терять ставки, и я ничего с этим поделать не могла. Тем более, что каждый вуз города подчинялся в Министерстве разным отделам, а не тому, в ведении которого был экономический вуз. Деньги, выделенные на оборудова-

ние кафедры, до нас также не дошли, как и не дошли штатные единицы. В отношении штатов я не переживала, так как работа преподавателей на факультете повышения квалификации решила проблему недостатка учебной нагрузки на каждого, и мы стали спокойно работать.

В отношении того, что ректор не поехал на коллегия, я много думала. Вскоре Николай Григорьевич тяжело заболел и ушел из жизни, видимо, уже тогда он плохо себя чувствовал. Я очень сожалела об этой невосполнимой потере. Николай Григорьевич был очень хорошим и порядочным человеком, много сделавшим для развития как нашего института, так и для подготовки экономических кадров. Ректором был назначен бывший секретарь парткома, профессор Валентин Митрофанович Камышов.

И вот опять крутой поворот в моей профессиональной жизни. Из области экономики я перешла в область педагогики и возглавила в бывшем СИПИ – Свердловском инженерно-педагогическом институте, а в настоящее время Российском профессионально-педагогическом университете, кафедру повышения квалификации преподавателей вузов.

А случилось это следующим образом. Я никуда уходить из экономического вуза не собиралась. Как-то ко мне пришел проректор по науке СИПИ, которому, по-видимому, было поручено организовать кафедру, поскольку в институте уже был факультет, а соответствующей кафедры не было. Он попросил меня ознакомить его с работой кафедры, что я с удовольствием и сделала. И вдруг он мне задал вопрос, а не перешла бы я к ним работать, так как стоит задача организовать новую кафедру. На это я ответила, что у меня и мыслей таких нет, мне в экономическом вузе работается неплохо. Тогда он спросил, может быть у меня есть какие-то проблемы, которые их институт сможет решить. Например, как у меня обстоят дела с квартирным вопросом. На это я ответила, что моя квартира меня устраивает, так как из коммунальной мы переехали в изолированную квартиру в центре города. И тут меня осенило. Дело в том, что в течение многих лет я имела автомашину, которая для меня имела большое значение, так как я, как и многие другие, испытывала дефицит времени. В этот период я осталась без машины, поскольку старая требовала ремонта, который я осуществить не могла. Машину пришлось продать, а вот приобрести новую не было возможности. Тогда машины только распределялись. И вот я, не придавая никакого значения предложениям ректора СИПИ, спросила, как бы на всякий случай Валерия Дмитриевича Акиншина: «А не могли бы Вы поспособствовать тому, чтобы я смогла купить новую машину?». Он мне ответил, что институт мне сможет в этом помочь, и по-

обещал переговорить с ректором. Ректором СИПИ в то время был Евгений Викторович Ткаченко.

На этом наш разговор закончился. И мне в голову пришла мысль о том, а как бы на это посмотрел наш ректор Валентин Митрофанович Камышов? И вот, пожалуй, больше для интереса, чем серьезно я как-то зашла к нему и спросила, как он посмотрит на то, что я перейду работать в другой вуз? Каково же было мое удивление, когда Валентин Митрофанович, не задав мне ни одного вопроса, очень просто сказал: «Ну что же, если Вам этого хочется, то переходите». А мне казалось, что меня не будут отпускать, так как кафедра работает успешно, тогда еще действовали парткомы, я была членом парткома СИНХа, меня утвердили членом диссертационного совета по защитах докторских и кандидатских диссертаций. Я ушла от ректора, не зная, как же мне вести себя, если опять Валерий Дмитриевич Акиншин ко мне опять обратится.

Вскоре он действительно приехал и сказал, что переговорил со своим ректором, который пообещал, что институт будет ходатайствовать в отношении покупки автомашины. И вот я под настроение написала заявление, где просила освободить меня от работы и перевести в другой вуз. Предварительно я выяснила у В. Д. Акиншина, что могу перейти со своими сотрудниками, кого считаю хорошими профессионалами. Я переговорила с сотрудниками, в частности, с кандидатом педагогических наук Людмилой Кузьмовной Малштейн, кандидатом психологических наук Еленой Федоровной Шляхтер, кандидатом биологических наук Галиной Евгеньевной Березовской и молодой, как мне казалось, перспективной, Татьяной Александровной Губаревой. Они все дали свое согласие, и тогда со своим заявлением об уходе я пошла к ректору. Каково же опять было мое удивление, когда ректор сказал: «Да Вы что, Галина Михайловна, какие переходы?». Я ему напомнила, что предварительно с ним разговаривала и что он не возражал. Тогда он ответил, что тот разговор и всерьез не принял, однако я уже не имела морального права делать шаг назад, так как преподаватели, с которыми я разговаривала, уже были серьезно настроены на другую работу.

И вот передо мной опять возникли новые задачи по организации и формированию новой кафедры, определения нового научного направления, отвечающего задачам инженерно-педагогического вуза. В связи с этим мне казалось, что в первую очередь я должна наладить связь с основными выпускающими кафедрами, вникнуть в их проблемы, найти какую-то объединяющую всех идею. Мне очень трудно было сразу отказать-

ся от основного направления, которым я занималась многие годы. Поэтому у меня появились мысли об обучении и подготовке к жизни женщин.

Мне думалось, что если изменилась парадигма образования и в основе его лежит задача развития личности, то нельзя при этом не учитывать психолого-физиологические особенности женского и мужского организма, это с одной стороны. А с другой – следует иметь в виду, что женщина в обществе выполняет одну из социальных ролей, связанных с материнством и воспитанием детей.

Многолетняя работа в составе комиссии Президиума ВЦСПС по решению вопросов, связанных с улучшением положения женщин в нашем обществе, сформировала в моем сознании представление о том, в каком направлении необходимо предпринимать усилия для решения этой очень сложной, но в то же время актуальной задачи. Для этого, мне казалось, необходимо было учитывать сферы деятельности женщин с выделением таких, как семейная, трудовая и общественная, а также направления и виды деятельности в этих сферах.

Я полагала, что основными видами деятельности в этих сферах должны являться организационная, учебная, консультативно-методическая, коррекционная, внедренческая, экономическая и правовая. Эти мои представления легли в основу комплексной программы администрации Свердловской области, которая обратилась ко мне при составлении программы по охране семьи, материнства и детства на 90-е гг. Целью программы являлось улучшение положения женщин Екатеринбурга и Свердловской области. Мною были предложены основы организации учебы женщин по социально-психологическому, медико-биологическому и педагогическому профилям.

Я считаю, что организация обучения по этим циклам должна иметь социальный эффект, направленный на создание условий физического, интеллектуального и нравственного развития личности женщины, сохранения ее здоровья, высокой работоспособности и возможности перехода в различные сферы деятельности. Для этого планировалось, что наша кафедра подготовит рабочие программы по учебным дисциплинам, обеспечивающим потребности в знаниях психологического и медицинского профиля для различных групп женщин.

Именно поэтому первыми учебными программами, которые мы разработали, были «Основы самоменеджмента», «Самодиагностика и коррекция профессионально значимых качеств», «Контакты, восприятие и понимание партнера по общению», «Гигиена и организация умственного тру-

да» и др. Доценту Е. Ф. Шляхтер было поручено разработать учебную программу по культуре управления.

Я стала серьезно заниматься разработкой методов аутогенной тренировки, диагностики невротических и скрытых стрессовых состояний, требующих коррекции, нетрадиционных методов для профилактики заболеваний, связанных с иммунным дефицитом.

Свои соображения в отношении данного направления я обсудила с Е. В. Ткаченко, который в то время был ректором института. Он его поддерживал, у нас состоялся хороший, деловой разговор, однако, когда дело дошло до внедрения в практику разделения обучения женщин и мужчин, мы встретились с такими трудностями, которые не смогли преодолеть. И основным затруднением явилось то, что основные, выпускающие кафедры данную идею не поддержали.

Тогда у меня появилась другая идея, которая, как мне казалось, могла учесть интересы любой кафедры педагогического вуза. Эта идея связана с разработкой проблемы ускорения адаптации студентов к условиям обучения в вузе. Работая еще в СИНХе, я интересовалась вопросом выявления у студентов затруднений при обучении в институте. И мы пришли к заключению, что основной их трудностью является неумение самостоятельно работать. При этом мы видели большое различие в этом умении в зависимости от того, откуда студент пришел в вуз: из школы, среднего учебного заведения, ПТУ, лицея, колледжа, а с другой стороны – как организован учебный процесс в самом вузе. Мне казалось, что изучение этого вопроса может объединить интересы не только различных кафедр, но и высших учебных заведений. Однако и эта моя попытка организовать творческое содружество с выпускающими кафедрами не увенчалась успехом. Чтобы оставить какой-то след от этой попытки, мною было подготовлено, а институт издал, учебное пособие «Гигиена и организация умственного труда (разговор с первокурсником)».

Время шло, надо было срочно определять направление работы новой кафедры, и я, памятуя о том, что «кадры решают все», остановилась на задаче подготовки высококвалифицированных кадров. Тем более, что само название кафедры – повышение психолого-педагогической квалификации – наталкивало на решение открыть при кафедре аспирантуру и докторантуру.

В период создания кафедры на ней работали: кандидат физико-математических наук, доцент Владимир Алексеевич Антропов, совмещающий должность декана; со мной из экономического вуза перешли кандидат пе-

дагогических наук, доцент Людмила Кузьмовна Малштейн, кандидат психологических наук, доцент Елена Федоровна Шляхтер, доцент Галина Евгеньевна Березовская и молодой педагог Татьяна Александровна Губарева, имеющая базовое философское образование.

К великому сожалению, Л. К. Малштейн очень скоро ушла из жизни, и возникла большая необходимость пригласить на кафедру специалиста с базовым педагогическим образованием. По рекомендации В. А. Антропова в штат кафедры был зачислен кандидат педагогических наук, доцент Ф. Т. Хаматнуров.

После обсуждения на кафедре вопроса о подготовке высококвалифицированных педагогических кадров перед каждым преподавателем была поставлена задача повысить свою педагогическую компетенцию, обучаясь в докторантуре или аспирантуре. И даже в случае приема на работу методиста я также ставила вопрос о необходимости через соискательство или аспирантуру повышать свой профессиональный уровень. Мне казалось, такое направление в работе кафедры университета особенно важным, так как это позволяло включать в учебные программы фактические данные, соответствующие современным требованиям образования. Для себя же я считала очень важным, да и почетным, участие в работе совета по защитах диссертационных работ. В университете защищались диссертации по научным специальностям: 13.00.01 – общая педагогика, история педагогики и образования, 13.00.02 – теория и методика обучения и воспитания (общетехнические дисциплины), 13.00.08 – теория и методика профессионального образования.

Поскольку для кафедры повышения психолого-педагогической квалификации наиболее приемлемым является направление, связанное с подготовкой докторов и кандидатов педагогических наук, была запланирована госбюджетная научная тема «Содержание и технология переподготовки и повышения квалификации педагогических кадров профессионального образования». Объектом исследования при этом явился сам процесс обучения в ходе повышения квалификации и переподготовки профессионально-педагогических кадров в новых условиях перехода к рынку. Кафедрой была поставлена цель – разработать концепцию, программно-методическое обеспечение и методические рекомендации по новым формам повышения квалификации с учетом современных требований и региональных особенностей развития системы образования.

В результате этой работы были выявлены требования к целям и характеру повышения квалификации, а также пути формирования индивиду-

ального стиля педагогического общения; разработаны принципы отбора содержания учебного материала в процессе повышения квалификации, при этом особая роль отводилась внедрению в практику работы кафедры результатов научных исследований ее сотрудников, а затем и результатов выпускных работ слушателей, подготовивших наиболее интересные выпускные работы, на основе своего практического опыта. Должна сказать, что кафедра стала уделять особое внимание качеству подготовки и процедуре защит работ преподавателей, обучающихся на кафедре. О лучших работах и успехах при обучении мы стали сообщать руководству учреждений, направивших этих преподавателей на учебу.

Поле деятельности кафедры расширилось. Ее сотрудники стали регулярно выезжать для работы в организованные филиалы в городах Харькове и Намангане. Отзывы о работе кафедры со стороны обучающихся в наших филиалах были весьма положительными, и мы получали от этого большое удовлетворение и были огорчены, когда в связи с распадом Союза эти филиалы перестали функционировать. При этом нам опять пришлось менять ориентиры в работе, тем более, что вскоре после организации кафедры, проректор по научной работе В. Д. Акиншин уехал из Екатеринбурга. Нашим куратором стал Геннадий Михайлович Романцев, который вскоре перешел с должности проректора по науке на должность ректора в связи с отъездом Е. В. Ткаченко в Москву. Все последующие годы нашу кафедру курировал Владимир Анатольевич Федоров, занявший должность проректора по научной работе. Однако я должна сказать о том, что все годы работы в качестве заведующей кафедрой я ощущала со стороны ректора Г. М. Романцева не только заинтересованность в нашей работе, но и деловую поддержку.

Следует сказать и о том, что перед своим отъездом В. Д. Акиншин выполнил свое обещание. От института были подготовлены соответствующие ходатайства, и я смогла купить себе автомобиль «Москвич». Моя мобильность при этом повысилась, и я получила дополнительный импульс к активной деятельности.

Педагогическое пространство в деятельности кафедры расширилось. Для обучения педагогов мы стали выезжать в различные города области: Нижний Тагил, Ревду, Заречный, Новоуральск и др. На каждом занятии я пыталась выявить преподавателей, которые хотели бы не только повысить свою психолого-педагогическую компетентность, но через соискательство либо аспирантуру выполнить диссертационное исследование. Однако, к сожалению, желающих всегда было много, а вот возмож-

ности были далеко не у всех. Например, в одной из групп преподавателей города Новоуральска было предложено для разработки 30 диссертационных тем, а в результате в заочную аспирантуру поступили и защитили диссертационные работы лишь 3 человека. Среди них защитилась моя первая аспирантка по педагогике Валентина Александровна Метаева, талантливый человек, творчески решающий стоящие перед ней задачи. Впоследствии, после защиты, по согласованию с руководством университета, она была приглашена для работы на кафедре на должность доцента. Следует сказать и о том, что Валентина Александровна со временем выбрала и обосновала для кафедры новое научно-практическое направление по имиджологии. Со временем данное направление стало основой для организации самостоятельной структурной единицы университета – кафедры имиджологии.

В. А. Метаева сама увлеченно работала и свой, я бы сказала, задор в науке передавала другим. Вот и мне захотелось передать в дар кафедре альбомы репродукций картин отечественных и зарубежных художников, которые моя семья собирала десятилетия, и их набралось более тысячи. Я считала, что при обучении имиджологии, рассматривая великие творения художников, можно образно представить себе, как меняется имидж человека в зависимости от века, в котором человек живет, от сословия, к которому он принадлежит.

Все годы с момента организации кафедры мы стремились чутко реагировать на запросы общества. Именно поэтому в наши планы входила разработка таких направлений, как выяснение профессионально значимых качеств педагога профессионального образования, возникла потребность в обучении риторике. На кафедру был приглашен специалист в этой области старший преподаватель Людмила Петровна Аксенова, к данному моменту уже закончившая аспирантуру и защитившая диссертационную работу в области риторической культуры преподавателя в системе повышения квалификации.

Кафедрой в качестве госбюджетной научно-исследовательской работы выполнялись и такие разделы общего направления, как «Психолого-педагогические и медико-биологические основы самоменеджмента в развитии личности педагога», «Совершенствование учебно-воспитательного процесса в системе повышения квалификации педагога», «Выявление и коррекция профессионально значимых качеств преподавателя в системе ФПК», «Разработка теоретических основ коррекционной андрагогики и методов коррекции при обучении взрослых в системе ФПК».

Учебные планы были разработаны на основе государственных стандартов профессионального образования с учетом региональной специфики и в соответствии с утвержденным перечнем профессий. Внедрение в практику результатов научных исследований и корректировка на этой основе учебных планов помогли нам избежать того, что меня очень волновало. А меня беспокоило то, что при повторном обучении преподавателей, которое предусматривается через 5 лет, слушатели не встретились бы уже со знакомым им материалом, который изучали при предыдущем прохождении повышения квалификации.

Избежать этой опасности, которая, как мне известно, имеет место на ФПК других учебных заведений, помогли разработанные новые учебные курсы, которые в ряде случаев предлагались слушателям как курсы по выбору. К этим курсам, в первую очередь, я отношу такие: «Коррекционная педагогика взрослых», «Педагогическая валеология». Эти направления рассматривались нами как компонент гуманизации обучения. Практическое значение данных учебных курсов заключается в том, что они дают возможность самоактуализации и саморазвития личности преподавателя, способствуют развитию мотивации к обучению, к интеллектуальной деятельности и сохранению здоровья, что в современных условиях является особенно важным. Такие учебные курсы, как «Интеллектуальные возможности педагога» (доцент Т. Е. Березовская), «Риторика» (ст. преп. Л. П. Аксенова), способствующий развитию культуры речемыслительной деятельности педагога, «Практический тренинг по коррекции взаимодействия личностей в педагогическом процессе» (доцент Г. М. Соломина) и др.

Первая докторская диссертация стала выполняться сотрудником кафедры кандидатом педагогических наук, доцентом Л. К. Малштейн и была посвящена обоснованию, становлению и развитию профессионально-педагогического образования. Однако тяжелая болезнь этой молодой, полной сил женщины прервала все ее начинания и на кафедре осталась о ней лишь светлая память. Разработанный ею классификатор, представляющий собой банк методов и форм по организации обучения и контроля за работой студентов, составленный с учетом уровней обучения, до сих пор используется на кафедре.

Поставленная кафедрой задача подготовки докторов и кандидатов наук требовала значительных организационных усилий и временных затрат. Должна сказать о том, что ректор университета, несмотря на огромную занятость, активно включился в эту работу. На кафедре стали непрерывно выполняться диссертационные работы, проходить их обсуждения,

а также предзащиты. На руководство или соруководство приглашались специалисты из других подразделений университета либо других образовательных учреждений.

Так, на кафедре при научном консультировании профессора З. А. Галагузовой были выполнены и успешно защищены докторские диссертации Г. Д. Бухаровой, посвященной теории и методике обучения физике в инженерно-педагогическом вузе (в настоящее время Галина Дмитриевна Бухарова – ученый секретарь диссертационного совета университета, зав. кафедрой педагогики); Л. В. Моисеевой, работника Уральского государственного педагогического университета (в настоящее время доктор педагогических наук, профессор Л. В. Моисеева утверждена членом диссертационного совета нашего, сейчас Российского государственного профессионально-педагогического университета). 22 января 1998 г. на кафедре прошла предзащита докторской диссертации В. В. Кузнецова, работника системы профессионального образования г. Оренбурга, которая при нашем представлении была успешно защищена в Москве.

Импульс кафедры, направленный на подготовку высококвалифицированных кадров, имел значение и в дальнейшем, когда я уже кафедрой не заведовала. Так, успешно были защищены при научном консультировании ректора университета Г. М. Романцева докторские диссертации доцента кафедры Ф. Т. Хаматнурова и проректора по научной работе В. А. Федорова.

Деятельность ректора университета Г. М. Романцева не ограничивалась научным консультированием диссертаций. Он все время стремился расширить связи кафедры с другими структурами, в обязанности которых входило обучение. К руководству он стал привлекать специалистов из других областей знаний. Так, при его руководстве и соруководстве психолога Ф. С. Исмагиловой успешно защищены кандидатские диссертации сотрудников службы занятости населения Н. И. Шишкиной и Г. И. Касьяновой. С привлечением специалиста по использованию компьютеров в обучении, под руководством ректора была успешно защищена кандидатская диссертация Л.В. Соловьевой-Гоголевой. На кафедре проходили предзащиты диссертаций сотрудников и из других учебных заведений Екатеринбурга и других городов. Так, успешно прошла защита диссертации директора педагогического колледжа из г. Тюмени В. И. Могойченко на тему «Формирование профессиональной самостоятельности студентов индустриально-педагогического колледжа» (руководитель – Г. М. Романцев, соруководитель – Ф. Т. Хаматнуров). На кафедре была и предзащита аспиранта из университета путей сообщения г. Екатеринбурга и многие-многие другие.

Считаю, что привлечение на кафедру специалистов-психологов и активная работа ректора на кафедре весьма обогатили профессиональный потенциал кафедры.

Это стало особенно заметным, когда ректор предложил новое научное направление и кафедра в связи с этим была переименована в кафедру акмеологии общего и профессионального образования. Следует отметить, что несмотря на новизну данного направления, сотрудники кафедры восприняли его с большим интересом. А когда мы вникли в суть этого направления, то оказалось, что оно, как никакое другое, соответствует основному предназначению кафедры – повышению профессиональной компетентности специалистов в области образования. В план госбюджетных научных исследований была включена тема «Акмеологические проблемы развития профессиональной компетентности специалистов в области образования». Сотрудники кафедры стали разрабатывать новые учебные курсы. К примеру, В. А. Метаева подготовила учебные курсы «Педагог в инновационной деятельности», «Проектирование имиджа»; Ф. С. Исмагилова – «Маркетинг образовательных услуг» и «Профессиональное развитие персонала в современной организации»; И. Г. Шендрик – «Основы конфликтологии в образовании»; Г. М. Соломина – «Социально-психологический тренинг общения» и др. Ряд преподавателей адаптировали к новым условиям и новому научному направлению те учебные курсы, которые читались ранее. К примеру, учебные курсы, читавшиеся мною ранее, были переработаны с учетом нового направления: дидактические основы коррекции и самообразования при обучении взрослых. Основной целью для меня была разработка теоретических основ коррекционной андрагогики. При этом использовались полученные данные научных исследований. Например, я в своих учебных курсах использовала данные диссертации Т. И. Южаковой по теме «Организация контроля знаний в условиях повышения квалификации инженера-педагога с использованием методов квалификации», защищенной под моим руководством. Была использована модель построения педагогического процесса в соответствии с идеями развивающего обучения и непрерывности познавательного процесса. Кроме того, учитывалось и то, что традиционное представление о знании как результате познания и как усвоенном понятии значительно расширено соприсутствием в опыте личности явного и неявного знания, воплощенного в интуиции, образах, действиях. Другими словами, при переработке учебных курсов учитывались идеи А. Н. Леонтьева, В. П. Зинченко о постоянном соприсутствии в живом или, как его называет профессор А. С. Бел-

кин, витагенном, опыте, знания и незнания, явного и неявного, интуитивного знания.

Именно поэтому на каждом занятии меня интересовал не столько уровень знания слушателей, сколько пространство незнания. На основании такой нелегкой работы я выбирала активные формы обучения, а также методы коррекции и развития педагогической коммуникации.

Большую работу по переработке учебных курсов в связи с изменением научного направления провели и другие преподаватели. Так, Н. Л. Шевелева разработала педагогические условия внедрения модульного обучения в систему повышения квалификации и профессиональной переподготовки. Затем Н. Л. Шевелева под моим руководством и при соруководстве профессора В. В. Шапкина из Ленинграда успешно защитила кандидатскую диссертацию по специальности 13.00.08 на тему «Модульное обучение в системе профессионального образования инженерно-педагогических кадров».

Доцент Г. Е. Березовская также адаптировала свои учебные курсы к новым условиям, в том числе и курс «Психологические условия оптимизации интеллектуальной деятельности».

Этот период был особенно плодотворным и у ректора университета, который по совместительству являлся профессором кафедры. Кроме подготовки докторов и кандидатов наук он руководил государственными научными программами (например, «Разработка государственной программы высшего образования 03.05.00»; «Профессиональное образование»), осуществлял научное руководство договорной тематикой («Разработка типовых учебных программ основных дисциплин профессионально-образовательных программ ППО», «Разработка и обновление государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования и обеспечение его практической реализации»), руководил научной темой кафедры «Проблемы и перспективы развития профессионального образования», выполнял и многие другие виды работ, например, оппонирование диссертаций при их защите и т. д.

Мне не хотелось бы, чтобы перечисленные виды работ, выполняемых на кафедре ректором, воспринимались как отчет о проделанной работе. Пишу я об этом лишь потому, что хочу подчеркнуть, насколько может стимулировать работу кафедры активный руководитель.

У того, кто читает мои записи, может создаться впечатление о том, что развитие кафедры проходило всегда успешно и безо всяких трудностей и проблем. Однако должна сказать, что это далеко не так. При становлении

кафедры я как заведующая встретила не только с теми проблемами, которые можно было изначально ожидать, но и с теми, о которых не могла и подумать. К первым я отношу финансовые затруднения, не позволившие организовать кафедральный компьютерный класс, который мне казался крайне необходимым. Из непредвиденных затруднений, мешающих работе, я назвала бы два. Первое – это смена деканов факультета, в обязанности которых должны входить заботы и реализация организационных вопросов кафедры. Первый декан, В. А. Антропов, вскоре после организации кафедры перешел на работу в технический университет, бывший УПИ. Затем должность декана по совместительству занял доцент кафедры физиологии Владимир Александрович Козловский. Большая учебная нагрузка и низкая зарплата не позволили ему вникнуть в задачи кафедры, он работал также недолго. Сменил В. А. Козловского доцент кафедры физики университета, но он также вскоре ушел с этой должности. Мне думается, немалую роль в его уходе сыграл конфликт, который возник между ним и одним из доцентов кафедры, и принял весьма острые формы.

Отсутствие декана затрудняло работу кафедры, так как приходилось вникать в организационные вопросы по выполнению плана набора контингента обучающихся, которые для меня были очень трудны, да и просто не удавались. Тогда у меня возникла мысль пригласить на должность декана доцента кафедры психологии Галину Михайловну Соломину, которую я знала как энергичного человека, имеющего организаторские способности. Она после окончания государственного университета была принята мною на работу в качестве младшего научного сотрудника в биофизическую лабораторию НИИ ОММ, под моим руководством защитила кандидатскую диссертацию, а когда я ушла из института, заняла должность заведующего этой лабораторией. Затем наше общение было прервано на многие годы, однако я знала, что Галина Михайловна справлялась с работой в этой должности. Под ее руководством лаборатория развивалась, продолжали защищаться диссертационные работы. Потом я узнала о том, что Галина Михайловна перешла на работу в СИПИ. Наше общение возобновилось, и мне стало известно, что она не очень комфортно чувствует себя на этой работе.

Тогда у меня и появилась мысль просить ректора Г. М. Романцева и проректора по науке В. А. Федорова, который курировал нашу работу, о переводе Г. М. Соломиной на должность декана факультета повышения квалификации. С ее переходом с меня были сняты заботы о формировании контингента обучающихся. Министерский план обучения выполнялся. Со

временем на кафедре стали обучаться слушатели по договорам о творческом содружестве и на коммерческой основе. В среднем в год на кафедре обучалось 300–350 человек. Как будто бы все складывалось хорошо.

Однако возникли непредвиденные обстоятельства, затрудняющие работу. Это конфликты между сотрудниками, нередко переходившие за пределы цивилизованных форм. Я как заведующая не могла допустить выход этих конфликтов на всеобщее обсуждение, тем более, что о кафедре слушатели отзывались весьма положительно. И при специальном анкетировании, и в личных беседах слушатели неизменно отмечали, что все преподаватели очень доброжелательны, интеллигентны, коллектив кафедры профессионален, дружен, и им приятно общение с каждым преподавателем. Поэтому я выбрала путь индивидуальных бесед с каждым из конфликтующих сотрудников. Однако, чтобы быть откровенной, должна сказать, что этот метод оказался неэффективным. Меня это удивляло, потому что где бы я не работала (и заведующей лабораторией, и заведующей кафедрой), я всегда умела гасить незначительные конфликтные ситуации, которые иногда появлялись. Я переживала и потому, что в наших учебных планах значились программы, посвященные конфликтологии, обучению культуре общения. И я часто задавала себе вопрос о том, как мы можем чему-то обучать, если сами у себя не можем справиться с эмоциями и нормально разрешать конфликты?

На основании этого, а также с учетом того, что освоение нового научного направления, связанного с акмеологией, требует от заведующего кафедрой больших усилий, я обратилась к ректору с просьбой освободить меня от заведования кафедрой и принять ее на себя. Фактически в этот период идеология кафедры уже определялась ректором, предложившим это направление, а мы все были ее исполнителями. Я была очень благодарна ректору и членам ученого совета университета за то, что была избрана профессором-консультантом и могла заняться тем, что мне удавалось – помогать в подготовке кадров и делиться своим жизненным и профессиональным опытом.

В настоящее время ректор передал кафедру профессору, доктору педагогических наук Сергею Аркадьевичу Новоселову, который и возглавил факультет повышения квалификации. Кафедра пополнилась новыми кадрами, был организован компьютерный класс, сделан ремонт.

Перспективы развития кафедры акмеологии общего и профессионального образования РГППУ меня радуют и потому, что в их основе есть и наш труд, сотрудников кафедры повышения психолого-педагогической квалификации преподавателей.

Г. М. Лисовская в воспоминаниях своих друзей и коллег

О жизни Г. М. Лисовской вспоминают ее коллеги и подруги В. В. Вершинина и З. М. Пивоварова.

Валерия Васильевна Вершинина, одна из первых аспирантов Г. М. Лисовской, кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник ИОММ, ныне пенсионер, написала специально для этой книги свои воспоминания:

«В 1947 г. профессор И. И. Яковлев, заведующий кафедрой акушерства и гинекологии Свердловского медицинского института, решил заняться изучением биотоков женских половых органов. До этого в СССР никто изучением биотоков в акушерстве и гинекологии не занимался. И. И. Яковлев и студент В. Низовцев переделали электрокардиограф для записи утерограмм, установили его в отдельной комнате гинекологической клиники, которая располагалась на пятом этаже теперешней Первой городской больницы скорой медицинской помощи.

Однажды (это было в том же 1947 г.) Илья Ильич появился в клинике вместе с молодой, красивой, синеглазой, русоволосой женщиной. Под белым халатом была видна военная гимнастерка. Это была Галина Михайловна Лисовская. Илья Ильич познакомил нас. Галина Михайловна занялась организацией электрофизиологической лаборатории. Илью Ильича в это время назначили директором Свердловского научно-исследовательского института охраны материнства и младенчества, поэтому лабораторию разместили в ИОММ. Для работы в лаборатории были приглашены инженер Г. А. Шминке и лаборант З. М. Пивоварова. В 1953 г. И. И. Яковлев уехал в Ленинград: его избрали заведующим кафедрой акушерства и гинекологии Ленинградского мединститута.

С тех пор работой электрофизиологической лаборатории руководила Г. М. Лисовская. Она не только сама написала сначала кандидатскую, а затем докторскую диссертации, которые успешно защитила, но и, став заместителем директора ИОММ по науке, руководила диссертациями многих врачей-акушеров и педиатров. В 1964 г. Галина Михайловна привлекла и меня к научной работе, связанной с изучением биоэлектрической активности матки. В это время я уже перешла из мединститута на работу в ИОММ. На 1965–67 гг. мне была запланирована кандидатская диссертация на тему «О течении и ведении запоздалых родов в свете данных о функциональном состоянии матки при перенесенной беременности». Научным руководителем стала профессор Г. М. Лисовская. В 1967 г. в Свердловск в ИОММ приехал профессор А. М. Фой,

заведующий кафедрой акушерства и гинекологии Саратовского мединститута. После посещения электрофизиологической лаборатории А. М. Фой сказал: «В лаборатории Галины Михайловны я мог бы работать только дворником!» Так А. М. Фой выразил свой восторг от увиденного. Будучи, помимо заведования кафедрой, проректором по науке Саратовского мединститута, А. М. Фой предложил направить в Саратов несколько диссертаций для защиты в ученом совете. Галина Михайловна приняла это предложение. 6 ноября 1967 г. я отправила свою диссертацию в Саратов. Вскоре то же самое сделала и А. П. Червякова.

В январе 1968 г. я ездила в Саратов на предзащиту. На кафедре акушерства и гинекологии диссертация вызвала большой интерес. Мне было задано 29 вопросов. Многие из них касались исследования биологической активности матки. Общее впечатление от диссертации было положительным. Я ждала скорой защиты. Но ситуация изменилась. В Саратовском мединституте был назначен новый проректор по науке – профессор Архангельский, который отложил защиту наших диссертаций на неопределенное время. Защита диссертаций была отложена почти на год и назначена на 5 ноября 1968 года.

В Саратов мы (Галина Михайловна, Агния Павловна и я) прилетели за два дня до защиты. В качестве «болельщика» с нами прилетела и А. Л. Озерянская – руководитель акушерского отдела ИОММ. Накануне защиты прилетел муж Агнии Павловны – Леонид Иванович. Он показывал слайды (мои и Агнии Павловны) во время защиты. Мы посетили акушерскую клинику кафедры и лабораторию, где доцент Н. В. Оноприенко записывала наружные гистерограммы. Клиника и лаборатория не произвели на нас особого впечатления. Позже Н. В. Оноприенко на своем материале защитила докторскую диссертацию.

Вечером А. М. Фой устроил прием в честь Галины Михайловны, на котором были все мы (свердловчане) и коллектив кафедры акушерства.

5 ноября 1968 г. мы отправились в главный корпус мединститута на защиту. По пути нам попался большой цветочный магазин, где продавались прекрасные белые хризантемы. Галина Михайловна и Анна Львовна решили купить цветы для нас с Агнией Павловной. Я была в смятении: «Как это идти на защиту уже с цветами?! Что подумают члены ученого совета, если увидят нас?» Но все обошлось благополучно. Анна Львовна попросила гардеробицу спрятать цветы до окончания защиты. Сама защита диссертаций прошла успешно. Первой защищалась я, второй – Агния Павловна. Оппонентами у меня были профессор А. М. Фой и доцент, доктор медицинских наук М. И. Анисимова. У Агнии Павловны оппонентом был профессор Слоницкий. Кто был у нее вторым оппонентом – не помню. Отзывы Аркадия Михайловича и Марии Ивановны были хорошими, без существенных замечаний. Мне задали 4 вопроса, все они касались темы диссертации. Агнии Павловне вопросов практически не за-

дали, и члены ученого совета проголосовали единогласно за присуждение нам ученой степени кандидата медицинских наук.

Вечером после защиты мы устроили банкет, на который пригласили своих оппонентов и коллектив кафедры акушерства и гинекологии.

На следующий день мы улетели домой...»

Воспоминания Валерии Васильевны Вершининой лаконичны и по-научному точны, в то время как памятные записки З. М. Пивоваровой насыщены живыми эмоциями и оценкой деятельности Галины Михайловны Лисовской в ИОММ:

«Впечатления, оставшиеся в памяти человека о годах его юности и зрелости, глубоки и неизгладимы. Мне было 22 года, когда я поступила на должность лаборанта в биофизическую лабораторию института охраны материнства и младенчества, которой руководила Галина Михайловна Лисовская, очень красивая и умная женщина. Считаю, что мне повезло.

Шел 1947 год – послевоенный период. Я только что приехала из Китая, но была принята Галиной Михайловной без всяких опасений и предосторожностей, которые, как правило, проявлялись в отношении репатриантов из-за границы в тот страшный период. Со свойственной ей дружелюбностью и мягкостью она познакомила меня с лабораторией и с обязанностями. Ее неподдельная заинтересованность во мне и доброжелательность сразу же расположили меня к ней, и я с огромным желанием и рвением приступила к интересной работе. Со временем моя добрая и чуткая начальница стала для меня самым близким и дорогим человеком. Ежедневное общение с ней приносило радость, и я, в свою очередь, не щадя себя, старалась оправдать ее доверие. С ней было приятно работать, и было чему поучиться. Она никогда не выискивала в людях ошибок, не проявляла недоверия и подозрительности, все ее замечания по работе были тактичны и продуманны. Она была крайне осторожна в своих суждениях. Избравшая высокую и светлую цель служения своему народу, она была самым живым примером в выполнении своего гражданского долга.

Галина Михайловна была вдумчивым, самоотверженным работником, всегда в курсе всех новых публикаций и научных открытий. Хорошая мать, мудрая собеседница и советчица, она быстро стала любимцей института. Следует отметить одно ее хорошее качество: она никогда не кичилась своей высокой эрудицией и всегда была признательна любому человеку, независимо от занимаемого им положения, стремящемуся подсказать ей правильное решение.

В ее лаборатории работали талантливые сотрудники: молодой, энергичный инженер Георгий Александрович Шминке, который решал все технические задачи; только что окончившая Уральский университет молодой би-

олог Галина Михайловна Пронина. Между ними сложились самые добрые рабочие взаимоотношения, безусловно, содействующие успеху в работе. У каждого из них были свои радужные перспективы, вдохновение и огромный энтузиазм. Они делали максимально возможное со своей стороны, чтобы принести как можно больше пользы. В то время в целях разработки новой методики регистрации электрической активности матки и мозга в разные сроки беременности необходимо было провести как можно больше экспериментов и исследований на беременных женщинах, чтобы установить нормативы. Подобных исследований в ту пору в нашей стране еще никто не проводил, и, естественно, они представляли собой определенную трудность. Не все акушеры понимали наши задачи и всю важность поставленной цели и, вследствие этого, не шли нам навстречу и не принимали должного участия в подборе женщин для проведения исследований, явно высказывая свое пренебрежительное отношение к лабораторным исследователям. Однако Галину Михайловну не так легко было обескуражить. Ее не пугало и не расхолаживало их легкомысленное отношение к делу. Она, как воин-доброволец, шла напролом, сохраняя в каждой трудной ситуации определенную выдержку и стойкость, потому что была уверена в правильном направлении своей работы.

Однажды по ее творческой инициативе все сотрудники небольшого коллектива лаборатории согласились на одно любопытное мероприятие – на почасовое исследование самих себя в ночное время в течение всего менструального цикла, что требовало добровольного отказа от сна и отдыха. Эти эксперименты принесли осязательные результаты.

Да, работать с Г. М. Лисовской приходилось подчас в самых неблагоприятных условиях. Не было нужной регистрирующей аппаратуры, качественного инструментария, а главное, нужных электродов. Их приобретением, к счастью, занимался Г. А. Шминке, универсальность ума которого позволяла решать самые неразрешимые вопросы и проблемы. В свое время им были написаны большая монография и много научных трудов. Все это было бесценным вкладом для науки и позволило Галине Михайловне провести сложные научные опыты и осуществить свою благородную цель.

Порой Г. М. Лисовской казалось, что ничего не получится, не удастся, что все ее планы рушатся, но, отдавая ей должное, следует сказать, что она никогда не падала духом и держала себя в руках. Ясно понимая, что для осуществления поставленной цели требуются труд, время, постоянство, терпение и жертвы, она с непоколебимой верой в удачу, упорно и мужественно, преодолевая все трудности, продолжала начатое благородное дело. Правда, не всегда все шло гладко, однако медленно, но верно Галине Михайловне в конечном счете все же удалось создать уникальную по своей значимости научно-исследовательскую лабораторию и разработать для но-

вого поколения врачей-акушеров совершенно новые нормативы для беременных женщин, одновременно защитить по полученным результатам кандидатскую и докторскую диссертации и в целом сделать все то, что было в ее силах, чтобы добиться оцуженного признания важности ее работы. Галина Михайловна Лисовская создала новую научную школу. Биофизическая лаборатория, позже переименованная в лабораторию клинической физиологии, стала в значительной степени центром повышенного внимания не только врачей-акушеров ИОММ, но также врачей из других институтов в области того же профиля.

Итак, мечта Галины Михайловны превратилась в реальность. Всем известно, что проросшее семя в итоге приносит свои плоды. Из лаборатории, как из рога изобилия, стали один за другим выпускаться кандидаты и доктора медицинских наук, стали печататься научные статьи, защищаться диссертации. Прделанная Галиной Михайловной и ее сотрудниками огромная работа, о которой она впоследствии вспоминала с большим удовлетворением, действительно оказалась плодотворной.

Когда она благополучно прошла столь славный путь, ее назначили научным руководителем института, зная, что у нее была достойная замена – ее верная талантливая помощница и последовательница Галина Михайловна Пронина, которая прекрасно знала проблемы и задачи лаборатории. Под руководством своей начальницы она также успешно защитила кандидатскую диссертацию.

В настоящее время лаборатория Г. М. Лисовской широко функционирует. В ней работают ее истинные последователи, которые, идя по ее следам, продолжают проводить все новые и новые исследования. Теперь лаборатория оснащена самой современной электронной аппаратурой и необходимым оборудованием, с помощью которых решаются многие сложные проблемы в области акушерства. Работники лаборатории никогда не забывают о заслугах Галины Михайловны в организации лаборатории и всегда с должной почтительностью вспоминают ее добрым словом».

Прекрасное письмо в честь Галины Михайловны Лисовской было написано 18 апреля 1994 года в день ее 75-летия ее другом и коллегой Галией Гафаровой:

Дорогая Галина Михайловна!

Хочется сказать Вам много хороших любезных слов, выразить чувство глубокого уважения в День славного редкого юбилея, которым судьба одаряет немногих. Научная деятельность Галины Михайловны многогранна. Я скажу о начальном периоде ее деятельности в СНИИОММ, где она проработала четверть века и стала уже причастной к его истории.

В такой день очень приятно обратиться к светлой памяти наших учителей, которые были людьми высокой культуры, благородства, моральной чистоты и святого долга. Прежде всего я хочу сказать о нашем учителе, профессоре И. И. Яковлеве – директоре и научном руководителе института в то время. По его инициативе и под его руководством впервые в Союзе была организована электрофизиологическая лаборатория, что положило начало новому направлению научных исследований в области акушерства и педиатрии. Галина Михайловна была первой ученицей профессора И. И. Яковлева в этой новой области клинической электрофизиологии и, в дальнейшем возглавив лабораторию, достойно продолжила уже со своими учениками исследования по интереснейшим и актуальным проблемам медицины.

В период становления лаборатории яркие успехи порой омрачались неожиданными результатами, но «ведь дело не в первом слове, а в последнем поступке...» (Б. Шоу). В дальнейшем все проводимые и завершённые коллективом лаборатории исследования получали высокую оценку на конференциях, съездах.

Долгое время электроэнцефалографическая лаборатория СНИИОММ была единственным в СССР и, в определенном смысле, методическим центром. На базе лаборатории проводились исследования по просьбе научных сотрудников из столичных институтов.

Известно, как важны в науке взаимоотношения и взаимопонимание между руководителем и его учеником. Кроме высокой научной эрудиции, в руководителе ценны духовная культура, талант общения с учениками. Все это дано Галине Михайловне. Умение поддержать ученика, сохранившего интерес, веру в себя при исследовательских неудачах, обсуждение результатов исследований, постоянная творческая атмосфера, заинтересованность в проведении каждого исследования – все это являлось стилем работы Галины Михайловны, который поддерживался ее учениками. Можно сказать, что в лаборатории мы чувствовали эстетику научного творчества. Вспоминается известный в литературе диалог между Капицей и Бором. П. Л. Капица спросил Н. А. Бора: «Вы воспитали почти всех знаменитых физиков в области квантовой теории. В чем секрет Вашего воспитания?» Н. Бор ответил: «Секрета, пожалуй, нет. Может быть, то, что при беседе со своими учениками мы не боялись показаться дураками». У Галины Михайловны взаимоотношения с ее учениками всегда складываются на взаимопонимании и уважении к их мнению.

Природа одарила Галину Михайловну лучшими чертами русской женщины: скромностью, благородством, добротой, обаянием – в общении, а в делах – умом, целеустремленностью, талантом научного руководителя. Были периоды в ее жизни, когда друзья и ученики могли видеть поразительное мужество, самообладание и стойкость духа.

Жизнь многих учеников Галины Михайловны сложилась под ее человеческим влиянием и при ее участии. Хорошо сказано, что «если время неумолимо уходит, то оно должно уходить торжественно, с боем»! Отзвуки его мы слышим в делах детей, их преданности и любви.

Не зря говорится, что настоящая правда о матери – ее дети. Галина Михайловна всегда была преданной, любящей и любимой дочерью. Выростила прекрасных дочерей, у нее растут любимые внуки.

Галина Михайловна для меня очень близкий дорогой друг. Я счастлива, что в течение многих лет имела возможность работать в тесном творческом содружестве с замечательным человеком, научные интересы которого столь многогранны!

Пусть это не будет чрезмерно высокими словами, но мне хочется повторить слова великого Герцена, который перевел книгу «Записки княгини Дашковой» и, имея в виду ее ум, образованность и неистощимую энергию, воскликнул: «Какая женщина, какое сильное и богатое существование!».

Галина Михайловна! Поздравляю Вас со славным юбилеем и желаю доброго здоровья, счастливого долголетия среди своих дорогих и больших творческих радостей! Желаю Вам всего того, что создает настроение, покой и творческое счастье! Чтобы Вы были не просто ветераном войны и труда, а трудящимся ветераном еще много лет. Лучшие Ф. Тютчева не сказать:

*Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора,
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера!*

Пусть Ваши вечера будут долгими и лучезарными.

Благодарю Вас. Галия Гафарова.

18 апреля 1994 г.

У Галины Михайловны Лисовской много друзей: среди них и ученики, и коллеги, и доктора наук, и аспиранты, и студенты, люди простые и очень известные. Среди них, например, легендарный генерал В. Клементьев, отчим подруги Галины Михайловны Жени Майоровой, имеющий уникальную награду за храбрость – шашку эмира бухарского, украшенную десятками драгоценных камней.

Жизнерадостная женщина, первоклассный ученый, Галина Михайловна сумела совместить в редкое, естественное и гармоническое единство быт и бытие, что удавалось далеко немногим, и среди них – Екатерина Дашкова, Анна Бунина, Софья Ковалевская, Мария Склодовская-Кюри, Анна Ахматова.

В 1971 г. судьба совершает свой очередной поворот: Галина Михайловна переходит работать в СИНХ. Кстати, первым ректором этого высшего учебного заведения был ее муж В. М. Готлобер.

По предложению тогдашнего ректора СИНХа Н. Г. Веселова Галина Михайловна становится заведующей новой кафедры физиологии труда и индустриальной психологии. И вновь Галина Михайловна как истинный ученый добивается успеха в новой для нее сфере научных знаний: она занимается проблемой психолого-физиологических основ организации женского труда. В русле этих научных исследований на кафедре сотрудничает хоздоговорная группа физиологов, гигиенистов, психологов и экономистов. Налаживаются тесные рабочие контакты со многими уральскими заводами. Практические результаты работы научного коллектива, возглавляемого Г. М. Лисовской, получили высокую оценку.

Галина Михайловна направляет всю свою энергию ученого, организатора и руководителя на усовершенствование работы кафедры, которая по решению Министерства образования обретает статус межвузовской кафедры, на базе которой открыт факультет повышения психолого-педагогической квалификации преподавателей вузов Свердловска.

Г. М. Лисовская проработала в СИНХе – УрГЭУ 17 лет и была любима и уважаема всеми: и коллегами, и аспирантами, и студентами.

В газете «Экономист» (№ 22 (315), 16 июня 1975 г.) помещено письмо студентки, характеризующее Галину Михайловну как прекрасного преподавателя:

«На втором курсе мы проходили физиологию и психологию труда. Лекции нам читали Г. М. Лисовская и Е. Ф. Шляхтер. «Лекция закончена... Вопросы?..» И почему-то не хотелось ни о чем спрашивать... Интуитивно, в глубине души, может, понимаешь, что мешает боязнь нарушить ту особенную атмосферу, которая жила в аудитории несколько минут назад. Сейчас лучше помолчать, подумать, поразмышлять. Еще раз пережить неповторимый миг проникновения в мир социально-психологических проблем. Еще раз обдумать те открытия, которые услышала на лекции. Да, каждая лекция Елены Федоровны и Галины Михайловны – это открытие».

Г. Жучкова.

Мне кажется, что новые, возможно вполне неизвестные черты характера и грани таланта Галины Михайловны Лисовской как оригинального человека, красивой женщины и крупного ученого раскрываются в интервью, которое у нее взяла журналист В. Борисова еще в 1976 г. («Не мелькнуть, как метеор...», газета «На смену!», 3 апреля 1976 г.).

Помните, драматурги Э. Рязанов и Э. Брагинский в начале своей пьесы «Сослуживцы» нарисовали шарж-портрет «сугубо деловой» женщины-руководителя. Калугина – твердокаменный человек, за ежесекундным осознанием своего служебного долга и необходимостью «держаться авторитет» забывшая, что она – женщина... Конечно, этот образ – гипербола, пародия, но как точно здесь работает прием: даны именно те черты, которые противопоказаны руководителю.

Сегодняшнему руководителю, научному работнику, подлинно деловому человеку необходимы дар общения с людьми, широта знаний и интересов, богатство не только профессионального интеллекта, но и духовного мира, постоянное, полнокровное ощущение окружающей жизни. Лишь тогда он будет действительно личностью, яркой и интересной, будет способен достичь вершин в своем деле и поведет за собой других.

Галина Михайловна Лисовская – чуткий собеседник, человек, о котором говорят «располагающий к себе». Галина Михайловна – доктор медицинских наук, профессор, заведующая кафедрой физиологии труда и индустриальной психологии СИНХа. Деятельный, умелый и доброжелательный руководитель научного коллектива, серьезный ученый-исследователь, воспитатель молодежи – так отзываются о ней коллеги.

Окончив в 1942 г. Сталинградский мединститут, она сразу ушла на фронт, была военным хирургом. После войны преподавала, более 20 лет проработала в Свердловском научно-исследовательском институте ОММ, последние годы – заместитель директора по науке. Занималась физиологией, защитила кандидатскую, а затем и докторскую диссертации. Постепенно основное внимание Галина Михайловна стала уделять изучению проблем женского труда. Эти вопросы надо решать комплексно, в содружестве ученых-биологов, психологов, физиологов, социологов... И вот организовалась кафедра, которой сейчас руководит профессор Лисовская. Причем этой кафедре доверена координация работ по названным вопросам в масштабе всей нашей страны.

– Галина Михайловна, сначала все-таки о Вашей работе. У кафедры столь сложное и для неспециалистов даже несколько интригующее название. Что же это такое – индустриальная психология?

– Знаете, я считаю, что индустриальная – не совсем точно, лучше – инженерная. Потому что само понятие «психология» относится к людям, а не к индустрии. В современном обществе, в сфере производства, постоянно происходят изменения, требующие учета «человеческого фактора»: создание трудовых коллективов – процесс сложный, требует внимания и взаимодействия системы «человек – машина – среда и т. д.». Мы изучаем психологические и физиологические показатели работающих людей и на основе этого даем практические рекомендации по улучшению условий труда, трудового процесса. Это главное направление научной работы кафедры – изучение и разработка физиологических и психологических основ научной организации труда, что очень важно для повышения эффективности производства.

Мы занимаемся этими проблемами в основном в отношении женщин. Почему именно так? Ну, судите: например, на Урале количество женщин среди работающих со-

ставляет 54 процента, в промышленности и строительстве – 47 процентов. А специфических проблем здесь много, и они еще недостаточно изучены...

– Интересно, Галина Михайловна, как Вы считаете, есть все-таки «мужская» и «женская» работа?

– Все-таки есть. Конечно, не категорично «только для мужчин» или «только для женщин» и уж совсем не в плане какого-то различия способностей и возможностей, а в зависимости от психофизиологических особенностей пола. На основе специальных исследований, научных данных, женщинам надо рекомендовать, где им лучше работать. Вот пример: монотонный труд очень утомителен, но, оказывается, женщины переносят монотонию легче, чем мужчины. Поэтому, скажем, на радиомонтажном конвейере лучше будет работать женщина.

Медицина – казалось бы, женское дело, требующее заботы, внимания, сострадания. Но война показала, что это все же более мужская профессия...

– Война... Пороховой, тяжелый и долгий фронтовой путь. И кому, как не Вам, хирургу полевого госпиталя, знать, сколько пролито крови за родную землю. Тридцать лет прошло, а все помнится, наверное?

– Конечно, разве это можно забыть? Военные дни... Огромное напряжение, все чувства обострены, сутки будто раздвинуты – работа днем и ночью... Мы, медики, были свидетелями просто необычайной, с позиций обычного времени, выдержки, мужества, силы духа наших бойцов.

Никогда не забуду Сиваш. Место кругом открытое. На той стороне озера – немцы, на этой – мы, в землянках. И непрерывные бои. Наша работа – с наступлением темноты. За ночь надо было оказать помощь всем раненым и эвакуировать их, освободить место для новых. В землянках, на земляном же возвышении вдоль стен – раненые лежат, а между ними мы ходим, по колено в воде... Раздобыли керосиновую лампу – радовались, что можем оперировать при свете...

Товарищей своих фронтовых всю жизнь помню и люблю. Николай Арутюнович Нерсисян – замечательный хирург, ему тогда 30 с небольшим было, а казался мне чуть ли не пожилым человеком, учил меня полевой хирургии. Прошел всю войну, а за неделю до Победы погиб... В трудные минуты работы и жизни на фронте как помогла мне врач Фаина Матвеевна Шляхова, как чувствовала я всегда ее, старшей, заботу...

– И вместе вас всех тогда награждали? Ведь именно за Сиваш Вы получили орден Красной Звезды?

– Да, когда гитлеровцы отступили, в торжественной обстановке нам вручили награды. И как клятва звучали гордые слова: «Служу Советсткому Союзу!»...

На Сиваше Лисовская была старшим лейтенантом медицинской службы, к Победе пришла капитаном.

– Галина Михайловна, в годы войны наши женщины и сражались, и работали, не уступая порой в героизме, самоотверженности, выносливости мужчинам. И сейчас трудятся наравне с ними в самых разных областях производства, науки, культуры. Даже

все чаще можно услышать новое понятие «биархат» как символ абсолютного равенства...

– Ну, видите ли, при любых разговорах о равенстве все-таки должны непременно учитываться биологические особенности женского организма и социальная функция женщин – самая важная для общества функция – рождение и воспитание детей. Мы сейчас широко ставим и на производстве, и в быту проблему учета особенностей, улучшения условий труда и быта женщин. А термин «биархат» – его можно принять, но лишь как слово, обозначающее социальные перемены в нашем обществе, обязательно все же подразумевающая особое отношение к женщине, где и кем бы она ни работала.

– Вот Вы – ученый, ведете исследования, читаете лекции студентам, руководите подготовкой диссертаций, заведуете кафедрой... это огромная нагрузка – интеллектуальная, эмоциональная, физическая... Так стоит ли женщине идти в науку?

– Если есть к этому призвание, нужный склад мышления – стоит, и даже необходимо. Наука – особая область деятельности. Говорят: она требует всей жизни, отбирает все время и силы. Но если по-настоящему любишь, предан своему делу, какая бы профессия ни была – она требует того же. Если человек умеет увидеть важную проблему и пути к ее разрешению – безразлично, женщина или мужчина – надо заниматься наукой.

Я очень люблю книгу замечательного советского медика С. Юдина «Размышления хирурга». Там есть прекрасные слова о качествах, необходимых научному работнику: «Правильно схватывать наиболее ценные и продуманные мысли и темы, уметь улавливать то, что будет жить, а не мелькнет, как метеор...».

– Каждый человек работает в коллективе, и порой создается для кого-то из нас сложная психологическая обстановка. Моральный климат коллектива – очевидно, это очень важно и для самой работы, и для людей. Как Вы считаете? И какова роль руководителя в создании этого климата?

– Чрезвычайно важно, чтобы в любом коллективе был хороший психологический климат. Спокойный, деловой, доброжелательный. В котором наиболее полно мог бы проявиться каждый работник, его способности, возможности. Считаю, что все должно быть поставлено так, чтобы человеку не надо было «приспосабливаться» к коллективу и «тренироваться» в выдержке, особой психологической устойчивости. Иногда приходится наблюдать, что руководитель не учитывает необходимости благоприятной моральной обстановки, вследствие чего и коллектив в целом, и каждый работник теряют очень много, снижаются и результаты труда. А ведь от руководителя тут многое зависит, многое требуется: знание законов формирования коллектива, особенностей его структуры, индивидуальных черт и качеств сотрудников, их творческих интересов, их жизни, их бытовых условий, наконец. Я придаю всему этому очень большое значение. У нас кафедра – пять человек и около двадцати выполняющих научно-исследовательскую работу по договорам. И с радостью могу сказать, что своим коллективом я довольна. Работаем мы дружно, если и возникают какие-то конфликтные ситуации, они быстро и спокойно разрешаются.

– На вашей кафедре работают совместно биологи и психологи, экономисты и физиологи... Ведутся исследования, так сказать, на стыке наук. Это вообще яркая тенденция современного научного прогресса. Как Вы думаете, Галина Михайловна, в каком направлении должна развиваться подготовка специалистов, ученых – по пути универсализма или все более узкой специализации?

– Сейчас, действительно, все ширится тенденция комплексных исследований в различных областях знания. Мне вспоминается изречение Козьмы Пруtkова: «Специалист подобен флюсу, потому что его полнота односторонняя». Это юмор. А вот Тимирязев сказал всерьез и очень точно, емко: надо знать много о немногом и немного о многом. Иногда незнание хотя бы основ смежных областей науки задерживает ее развитие на многие годы. Сегодня происходит процесс дифференциации знаний, идет огромный поток информации. По данным науковедения, в 1960-м г., например, в науке было 2,5 миллиона информационных материалов, на 2000-й г. их ожидается 57,5 миллиона. Накопление информации ведет все к более интенсивному взаимопроникновению разных отраслей знаний. Действительно, появляются очень узкие специалисты, и это необходимо, но они непременно должны ориентироваться в смежных областях.

– Вот мы говорим об огромном объеме необходимой информации, о сложной исследовательской работе, заботах о коллективе, и я думаю: да бывает ли у Вас свободное время, как оно, наверное, дорого?

– Я очень люблю свою машину – старую «Волгу». Знаете за что? Она помогает мне жить: везде успеть и «образовать» время для отдыха. У нас давно есть сад, конечно, культивировать его нет возможности, но цветы всегда развожу, особенно прекрасные пионы... С удовольствием слушаю музыку. Что может сравниться с блистательным Чайковским – волшебная красота мелодий, очищающая сила таланта, эмоциональное воздействие... В общем-то могу назвать себя театралкой – по интересу, по любви к этому виду искусства. Но, к сожалению, в Свердловске времени для частых посещений театров не хватает. Зато уж когда бываю в Москве, как говорится, отвожу душу. Обязательно – в театры. И непременно – в Вахтанговский, где такие удивительные, великолепные актеры: Ю. Борисова, М. Ульянов, Ю. Яковлев, Н. Гриценко... Кстати, знаете, Николая Гриценко я долго как-то не очень «принимала», но после спектакля «Память сердца», где так глубоко и трогательно играет он старого артиста, полюбила его самолюбное мастерство.

А еще для меня очень радостны и дороги часы, когда вместе с дочерьми выезжаю в лес, на природу...

– Ваша старшая дочь Вита – экономист, а Татьяна, младшая, пошла по Вашему пути – в медицину. Преемственность поколений? Сейчас эта традиция, пожалуй, развивается все шире во всех областях человеческой деятельности...

– И очень хорошо. Прекрасно и полезно для дела, когда, скажем, на заводах, фабриках, в колхозах работают трудовые династии. Династия – это передача опыта, любви и преданности профессии, мастерства из поколения в поколение. Это позволяет

молодым глубже, до тонкостей овладеть специальностью, полностью понять, почувствовать ее.

В последнее время ясно стала просматриваться тяга к преемственности и в медицине. Мои родители не были медиками, а вот дочь избрала эту профессию. И я, конечно, рада.

– А как, почему Таня пошла в медицинский институт? Не было ли тут давления Вашего авторитета? Ведь не секрет, случается порой, что родители буквально тянут детей по своим стопам...

– Ни в коем случае! Даже модные и, казалось бы, полезные занятия музыкой или спортом нельзя навязывать ребенку. Все внедряемое насильно, только вредит, я считаю, и вызывает обратную реакцию – антипатию. Как это – тянуть, если нет склонностей, интереса? Итогом таких действий и бывает то, что иногда уже взрослые люди меняют специальность.

Преемственность же – совсем другое. Представьте: в доме специальная литература, увлеченные разговоры о работе, встречи с коллегами. В этой атмосфере растут дети, постепенно они как бы включаются в эту жизнь, формируется их отношение, интерес к профессии. И зреет сознательный выбор. Естественно, происходит это лишь тогда, когда родители действительно любят свое дело, стремятся работать так, чтобы «не мелькнуть, как метеор...»

Галина Михайловна Лисовская действительно глубоко, горячо и преданно любит свое дело. И прививает, передает эту любовь и увлеченность не только дочери, но и тем, кто с ней работает. Она воспитала 14 кандидатов и одного доктора медицинских наук. Она все время в научном поиске. Руководитель, ученый, обаятельная женщина.

(Беседу вела В. Борисова.)

И все-таки вступлю в некоторое противоречие с заголовком этой знаменательной беседы: жизнь и судьба Галины Михайловны Лисовской подобна комете, но отнюдь не той «беззаконной комете в кругу расчисленных светил», она – источник неиссякаемого света, подготовленного и оправданного судьбой и жизнью ее родителей Клавдии Семеновны и Михаила Ивановича, а также всем опытом и историей двух родов – Макаровых и Лисовских, умом и кровью всех предков своих. Случилось так, что все, что накопилось в душах десятков и сотен родных Галины Михайловны, проявилось в ней и выразилось необыкновенной энергией, силой ума и души, красотой и жизнелюбием.

Давайте посмотрим в лицо этой женщины, жизнь и судьба которой просто уникальны: рожденная в дороге, она до сих пор в пути – в науке, в педагогике, в семье, в дружбе и в любви. О внешности таких людей в девятнадцатом веке говорили так: «Какое сильное лицо!».

Галина Михайловна – человек счастливый, потому что счастье для нее, как и для всех честных, умных и порядочных людей, заключается

в гармонии интересов жизни с интересами профессиональными, интересов личных с интересами общества, страны и цивилизации в целом.

С сентября 1989 г. Галина Михайловна трудилась в Уральском государственном профессионально-педагогическом университете (бывшем Свердловском инженерно-педагогическом институте), где она пользовалась огромным уважением и как специалист, ученый, и как выдающаяся личность, вместившая в свою жизнь все основные события трудной, грозной и счастливой истории нашей страны. Эта энергичная, бодрая и красивая женщина чутко улавливала тончайшие нюансы современности и основные требования времени. Ее работоспособность и активная позиция во всех жизненных ситуациях удивляли всех. Трудно поверить, но только за один учебный год ею подготовлено 6 (!) кандидатов педагогических наук.

– Сегодня, – говорила Галина Михайловна, – главное для молодого специалиста – быть конкурентоспособным, свободно ориентироваться в нынешних условиях рынка. И еще молодым необходимы саморазвитие, самообучение, самовоспитание. Только тогда работа принесет удовлетворение и наполнит личность новыми силами.

18 апреля 1999 г. Галине Михайловне Лисовской исполнилось 80 лет. На юбилейных торжествах перед коллегами, учениками, товарищами и друзьями открылась удивительно богатая событиями и достижениями, а главное, абсолютно уникальная жизнь и судьба большого человека, крупного ученого, замечательной женщины, кропотливого работника-исследователя, воина-врача и заботливого наставника.

Все знают, что Галина Михайловна не очень любила, когда при ней (а это в последние годы происходило достаточно часто) перечисляли ее заслуги, награды, достижения и почетные звания. И тем не менее, сделаем это.

Галина Михайловна Лисовская – профессор, доктор медицинских наук, имела следующие почетные звания: «Отличник народного просвещения» (1994 г.), «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации» (2000 г.); награждена 18 правительственными наградами. Галину Михайловну Лисовскую поздравляли с Днем Победы лично Губернатор Свердловской области Э. Э. Россель и Президент России Б. Н. Ельцин. Галина Михайловна имела десятки благодарностей и почетных грамот за самоотверженную, плодотворную, а главное, умную работу в отечественном здравоохранении, в педагогике, в науке, в высшем образовании. Самые последние из них – самые дорогие.

ПРИКАЗ
от 19.04.99 № 15/212
О награждении
почетной грамотой
Минобразования России
Г. М. Лисовской

За многолетнюю плодотворную научно-педагогическую деятельность по подготовке высококвалифицированных специалистов наградить почетной грамотой Министерства общего и профессионального образования Российской Федерации доктора медицинских наук, профессора, заместителя заведующего кафедрой акмеологии общего и профессионального образования Уральского государственного профессионально-педагогического университета Лисовскую Галину Михайловну.

Первый заместитель министра
В. М. Жураковский

*Профессору,
доктору
медицинских наук
Г. М. Лисовской*

Глубокоуважаемая Галина Михайловна!

Примите от президиума Российской академии образования самые искренние, самые теплые слова поздравления в знаменательный день Вашего рождения. Мы знаем Вас, Галина Михайловна, как талантливого ученого, подготовившего 24 кандидата и доктора наук. Только в 1998 г. под Вашим руководством 6 соискателей защитили диссертации по специальности «Общая педагогика». Вы являетесь автором 120 научных работ. Все это свидетельствует о Вашем значительном вкладе в российскую науку. Вы были, есть и будете достойным примером честного, безукоризненного отношения к делу, которому Вы служите. Желаю Вам дальнейшего научного совершенства, новых интересных учеников и диссертаций, хорошего душевного и физического здоровья, благополучия и счастья в семье.

*С искренним уважением,
член президиума РАО,
профессор Е. В. Ткаченко*

Министерство общего и профессионального образования Российской Федерации
Уральский государственный профессионально-педагогический университет

ПРИКАЗ

г. Екатеринбург

№ 316–КП от 19.04.99

18 апреля 1999 г. исполняется 80 лет заместителю заведующего кафедрой акмеологии общего и профессионального образования, профессору, доктору медицинских наук Галине Михайловне Лисовской.

Жизненный путь Галины Михайловны – это история нашей страны: она защищала Родину на фронтах Великой Отечественной войны, она отдала много сил восстановлению здоровья людей, подорванного и разрушенного страшной войной, она стояла на охране жизни и здоровья будущих жителей и строителей страны. Галина Михайловна, став крупным ученым, многие годы участвовала в формировании научной политики одного из ведущих НИИ Министерства здравоохранения России – Института охраны материнства и младенчества. Более 17 лет Г. М. Лисовская заведовала кафедрой физиологии труда и индустриальной психологии, на которой прошли повышение квалификации многие преподаватели вузов Свердловска-Екатеринбурга.

С сентября 1989 г. Галина Михайловна связала свою профессиональную и творческую жизнь с нашим университетом. Ею разработаны новые авторские спецкурсы по педагогическому менеджменту, коррекционной педагогике, организации умственного труда, ведется постоянный поиск новых форм и методов проведения занятий и контроля знаний слушателей. По ее инициативе на кафедре были открыты аспирантура и докторантура. Только за 1998 г. под руководством Г. М. Лисовской защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук 6 человек. Всего же под руководством Галины Михайловны защищены 24 кандидатских и 1 докторская диссертации.

Г. М. Лисовская активно занимается научно-исследовательской работой, определяя научное направление кафедры. Галина Михайловна за многие годы научно-педагогической деятельности являлась участницей многих международных, всесоюзных, российских и региональных научных съездов и конференций. Юбиларом опубликовано более 120 научных работ, она является членом совета по защите докторских диссертаций.

Профессор Г. М. Лисовская награждена орденами Отечественной войны II степени и Красной Звезды, 16 медалями, а также знаками «Отличник здравоохранения» и «Отличник народного образования».

Г. М. Лисовская энергична и инициативна, находится в постоянном творческом поиске, пользуется высоким и заслуженным авторитетом у сотрудников университета.

В день 80-летия Ученого, Учителя, бойца, матери, прекрасной женщины – Галины Михайловны Лисовской

ПРИКАЗЫВАЮ: Объявить профессору, доктору Г. М. Лисовской благодарность за самоотверженный труд и наградить ценным подарком.

Ректор университета

Г. М. Романцев

Кажется, совсем недавно отгремели артиллерийские залпы салюта в честь 55-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне. А незадолго до этого великого праздника Галина Михайловна опубликовала отрывки из своих воспоминаний под заголовком «Перед опасностью, грозившей Родине...» (газета «Экономист», № 2 (854), март 2000 г.). Автобиографическое повествование, написанное Галиной Михайловной Лисовской, было воспринято нами, ее младшими современниками, как исповедь дочери своей Отчизны, когда личная судьба человека практически полностью совпала с исторической судьбой его страны. Появились отклики на исповедь Галины Михайловны – и не только в газетах: в сборнике тезисов форума молодых студентов «Социально-экономические приоритеты российского общества» была помещена весьма необычная для научного издания публикация «Военное лихолетье» (авторы О. А. Пономарев и Т. В. Бланк, УрГЭУ). Публикация беспримерная по степени эмоционально-оценочного отношения авторов к своему предмету и, естественно, весьма поучительная для молодых экономистов, социологов, психологов и педагогов:

История Отечества складывается из истории судеб людей, отдельных семей. Вуз – это *alma-mater* и большая семья студентов и преподавателей. У вуза есть своя история, переплетающаяся с историей страны.

В Уральском государственном экономическом университете в галерее портретов профессоров, докторов наук выделяется один портрет. На нем изображена красивая девушка в офицерской форме с боевым орденом Красной Звезды. Это Галина Михайловна Лисовская, участница Великой Отечественной войны, капитан медицинской службы.

Судьба Г. М. Лисовской сложна и трагична. Написанные ею воспоминания открывают еще одну страницу тяжелого и долгого пути нашего народа к Победе. В судьбе одной девушки, ее семьи, друзей отразилась широкая панорама войны.

Июнь 1941 г. Она – студентка третьего курса Ленинградского педиатрического медицинского института. Город окружен. Эвакуация. Сталинградский медицинский институт она заканчивает 22 июня 1942 г. Получено удостоверение (диплом – по запросу в 1952 г.). Работа врачом. Жизнь в землянке. Налеты вражеской авиации. Ранение в голову. Эвакуация в Пермскую область. После выздоровления служба в эвакогоспитале в Свердловске (хирургом). Через три месяца – действующая армия. Встреча с известным физиологом Л. А. Орбели (после войны Галина Михайловна станет физиологом). Вновь война, хирургия – мужское дело. «У войны не женское лицо» – это Галя Лисовская постигла в полной мере.

Не забыла всех своих коллег в полевом госпитале под Ростовом, в подземном госпитале на озере Сиваш, в Бахчисарае. Помнит жуткие картины после депортации крымских татар. Передислокация в Прибалтику. Операции, операции... Профилактические осмотры в воинских частях на выявление венерических заболеваний. Каково все это

ей, девушке? Весть о Победе – несказанная радость. Окончена страшная, жестокая война. Мир – это самое главное. Она знает ему цену. Судьба на длительное время развела ее с родителями, лишь случай ненадолго сводил их вместе, чтобы затем вновь развести. Погиб отец, нет близких друзей и знакомых. Уроки жизни, сколько их было получено за войну.

Вновь Свердловск, куда отправлен ее госпиталь. Назначение преподавателем-хирургом на военную кафедру Уральского университета. Здесь судьба свела ее с Валентином Михайловичем Готлобером, который стал ее мужем. Рождение дочерей. Пройдут годы, и доктор медицинских наук, профессор Г. М. Лисовская возглавит кафедру физиологии труда и индустриальной психологии в Свердловском институте народного хозяйства (ныне УрГЭУ). Она – свидетельница рождения этого вуза, его первым ректором стал В. М. Готлобер.

Г. М. Лисовской 80 лет. Она вся в работе. Сейчас она трудится на кафедре Уральского государственного профессионально-педагогического университета. Г. М. Лисовская – это мужественная, благородная, красивая дочь своего Отечества.

Заключение

У каждой книги – своя судьба. Второе издание воспоминаний Г. М. Лисовской – это отчетливый знак того, насколько наше прошлое нужно настоящему, нужно для того, чтобы свершилось грядущее. Книга-жизнь удивительного человека нужна всем, кого заботит крепость связи времен. Именно такие книги не позволяют распасться тончайшим связкам хроноса и места, истории и современности, эпох и страны.

Жизнь Галины Михайловны – это закономерный, естественный и гармоничный путь, по которому – велением мощного ума и души – идет этот крупный и независимый человек; это путь: Медицина – Экономика – Педагогика.

Галине Михайловне по-хорошему завидуешь, и поэтому в словах благодарности, любви в речи ее друзей, соратников и коллег всегда звучали надежда и уверенность в том, что путь еще не пройден до конца и впереди – в это трудное для России время – еще много работы.

Опыт Галины Михайловны Лисовской драгоценен, и ее воспоминания о начале жизни и о войне – это замечательный памятник судьбы, который войдет в историю страны навсегда, потому что

*Страницу и огонь, зерно и жернова,
секиры острие и усеченный волос –
Бог сохраняет все; особенно – слова
прощенья и любви, как собственный свой голос.*

Сколько силы в этой хрупком и красивом человеке! Сколько ума, иронии и доброты во взгляде этой женщины, совместившей в своем характере черты тургеневских девушек, бунинских любимых и любящих героинь и боярыни Морозовой!

Замечательная жизнь Галины Михайловны Лисовской и ее Судьба-хранительница – это, если воспользоваться определением Вселенной, которое сформулировал в свое время Блез Паскаль, круг, центр которого везде, а окружность нигде, потому что сила ума и души Галины Михайловны сегодня повсеместна и безмерна, она живет и приумножается в ее детях, внуках и учениках.

Перед Вами строки воспоминаний Галины Михайловны, написанные в последние дни ее жизни:

Заключая свои записи-воспоминания, должна сказать, что мне неизвестно, сколько Судьбой отпущено жизни. И я сейчас собрала последние силы и волю, чтобы закончить и оставить избранные лекции на тему здо-

ровьесбережения в системе образования. Я убеждена в том, что наше общество уже сейчас больно нравственно и физически. Считаю, что XXI век, век рыночных отношений, является более безнравственным, суровым и жестоким, чем предыдущий. И будущее поколение встретится с еще большими проблемами по сравнению с теми, какие пришлось пережить моему.

И одной из важнейших проблем станет проблема здоровьесбережения нации, при этом основная роль будет принадлежать каждой личности, каждому человеку в отдельности.

Перед тем как поставить последнюю точку в своих записях-воспоминаниях, я хотела бы сказать и о том, что меня во многом поддерживала работа: трудилась я всю жизнь, мой трудовой стаж составляет более 50 лет. В то же время, я не смогла оставить своим дорогим внукам Стасу, Диме и правнуку Артюше ничего, кроме своей любви, сердца и души. Могу сказать только одно: несмотря на большие трудности, которые встречались на моем пути, у меня были свои радости, я испытывала счастье от общения с друзьями, от профессиональных успехов своих дочерей, зятя и близких.

Обращаясь к своим внукам и правнуку, а также к молодежи, которой предстоит жить и трудиться в XXI веке, хотела бы высказать важную для меня мысль о том, что девиз, когда-то провозглашенный, – «Ум. Честь. Совесть.» – должен относиться не к той или иной партии, а должен быть в сердце и душе каждого из вас. Только тогда можно надеяться на то, что вы испытаете радость жизни, дарованной свыше, сможете ощутить радость от каждого проживаемого дня.

Да хранит вас Судьба!»

Содержание

К читателю.....	3
Предисловие	5
Начальная пора... ..	8
Сороковые, роковые... ..	23
«Источник света и добра...»	73
Г. М. Лисовская в воспоминаниях своих друзей и коллег	100
Заключение	118

СУДЬБОЙ ХРАНИМА
Воспоминания Г. М. Лисовской

2-е издание, дополненное

Подписано в печать 21.03.05. Формат 60×90 ¹/₁₆.
Бумага для ВХИ. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,9. Уч.-изд. л. 8,1.
Тираж 200 экз. Заказ № 3713.

Российский государственный профессионально-педагогический университет.
620012, Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11.

ООО «Дельта-План».
620026, Екатеринбург, ул. Луначарского, 212, тел. 257-23-00.
office@delta-plan.ru
www.delta-plan.ru